

Низами Гянджеви

Лейли
и
Меджнун

84/5 A30)-5

№ 61

Низами Гянджеви

Пейли

и

Меджнун

F. Köçərli adına

Azərbaycan Dövlət Uşaq

KİTABXANASI

INV. № 245904

ÇAŞIOĞLU

MULTIMEDIA

2009

Выражаем искреннюю признательность ректору Смольненского Университета Гейдару Иманову за инициативу и поддержку в подготовке к изданию этой книги.

Низами Гянджеви.

Лейли и Меджнун. Баку: Чашыоглу - Мультимедия, 300 ст.

В книге представлен новый перевод известной поэмы великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви (1141-1209) «Лейли и Меджнун». Эта повесть о несчастной любви прекрасной Лейли и юноши Меджнуна, созданная более восьми веков тому назад, и в наши дни не потеряла своей привлекательности для почитателей восточной поэзии.

Рецензент - доктор филологических наук, заслуженный деятель науки, заведующая Отделом литературы средних веков Института литературы имени Низами Академии наук Азербайджанской Республики, чл.-корр.академии наук Азербайджана Азаде Рустамова.

Н $\frac{4700000000-14}{2009}$

© «Чашыоглу - Мультимедия» 2009

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Великий азербайджанский поэт и мыслитель Шейх Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами Гянджеви родился в 1141 году в семье состоятельного горожанина, не связанного с высшими кругами шахской знати. Отец его, Юсуф, дал сыну хорошее образование: в гянджинских медресе-школах он в совершенстве овладел арабским и персидским языками, основательно изучил мусульманское богословие, историю, философию, астрологию, астрономию, географию, медицину, то есть все основные дисциплины, составлявшие тогдашнюю образованность.

Литературоведческая наука располагает весьма скудными сведениями о жизни Низами. Основным источником наших знаний о поэте являются его же поэмы. Всю жизнь он прожил в Гяндже — богатом, процветающем торговом азербайджанском городе. Известно, что был трижды женат. В поэме «Хосров и Ширин» Низами горькими слезами оплакивает неожиданную смерть своей любимой жены тюрчанки Аппак. Из текста поэмы «Лейли и Меджнун» читатель узнает, что поэт был очень привязан к сыну Мухаммеду: забота и любовь к нему проявляется в трогательном обращении, в отцовских наставлениях. В последней поэме «Искендер-наме» Низами в горестных строках сетует на старость, на болезни и одиночество. Он умер в 1209 году в родном городе Гяндже, там и похоронен. На протяжении многих веков могила великого поэта и шейха является местом паломничества.

Ранние произведения Низами до нас не дошли. Нет сомнения, что он начал писать стихи в юношеские годы. В первой своей известной поэме «Сокровищница тайн», которую он начал писать в 1173 году, то есть в возрасте немногим более тридцати лет, поэт проявил себя как опытный, зрелый мастер.

Известно, что Низами написал пять больших поэм: философско-дидактическую поэму «Сокровищница тайн», романическую поэму «Хосров и Ширин», любовно-лирическую «Лейли и Меджнун», поэму о легендарном шахе Бахрам Гуре и о его семи царевнах «Семь красавиц» и, наконец, поэму «Искендер-наме», которую поэт считал вершиной своего творчества. Прототипом Искендера послужил древнегреческий царь Александр Македонский. В поэме он выведен как мудрый политик и идеальный правитель.

Все эти поэмы объединены под общим названием «Хамсе» («Пятерица»). Кроме того, до нас дошли и другие произведения Низами: более ста лирических стихов — газелей, шесть хвалебных од — касыд и тридцать четверостиший — рубаи.

Все свои произведения Низами писал на персидском языке. В XI—XIII веках персидский язык был общим литературным языком для всех народов, проживавших на огромной территории мусульманского мира от северной Индии и Средней Азии до Закавказья и Малой Азии. Поэты того времени пользовались не только персидским языком, но и системой арабо-персидской стихотворной метрики и поэтики. Однако при единстве языка и метрики персоязычной литературы в отдельных странах этого большого региона наблюдалась самобытность идейного содержания и стиля многих местных школ и течений. Среди этих течений литература Азербайджана XI—XII веков, во главе с великим Низами по своему идейному и стилистическому вкладу в поэзию оказала мощное влияние на последующее развитие всей средневековой персоязычной литературы.

Персоязычная литература того времени существовала и развивалась преимущественно при дворах правителей. И, естественно, была литературой только для тех, кто владел персидским языком, то есть для высшей касты феодальных правителей, аристократии и ограниченного круга горожан — духовенства, купечества, чиновников, некоторой части ремесленников. Для большинства кочевого и оседлого тюркоязычного населения эта литература оставалась недоступной. Азербайджан в этом отношении не являлся исключением. В феодальную эпоху «чужой» язык являлся языком письменной литературы во многих странах Востока и Запада.

Начиная с X века в персоязычной литературе в сфере эпического жанра господствовала историко-героическая тематика, которая была тесно связана как с мифологией, так и живым фольклором. Мир героико-богатырского эпоса нашел блестящее воплощение в гигантской поэме Фирдоуси «Шах-наме» («Книга царей»). Эпоха господства этой тематики в литературе длилась более полутора веков. Но и последующее время мало кто из поэтов Ближнего Востока не испытал на себе влияния великого Фирдоуси и мало кто не использовал в своих произведениях имена героев эпоса.

Однако время шло, литературный процесс развивался, на смену героическому эпосу в персоязычной литературе пришла

романическая поэма. Предвестником нового направления в литературе явилась любовно-приключенческая поэма «Вамик и Азра» Унсури (умер в 1039 году), но она не имела достаточно широкого распространения и не смогла оказать ощутимого влияния на литературный процесс. Более заметным событием стало появление поэмы автора XI века Фахраддина Гургани «Вис и Рамин». Эта поэма скорее была рыцарской, чем романической, однако поворот от героического эпоса уже наметился.

Подлинным новатором средневековой персоязычной литературы был Низами. Он своими поэмами открыл новое направление в литературе — эпоху романической поэмы. Если героями «Шах-наме» Фирдоуси являлись идеализированные богатыри-воины — рыцари без страха и упрека, олицетворявшие собой справедливость, любовь к родине, непримиримость к враждебным силам, то у Низами героями его поэм были обычные, земные люди, со своими достоинствами и недостатками. Например, сасанидский шах Хосров в поэме «Хосров и Ширин» выведен эгоистичным, бесхарактерным правителем, ему противопоставлена княжна Ширин, наделенная высокими моральными качествами, ясным умом и сильной волей. В этой же поэме есть другой персонаж — благородный ремесленник Фархад, самозабвенно влюбленный в Ширин, трагическая любовь, к которой поднимает его на самоотверженный подвиг. В поэме «Лейли и Меджнун» перед читателем проходит целая серия характеров: Кейс — беспомощный перед самоуправством и жестокостью отца возлюбленной; Лейли — раба семейного деспотизма; родители Меджнуна; его друзья — каждый со своими особенностями характера, которые по-своему переживают трагедию Меджнуна и сочувствуют ему. В поэме «Искендер-наме» создан образ сильного волевого правителя, который отдает все свои силы на благо подданных.

Низами не только великий поэт, он и великий мыслитель. Все его поэмы содержат многочисленные философские отступления, в которых поэт выразил свои мысли и наблюдения, связанные не только с сюжетом произведений, на страницах которых разворачиваются те или иные события, но и перекликающиеся с событиями в жизни страны и за ее пределами.

Низами активно пропагандирует гуманистические идеи и передовые политические взгляды своего времени, широко привлекая для этого философское наследие античного мира, малознакомое в то время на мусульманском Востоке. Эти прогрессивные идеи Низами, как это было принято в мусульманском

мире, облакал в религиозную оболочку или излагал в поучительных притчах.

Низами всю жизнь стремился сохранить свою независимость и свободу, он никогда не был придворным поэтом, что давало ему право на свободу творчества. Поэт пользовался непререкаемым авторитетом у своих современников. Почетный эпитет к его имени «шейх» свидетельствует о почтительном отношении к нему — мудрому, благочестивому наставнику мусульман.

Его слава как поэта была широко известно на всем Востоке. Все пять поэм Низами вызвали «назира» — «поэтический ответ», то есть подражания у десятков выдающихся поэтов начиная с XIII века вплоть до нашего времени. Достаточно назвать поэтов с мировым именем: индийского персоязычного поэта Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325), персидского поэта Абдуррахмана Джами (1414—1492), великого узбекского поэта Алишера Навои (1441—1501), известного азербайджанского поэта Мухаммеда Физули (1494—1556), наших старших современников — Самеда Вургуну и Назыма Хикмета, которые использовали сюжеты, идеи, заимствованные у Низами.

Рукописные книги произведений Низами были широко распространены во всех странах, где персидский язык был литературным языком. Однако самой популярной поэмой Низами, пожалуй, остается «Лейли и Меджнун». Сюжет поэмы — о несчастной любви юноши Кейса и красавицы Лейли — основан на легенде, заимствованной из арабского фольклора. Юноша Кейс, сын вождя арабского племени Амири, учился в школе вместе с Лейли, дочерью вождя другого племени. Они влюбляются друг в друга. Проходит время, влюбленные взрослеют, и любовь их становится все сильнее, но чувство Кейса перерастает в одержимость. Люди замечают это и дают Кейсу прозвище «Меджнун», что по-арабски означает — «безумный». Одержимость Меджнуна побуждает родителей Лейли разлучить влюбленных. Меджнун в отчаянии покидает отцовский дом и на долгое время обрекает себя на скитания. Сильная, всепоглощающая страсть пробуждает в нем дар поэта. Свою печаль и боль он выражает в лирических стихах, сочиняя песни о далекой возлюбленной. Тем временем до Меджнуна доходят вести о том, что знатный Ибн Салам сватается к Лейли, и отец ее дает согласие на брак, не считаясь с чувствами дочери, которая не может забыть своего возлюбленного. Эти вести причиняют Меджнуну невероятные страдания. Некий рыцарь Науфал со своими воинами хочет по-

мочь несчастному влюбленному. Происходит битва между отрядом Науфала и воинами племени отца Лейли. Отец Лейли заявляет, что он скорее убьет свою дочь, чем отдаст за безумного. Меджнун впадает в полное отчаяние. Сила его страсти достигает такой степени, что даже дикие звери сочувствуют ему, дружат с ним и оберегают его. От тоски и горя умирают родители Меджнуна. Вскоре умирает и несчастная Лейли. Меджнун узнает о роковой смерти возлюбленной, приходит на кладбище и умирает у ее могилы.

Литературной обработкой фольклорного сюжета Низами обессмертил печальную повесть о несчастной любви и создал шедевр, который на протяжении сотен лет волновал умы и сердца читателей. Страницы поэмы пронизаны гуманистическими идеями. Поэт осуждает поведение отца Лейли, растоптавшего чистую любовь своей дочери. Он обличает бесправное положение молодых людей в феодально-патриархальной среде, говорит о губительных последствиях жестокости и тирании, принятой в семье того времени.

Тему трагической любви по сюжету поэмы Низами «Лейли и Меджнун» разрабатывали, применительно к условиям своих стран, более сорока известных поэтов на персидском, староузбекском, азербайджанском, туркменском, турецком, курдском языках.

Влияние творчества Низами испытала не только художественная литература, но и такие области культуры, как музыка и изобразительное искусство. Лирические газели Низами в переводе на азербайджанский язык в мугамном исполнении испокон веков входили в репертуар «ханенде» — ансамбля, состоящего из певца, исполнителей на таре и кеманче. И в наше время эти же песни и романсы на слова Низами исполняются профессиональными певцами на эстрадных подмостках.

Произведения Низами повлияли и на развитие оперного искусства Азербайджана. В 1908 году в Баку на сцене местного театра была поставлена опера «Лейли и Меджнун» композитора Узеира Гаджибекова. В основу либретто оперы и текстов арий была положена «Лейли и Меджнун» на азербайджанском языке поэта Мухаммеда Физули, который в свое время, как было сказано выше, сюжет этой поэмы заимствовал у Низами. Известный русский композитор Б.В. Асафьев по мотивам поэмы «Семь красавиц» создал балет «Славянская красавица»; азербайджанский композитор Кара Караев написал балет «Семь красавиц» и симфоническую поэму «Лейли и Меджнун».

Средневековые мастера-миниатюристы, иллюстрировавшие поэмы Низами создавали сотни миниатюрных шедевров на темы произведений поэта. Лучшие из этих миниатюр репродуцированы и изданы в современных альбомах.

Выдающийся азербайджанский художник М. Абдуллаев украсил станцию бакинского метро «Низами» мозаичными панно по мотивам поэм Низами, в том числе и изображениями сцен из поэмы «Лейли и Меджнун».

Читая бессмертную поэму Низами «Лейли и Меджнун», современный читатель должен помнить, что эта поэма, прежде всего, памятник литературы, счастливо сохраненный для нас временем, — ведь: она была создана более восьми веков тому назад. И, конечно, создавалась по канонам своего времени; литературный стиль и эстетические нормы той эпохи не во всем соответствуют современным представлениям. Во времена Низами понятие поэтического мастерства включало в себя цветистость, которую иногда мы воспринимаем как вычурность языка, элементы неумеренного украшения стиха; нередко поэты прибегали к искусственным сравнениям и крайнему гиперболизму. Все это в определенной степени характерно и для творчества Низами, который также строит поэтические образы, используя для этого понятия то из астрономии или астрологии, то из мусульманской мифологии. Это в какой-то мере осложняет понимание текста современным читателем. Все это дань времени.

Кроме того, удивление современного читателя может вызвать хвала из уст мудрого Низами в адрес ширванского правителя Ахситана, заказавшего ему поэму. Панегирическая форма может показаться чрезмерно льстивой, унижительной для великого поэта. Чтобы правильно понять существо этого явления, обратимся к своеобразию придворной поэзии эпохи Низами.

Когда Низами писал хвалебное слово, посвященное Ахситану, он должен был учитывать два обстоятельства. Во-первых, строгую структуру мусульманской рукописной книги, которая предписывала автору любого сочинения начинать книгу со славословия Аллаху, затем пророку Мухаммеду и, наконец, воздать хвалу здравствующему правителю страны, или, как в нашем случае, персоне, заказавшей поэму. Этот принцип выдержан и в поэме «Лейли и Меджнун». Во-вторых, Низами должен был учитывать хвалебные стихи, преподнесенные Ахситану другими поэтами, и создать такую касыду, которая не была бы похожа на уже известные.

Жанр хвалебных стихотворений — касыд — в XII веке во всех странах мусульманского мира был крайне популярен. Поэты-панегиристы состязались между собой, увлекаясь игрой слов, гиперболизмом, новыми метафорами, удачными эпитетами, незатертыми рифмами. И в этом состязании хвалебные стихи превращались в поэтическую эквилибристику, в гиперболизированной форме преподносящие мнимые достоинства адресата. Это была традиция, и мало кто воспринимал эти касыды всерьез. Все понимали, что

поэтическая лесть, кроме восхваления вельможи, имеет еще немаловажную цель: задобрить адресата, в надежде на щедрое вознаграждение. А вознаграждение для поэтов имело важное значение, оно было основным источником их благополучия.

Все эти обстоятельства не должны заслонять великий гуманизм поэта, его светлые идеи о свободе и равенстве, его страстные призывы к борьбе с жестокостью, рабством, тиранией, его поиски справедливости. В этой связи примечателен конец поэмы «Лейли и Меджнун». Низами, будучи свободен от условностей хвалебного слова во вступительной части поэмы, обращается к ширваншаху Ахситану с наставлением, говоря, какими нравственными и моральными качествами должен обладать человек, волею судьбы оказавшийся во главе государства. Мудрые слова и в наши дни звучат удивительно свежо и актуально.

Ленинграду-Петербургу принадлежит особое место в изучении творческого наследия Низами. В отделах рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Государственного Эрмитажа хранятся бесценные книги, содержащие поэмы и лирические стихи Низами. Исследуя эти рукописные сокровища, ученые-востоковеды, ленинградцы член-корреспондент Академии наук СССР Е. Э. Бертельс, профессор А. Н. Болдырев внесли большой вклад в изучение творческого наследия Низами. Они совместно с азербайджанскими учеными А. А. Ализаде и Г. М. Араслы стояли у истоков низамиведения, формировавшегося в сороковые годы прошлого столетия. Азербайджанский ученый профессор Р. М. Алиев, выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик А. Н. Болдырева, обогатил низамиведение своими исследованиями и текстологическими работами. Его прозаические переводы и интерпретации текстов произведений Низами и комментарии к ним в значительной степени улучшили качество переводов с персидского языка на азербайджанский, русский и другие языки. Прозаический перевод на русский язык поэмы «Лейли и Меджнун», выполненный Р. М. Алиевым и изданный в Баку в издательстве «Элм» в 1981 году, послужил основой для нового перевода поэмы, представленного в этой книге.

В Ленинграде в серии «Библиотека поэта» на русском языке были изданы три книги избранных произведений Низами, подготовленные в 1947 году Е. Э. Бертельсом, в 1960 году — А. Н.

Болдыревым и в 1981 году — Р. М. Алиевым. Все три книги снабжены обширными вступительными статьями и подробными примечаниями.

Касаясь темы «Ленинград — Низами», нельзя не вспомнить о знаменитом заседании, посвященном юбилею поэта в блокадном городе во время Великой Отечественной войны. Перед войной, в конце тридцатых годов, в нашей стране началась подготовка к юбилею Низами. Само празднование было намечено на осень 1941 года, когда поэту исполнялось 800 лет со дня рождения. Но начавшаяся летом война отодвинула все мирные дела, в том числе и юбилей Низами. В сентябре 1941 года вражеские войска окружили Ленинград. Несмотря на блокаду, город стойко сражался с врагом. Среди его защитников были такие люди, как академик И. А. Орбели, поэт Н. С. Тихонов, востоковеды А. Н. Болдырев, М. М. Дьяконов и их товарищи, которые, несмотря ни на что, подготовили и провели в Ленинграде, в Эрмитаже, торжественное заседание, посвященное юбилею Низами. Заседание состоялось в 120-й день войны и в 42-й день блокады города — 19 октября 1941 года. Заседание открыл вступительной речью директор Эрмитажа академик И. А. Орбели. От имени писателей выступил поэт Н. С. Тихонов. Доклад «Низами и его время» сделал А. Н. Болдырев, доклад «Творчество Низами в миниатюрах» — М. М. Дьяконов. Сотрудники Эрмитажа, Г. В. Птицын и М. М. Дьяконов прочитали свои переводы из поэм Низами. Кроме того, с чтением переводов из произведений Низами и своих стихов, посвященных юбилейной дате, выступили поэты блокадного города.

На заседание собрались сотрудники Эрмитажа, представители других научных учреждений, писатели, художники, почитатели поэзии. В списке присутствующих отмечено около ста человек. Ленинградцы пришли на это торжество не только для того, чтобы выразить почтение великому поэту — свободолюбивый дух произведений Низами, его призывы к борьбе со злом и унижением человека были созвучны мыслям и чувствам защитников города.

А. Векилов.

1. Во Имя Аллаха, милостивого и милосердного

Аллах, податель блага всем живым!
Начну я книгу Именем Твоим,
 Оно везде рассеивает тьму
 И ключ Оно к сокрытому всему!
Пресветлое Начало всех начал!
Ты справедливость нам предначертал,
 И без Тебя за долгие века
 Не спета ни единая строка!
В чертогах девяти Твоих небес¹
Сияют семь планет, как семь невест.
 Ты милосерд во всех Твоих делах,
 Благослови и милуй нас, Аллах!
Умом постичь никто Тебя не смог,
Ты — явного и тайного знаток,
 Ты приказал: «Да будет мир!» — и есть
 Минувшее — и все, что видим здесь!
Ты разум дал, Ты душу нам вложил,
Всем сущим свой порядок положил
 Ты властен разрешить и запретить,
 Ты можешь и создать, и истребить!
Один лишь Ты незрим и вездесущ,
Один лишь Ты всеблаг и всемогущ,
 И лишь Тебе покорствуется любой,
 И все на свете создано Тобой!
К Тебе стремятся мысли мудреца,
Ты манишь благородные сердца,
 Глазам глядящих, как народ живет,
 Сурьма² Аллаха зоркость придает.
Ты — ураган, а все — степной ковыль,
Ты — повелитель, остальные — пыль,
 Рукою всемогущего Творца
 Ты начертал все судьбы до конца.

Не сосчитать творений нам Твоих
И не постичь вовек премудрость их,
 Бессмертен твой неугасимый свет,
 Един Аллах, иного Бога — нет!
Ты этот мир старательно воздвиг,
Ты этот мир блистательно воздвиг,
 И ночь, и утро, словно скакуны,
 Тобой под сень конюшни введены.
Тобой шатер чудесно вознесен,
Он прочен без подпорок и колонн,
 Его не горы держат, не эфир, —
 Лишь повеленье: «Да возникнет мир!»
Листы покрыл Ты множеством имен,
В двух буквах — целый мир запечатлен,
 Ты начертал всего лишь «каф» и «нун»³
 И создал величавый Бисутун!⁴
Два знака эти — две звезды в ночи,
В них — от любых сокровищниц ключи;
 Весь мир Ты безупречно начертил, —
 Малейшей точки в нем не пропустил!
Нет в целом мирозданьи ничего
Прекрасней начертанья Твоего!

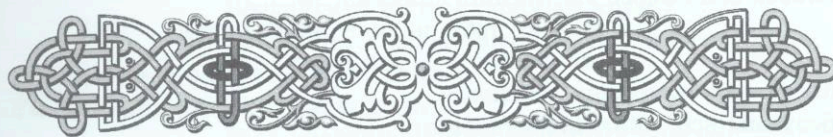
Ты окружил щедротами меня,
Сокровищница — дар любого дня, —
 Предела нету щедрости Твоей,
 И в мире нет сокровищниц щедрей!
Пожар обиды и несчастья дым
Всеведением охвачены Твоим.
 Владычество Ты можешь даровать,
 И в цепи Ты способен заковать,
Ты знаешь то, что я не рассказал,
Читаешь то, что я не записал,
 О мыслях судишь Ты и о делах,
 И возглашает мир: «Велик Аллах!!!»
Мой разум мал, и улица темна,
Дороги нить тонка и не видна,
 И если не покажешь мне пути,
 Смогу ли я во тьме его найти!

Светлей душе у Твоего дворца,
Но как достичь небесного крыльца?
 Пером Тебе я радостно служу,
 Веди — я все старанья приложу!
Поклажу я великую взвалил, —
В глазах темнеет от нехватки сил,
 Дорога в даль опасностей полна,
 Но Ты со мной — и не страшит она!
Поможешь мне иль отвратишь Свой лик —
Во всем Ты благодатен и велик.
 Премудрости Твоей покорен я,
 В руке Твоей — и жизнь, и смерть моя.
Даруй мне Высшей милости шербет,
Не насылай во гневе тяжких бед!
 Пусть гнев Твой узнаем в последний час,
 Но все ж и доброта Твоя — для нас!
Пока дышу и по земле хожу,
Тебе с благоговением служу,
 А час настанет обратиться в прах,
 Умру — со славословьем на устах!
Почувствовав, что вечным сном усну,
Господне Имя в саван заверну,
 Но, сделавшись и пылью под ногой,
 Останусь тем же преданным слугой!
Я крепостью Твоею защищен, —
Что сатана, и что грозится он!
 Раз талисман Твой на моей груди,
 Бессилен враг, хоть войско приведи!
Святилищем избрал я Твой порог,
От воплей о спасеньи — изнемог,
 Погрязнул в богохульстве род людской, —
 Спаси меня от участи такой!
Я одинок на жизненном пути, —
По доброте — утешь и защити,
 Тобою обездоленный согрет,
 Иной защиты — в целом мире нет!
Хоть луч пошли мне милости — тогда
Твердь станет златом, жемчугом — вода,
 Будь я затоптан или вознесен,
 В душе — всегда Твой луч запечатлен.

Алоэ ль я иль горькая полынь —
Мольбы моей, Всевышний, не отринь!
 Взываю с сокрушением в груди:
 Я разорен, — на помощь снизойди!
Пока в волнах не утонул челнок,
Спаси меня, всемилостивый Бог!
 Я жалок, как свалившийся с коня,
 Спасешь — что хочешь требуй от меня!
Моей темницы двери отвори,
Своим блаженным светом озари, —
 Зачем мои надежды и мечты
 На произвол светил оставил Ты?
Аллах, доколь еще мою судьбу
Решать велишь то шаху, то рабу?
 Ведь нет щедрее Твоего стола
 И нет мудрее, чем Твои дела!
Поддай мне Сам, услышав этот стон,
Не посылай к бездушным на поклон, —
 Щепоть земли и капельку воды,
 Чтоб только мог закончить я труды.
Исторгни душу, мне отмерив дни,
Лишь этот свиток миру сохрани, —
 В нем будет жизнь, хоть я расстанусь с ней, —
 Не откажи мне в милости Своей!
Приблизь меня к рассвету Твоему,
Чтоб, уподобясь свету Твоему,
 Я сам с Тобою превратился в свет,
 Смыв все грехи, которым счета нет.
С кем рядом ни сидел бы я сейчас,
Разлуки нашей неизбежен час, —
 Тут, на земле, ничей не вечен трон,
 Один лишь Твой — навеки вознесен.
Считаем мы дарованные дни,
За гробом же — не считаны они,
 И вечно надо всеми Ты — один,
 И в жизни, и по смерти Властелин!
Всегда Твоим владычеством горжусь,
От верности Тебе — не откажусь,
 Повсюду в каждом вдохе Ты моем,
 И больше я не мыслю ни о ком!

Я из земли Тобою сотворен
И пищею земною одарен,
 Ты к бытию на свет меня призвал
 И облик человека даровал.
Сижу я там, где мне укажешь Ты,
Иду туда, куда прикажешь Ты, —
 То на престол высокий вознесен,
 То в сумрачную яму заключен.
Но будь я вечно молод или стар,
Ниспосланный Тобой пылает жар,
 Когда ж придет упокоенья срок,
 Свернусь и я, как высохший листок.
Спасает во младенчестве Ты нас,
Не покидаешь и в последний час;
 Что с ужасом противиться судьбе,
 Когда моя кончина — путь к Тебе!
Когда прикажешь — буду только рад
Вступить с волнением в Твой волшебный сад.
 Никто из смертных гибели не ждет,
 Но Ты пошлешь — пускай она придет!
Когда высоким разумом взглянуть,
Понятно, что кончина — просто путь
 Оттуда, где едят, туда, где спят,
 А там — на пир небесный будешь взят!
Когда упокоенье — к пиру путь,
Согласен я безропотно уснуть, —
 Мне сладко будет спать и сладко встать,
 Чтобы Тебя любить и прославлять!
Когда людьми измучен Низами,
Прости его укоры и пойми,
 Что он — лишь капля моря Твоего, —
 Не следует выплёскивать его!
Тебя он не устанет восхвалять,
Но, помня про позорную тетрадь,
 Он сознает, смущаясь сотню раз,
 Что в тысяче грехов уже погряз!
И если он в смущении затих,
То ведь Тебе знаком язык немых!
 Будь чёрен я иль белоснежен я,
 Во всем — рука творящая Твоя!

Все прегрешенья в силах Ты узреть,
Но записи Ты властен и стереть,
И если не заставишь отвечать,
То болтовней не стану докучать...
Когда же Ты прикажешь, Судия,
Предстану пред Тобой покорно я,
Но прежде, чем судьбу мою решить,
Дозволь мне этот свиток завершить!

2. Славословие Пророку, да благословит его Аллах и да приветствует!

О, Главный всадник поднебесных стран,
О, Разума искуснейший султан,
Пророков Божьих завершивший ряд,¹
Первейшая их соль, предел услад,
В саду на свете первом — первый плод,
Вождь рати, что последнею идет,
Страны довольства малым властелин,
Шах и наместник Божий — ты один,
Кто б ни кичился чванно пред тобой,
Меча удар отведает — любой!
Ты в небесах до Лотоса дошел,
Один лишь ты ступил там на престол,
Прах ног твоих — прозренья тутия,²
Светлы тобою очи бытия!
Когда светильник свет твой не несет,
Ничто его от ветра не спасет!
Все превосходит красноречья дар,
Всех доказательств лучше — твой удар,
Божественны все доводы твои,
Ты знаешь тайны утренней зари!
Дворца миров обоих господин,
Все мирозданье ведаешь один,
Ты обошел все области небес,
Поднявшись выше тысячи завес!
Ты — на престоле Мудрости, вдали,
Михраб единый неба и земли!
Земля твоею верой — вознеслась,
К ногам твоим — ширь неба улеглась!

С шести сторон земля потрясена,
Сквозь семь небес ты гонишь скакуна, —
Весь мир тебя со дней Адама ждал,
И наконец-то — радость увидал!
Когда тебе не отданы сердца,
Безумны все, включая мудреца;
Живущей душу даже не зови,
Когда не умирает от любви!
Ум жаждет крох со скатерти твоей,
Душа стоит служанкой у дверей;
Имен достойней в целом мире нет —
Угодный Абу-л-Касим Мухаммед!³
Хоть мудрость — удивительно точна,
До слова — лишь тобой изречена;
Печатью счастья тот не наделен,
В чьих помыслах ты не запечатлен!
Шах приближенных к трону всех миров,
Твой пир — за твердью всех семи шатров⁴,
Властитель государства доброты,
Мир — цель твоя, и цель вселенной — ты!
Всех мыслей мира сгустком ты возник,
Ты — как воды бессмертия родник;
Лицо Адама — прах твоих следов,
Твой лик прекрасный свет очей миров.
Хоть семь коней имеет небосвод,
Перед тобой он пешкой предстает;
Вкруг твоего чертога семь планет
Вращаются — иной им Ка-бы нет!
Кто в этом мире на любых коврах
Не пасть посмеет пред тобой во прах!
Твой эликсир вселенной придал цвет,
Лишь для тебя был создан целый свет!
Ты — вождь, мы — просто конники кругом,
Хозяин — Ты, мы — гости за столом,
На троне всех миров — властитель ты,
Владык живущих — повелитель ты!
Твоя стоянка — синий свод шатра,
Твой взор — повелевает как тугра,
И каждый день торжественный намаз
У врат твоих свершается пять раз!⁵

Воздвигнув на пяти опорах храм,⁶
Гнетущим вход закрыл ты, как врагам,
И под семью шатрами без стропил
Ты четырех халифов утвердил...⁷
Был преданнейший преданных вождем,
Был тверд провидец в воинстве твоём,
Благочестивый праведный старик
Со львом Аллаха твой урок постиг.
Бойцами были одного полка
И одного цветами родника, —
Весь мир стал правоверен их трудом,
Как четырьмя стенами крепок дом.
Когда в сей мир все четверо пришли,⁹
Обильны стали все края земли,
На четырех столпах — Ученья свет,
И арок четырех — прочнее нет!
Как брови на лице твоём срослись,
Столпы попарно с арками слились, —
Надеть их на запястья ты решил
И в дом Господень танец совершил.

3. Мирадж (Восхождение Пророка на небо)

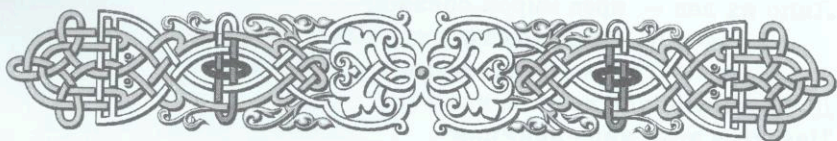
Восславлю мысль могучую твою,
Твой славный путь на небо воспою!¹
 Ты смело семь сокровищниц открыл,
 На все четыре жемчуга² ступил!
Пылинкою исчез земной предел, —
На самый верх небес твой конь взлетел,
 Флаг тьмы простерся из конца в конец,
 И заплясал твой черный жеребец!
Твоим приютом вышний стал престол,
Для ног ты крылья легкие обрел,
 И над землею вознестись ты смог
 Туда, где Звездной Матери чертог!
Покорно Джабраил склоняет стяг:
«Надело небо пояс — рабства знак!»⁴
 И все с семи небес сошлись туда
 И, чтоб увидеть, стали в два ряда.
Вставай же, Солнце, сколько можно спать!
Луна тебя уже устала ждать!
 Так быстро в вышину умчался ты,
 Что Утарид и не вписал в листы.
С подносом звезд Зухра в волненьи ждет,
Когда же свет с Востока твой взойдет;
 Согнувшись в полумесяц пред тобой,
 Путь Солнце ярко освещает твой.
И по небу повел тебя Маррих
Простым слугою у стремян твоих;
 И Муштари, увидевший твой свет, —
 Речет: «Храни, Аллах, его от бед!»
Кейван, который черный стяг воздел,
Кольцо себе, как раб твой, в ухо вдел, —
 Сумев таких служителей собрать,
 Ты горделиво должен выступать!

Настала ночь победы, — поспеши!
Бесценна ночь могущества, — спеши!
 Как полдень, ночь восшествия твоя
 Внезапно озарила все края!
Обвел всю землю циркулем ты сам,
Своею верой поднял к небесам,
 И молния-Бурак, чей взлет высок,
 Покорна стала повеленью ног!
Неся с собой счастливца на седле,
Взлетела ввысь — на диво всей земле, —
 Ты так коня поводьями послал,
 Что Времени вращенье обогнал!
Хотя небесный высыпал чертог
Жемчужных гроздьев — тысячи у ног,
 Ни алый плод, ни белый не прельщал, —
 Ты взор свой ни на миг не отвращал!
Воздвиг ты выше гор и облаков
Победных девять стягов и кругов,
 Круговращения мира флаг порвал,
 Кольцо Луны решительно сломал.
Павлиноперый синий небосвод
Перед тобой — бескрылым предстает,
 И даже Джабраил в пути отстал, —
 «Аллах с тобой!» — вдогонку прошептал.
Чтоб дальше мчаться, спешно Микаил
Тебя к себе на плечи посадил,
 И рухнул Исафил к твоим ногам,
 Но, полпути пройдя, остался там.
Затем Рафраф туда тебя повел,
Где лotosовый висится престол,
 И к Лотосу Предела ты шагнул —
 И все листы пути перечеркнул.
Прошел семиковровый пол — и вот
Вне всякого пространства — тронный свод.
 Престол небесный Господа хвалил
 И мир своим сияньем озарил!
От вышнего престола ты взлетел
И семьдесят завес преодолел.
 Без пышного наряда ты ушел,
 Оставив и корону, и престол.

Базар сторон — разогнан навсегда,
И низ, и верх избавлен от труда.
Шатер твой — за пределом двух миров,
В чертоге том, что выше всех шатров.
Величие Аллаха ты узнал
И тайные реченья услышал,
И мы не в силах разумом понять,
Как смог ты и узреть, и услышать!
Все, что желал, ты смело попросил,
И все, о чем мечтал, ты получил, —
К престолу ты господнему взлетел
И воротился так, как сам хотел.
Чело твое украсили цветы
С печатью всей господней доброты,
Для всех нас, грешных, ты привез указ,
Которым нас Аллах навеки спас!
Ужели, Мудрый, стоим мы того,
Чтоб нас берег ты всех до одного!
Как Солнце светел ты, и потому,
Светя нам сверху, разгоняешь тьму!
Как море, вижу мыслей доброту!
Ты пребываешь в голубом саду;⁵
Дверей великодушья мир не знал,
Пророчества врата — не открывал!
Кто в прахе не простерся пред Тобой,
Навек из списка вычеркнут судьбой,
Кто ж пояс преклонения надел⁶ —
Секретом вечной жизни овладел!
Почтительно трепещет райский сад,
Едва лишь твой повеет аромат,
И с упованием платит дань ему,
Не повинуюсь больше никому!
Ты, кто вознесся на небесный трон
И людям — редким кладом возвращен,
С непостижимой скорости сними
Покровы тайны перед Низами!
До коих пор — завесы не поднять,⁷
До коих пор в могиле будешь спать?
Встань, порви завесу на куски,
Слоном смахни властителей с доски!

На скатерти земной их не держи,
Лицо их дел — пред миром обнажи!
Смой краску с черных, с белых лиц — я жду,
И четырех стихий — уйми вражду!
Двух тяжущихся вечно в час зари⁸ —
Навеки в этом мире примири
И сделай так, чтобы один язык
Меж четырьмя стихиями возник!
Благое воспитанье им привьешь —
И все преграды разом разобьешь!
Дай ветру аромата своего,
Чтобы вдохнуть сумели мы его!
С таблицы, что прочитана тобой,
Ты ниспосли нам в душу знак любой...
Из той науки, что постиг ты сам,
Впиши в тетрадь хотя бы слово нам!
Скажи, кто мы на свете, наконец:
Кто истукану — раб, а кто — борец!
Ты, в чьей руке всех дел моих исход,
В ком силу сердце радостно берет,
Молитву сердца этого прими —
И Господа моли за Низами,
Пока не спустят полог надо мной
И не взовьется полог неземной.

4. Доказательство сотворенности всего сущего на свете

Когда властитель града пир дает,
Он созывает к чашам весь народ,
 И подаянье щедро тучи льют,
 И травы пересохшие — встают.
Дары текут, как сладкое вино,
И все сердца открыты, как одно;
 И, чтоб любой бездомный был пригрет,
 Разбрасывают пригоршни монет.
Всех наделят — от шейха до слуги,
И бедняку простят его долги,
 Расспрашивают подданных своих
 О бедах, нуждах и заботах их.
И словом теплым каждый ободрен,
И все цветут, как от росы бутон;
 Вот так и я, с пером в ночной тиши,
 Дары свои рассыплю от души!
Я целый мир хотел бы напоить,
Ни строчки от людей не утаить,
 Все сердце — человечеству всему,
 Частица сердца — сыну моему.

5. Начало доказательства

С восторгом мирозданье созерцай
И пустяками взор — не отвлекай.
 Не предавайся бурной похвальбе
 И не трезвонь, как бубен, о себе!
Аллаху служит каждый, кто живет,
Пока его Аллах не призовет.
 Будь он пылинкой малой — хоть какой,
 А все же делом занят в мастерской...
Не ради шутки в мире — семь планет
И семь небес, которых краше нет,
 И все, над чем — Всевышнего дворец,
 Не для забавы даровал Творец.
Цель жизни тех, кто с разумом в родстве,
Не в вожделеньи, храпе и жратве,
 Еда и сон — нехитрые дела —
 Мечта любой коровы и осла!
Когда людей Всевышний создавал,
Удел особый нам он даровал,
 Чтоб мы умели корни извлекать
 И в таинства творенья проникать.
Чтоб свет могли от мрака отличить,
И небеса, и землю изучить,
 И чтоб звучала вечная хвала
 Творцу вселенной за Его дела.
Лишь потому прекрасно естество,
Что мудрый был Создатель у него, —
 Все, что имеет разума печать,
 Когда-то кто-то должен был создать!
Ты во вселенной зеркало б назвал,
Которое никто не шлифовал?
 Пока до блеска не доведено,
 Как может зваться зеркалом оно?

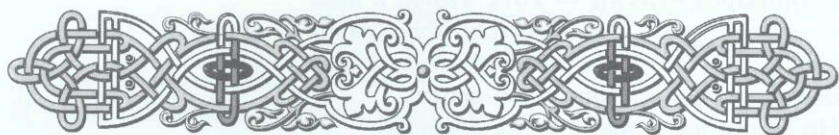
Свой взор Господней помощью укрась,
Какая б цель для взора ни нашлась,
 Как создано — не тщишь уразуметь,
 Но мудрость Созидателя — отметь!
Все сущее — творенье чьих-то рук, —
Постигнуть это постарайся, друг,
 Пойми, что мир — Художник сотворил,
 Чтоб дикостью тебя я не корил!
Все то, что ты встречаешь день за днем,
Им создано — и думай лишь о Нем,
 Семь шелковистых сводов — всех прочней,
 Ступи за них — и встретишь град камней!
Подумай, для чего над сводом свод,
Кто вникнуть постарается — поймет,
 Начала же творения — никак
 Не обнаружит слабосильный зрак.
Премудростью Господней свита нить
Так, что нельзя начала различить.
 Нить Божьего могущества — вовек
 Распутать не сумеет человек!
Мудрейшие не в силах разгадать,
Как мог Всевышний этот мир создать,
 Но если б тайну кто-то и открыл,
 Такого бы — вовек не сотворил!
Раз не под силу мир воздвигнуть нам,
Творенья тайну — не постигнуть нам:
 За тайною завесой в небесах
 Хранит от наших глаз ее Аллах,
 И, как бы я ни гнал туда коня,
 Недостижима тайна для меня.
На небе, не имеющем границ,
Прочел я звездных тысячи страниц,
 Но, как ни тщился дальше заглянуть,
 Не в силах был продвинуться ничуть.
Я знаю: все, что Им сотворено,
Для взора — Им одним отворено,
 И все, что взор на свете различит,
 Сокровищницу тайную хранит.
Добудь же, если разумом могуч,
К ней не стеклянный, а железный ключ,

Дабы, войдя туда и бросив взгляд,
Шербет найти душистый, а не яд.
Все то, чего нам видеть не дано,
Незримою чертой обведено, —
 Она взмывает так, что не достать,
 Но тут же низвергается опять.
По кругу циркуль бег едва начнет —
Спешит уже назад, а не вперед,
 И для того, как видно, дом земной
 Очерчен этим кругом, как стеной,
 Чтобы любой, кто выглянуть посмел,
 Дверным кольцом навек окаменел.
Не трогай сводов неба, потерпи,
Имеется конец у их цепи;
 Где буйствуют стихии — не встревай,
 Всему конец приходит — твердо знай.
За той чертой — божественный предел, —
Смиранных и безропотных удел,
 Так внемли же звучащим небесам, —
 Там стройно все, что Он покажет сам!
Семь сводов, подбирая звукоряд,
Стараются звучать с мечтою в лад,
 Но из ладов нам песни не создать,
 Раз тайны их — вовек не разгадать.
Когда ты лишь простых тонов знаток,
Ты и от струн, и от ладов далек.
 Будь сладкозвучен, словно сам Барбад,
 На этом сазе — грех играть не в лад!
Порвал завесу чести ты давно,
Ничем тебе прикрыться — не дано,
 Вслед Низами ищи покров такой,
 Как отзвук добрый в памяти людской!
До коих пор — безропотно молчать,
Пощечины покорно получать,
 Подобно ветру, бегать над землей,
 Играя то колючкой, то золой?
Он — пыли перекупщик, ветер наш,
Могильной ямы — неусыпный страж,
 Здесь купит, продавать — туда бегом,
 На том — барыш, убыток — на другом.

Из края в край все, что зовем землей,
Как ни копай — лишь прах, на слое слой,
 То вдруг землетрясенье, то поток
 Тут — смоеет, там — рассеет как песок.
Волна землетрясения пробежит —
И слой, лежавший глубже, обнажит,
 Но все-таки когда-нибудь и он
 Ущельем станет, временем снесен.
Струятся реки по лицу земли,
Где трещины по грязи пролегли.
 Ты б видеть мог, гуляя в небесах,
 Свод с облаками — в хлопотных трудах,
Все сферы скреплены — одна в другой,
Как будто мир — слоистый мяч большой;
 Строй сфер — не на одной земле царит,
 У всех планет на небе — тот же вид.
Любой дымок, который вижу я,
Взойдет на два, ну, три броска копья,
 А дальше — по наклонному пути
 Вращается, чтоб землю обойти.
Вот из пустыни туча поднялась,
До своего предела добралась —
 И выше этой точки не пойдет:
 Такое же вращенье тучу ждет.
Темнеет как шатер она вдали,
Главу свою склонив на край земли,
 В ее кочевку пристально взглядишь —
 И в том круговращеньи — убедишь.
Все то, чему какой-то образ дан,
Стремится впасть в бескрайний океан,
 И на семи волнах небесный свод
 Век в вышине, хоть движется вперед.
Будь в верхней или нижней точке он,
К вершине неизменно устремлен,
 Но там его восшествию — предел:
 Нет ходу выше, как бы ни хотел.
Все знатоки заоблачных высот
Считают, что конечен небосвод;
 Не просто нам судить о небесах,
 Науки ж освещает — сам Аллах!

Хоть семенем зачатъе, хоть зерном,
От четырех стихий — хоть что-то в нем,
 И тайны нам постигнуть не дано,
 Как прорастает из земли зерно.
Земные соки — сила, чтоб расти,
Но облик же в земле — не обрести!
 Пока земля не знает, что взрастит,
 В зерне ли образ колоса сокрыт?
Колосья вырастают — из семян,
Но кем же им подобный образ дан?
 Завеса приоткроется уму —
 Увидишь, что Причина есть всему!
Причину, если понял, нам представь
И речью драгоценною восславь,
 Ведь ясно мудрецу, как Божий свет,
 Что следствий без причины в мире нет!
Не стоит, Низами, во тьме блуждать,
Чтоб заблуждений пленником не стать.

6. Причина сочинения книги

В блаженный час покой — предел услад
Вкушал я, словно древний Кейкубад,
 Над книгой молча брови распластал
 И заново стихи свои листал.
Меня везенья ветер оведал,
Я это счастье ясно сознавал,
 Рассвет собрал охапки алых роз,
 И наступавший день — восторги нес.
Счастливо бился сердца мотылек,
И ото всех невзгод я был далек,
 Достигнув поэтических высот
 И свой бунчук установив на свод.
Опять перо я жемчугом точил,
Упорный труд — лениться отучил, —
 Раскрыть бы снова людям погребя,
 Пока благоприятствует судьба!
Я отдыхал — и на небо глядел,
Но от мирских не отрешился дел.
 Приносят радость вечные труды;
 А вечный пир — доводит до беды.
Свою работу следует любить,
Праздношатааньем — хлеба не добыть,
 Кто в лад играет, тот судьбой храним,
 Мир одаряет тех, кто ладит с ним!
Чтоб горделиво голову держать,
Со всеми окружающими ладь.
 Вон зеркало — пускай хоть где висит,
 А правды никогда не исказит!
Кто трудится, тому и повезет, —
Судьба его когда-нибудь найдет;

И ветерку я мысленно сказал:
«Уж хоть бы кто поэму заказал!»

И не успел подумать это я,
Звезда меня услышала моя,
 И во мгновенье, как по волшебству,
 Предстал гонец от шаха наяву!

Он подал мне чудесное письмо,
Что было как сияние само,
 Где что ни буква — яркий самоцвет,
 И что ни слово — розовый букет.
«Наш подданный, кудесник Низами,
Слова свои волшебные возьми
 И из мечтаний утренней зари
 Неслышанное чудо сотвори!
Века неторопливые прошли
Со дней тоски Меджнуна по Лейли, —
 Сложи нам яркой повести кристалл,
 Чтоб каждый бейт — жемчужиной блистал!
Чтоб я, прочтя, сравнил ее с халвой
И восклицал, качая головой:
 «Пришельцы изо всех восьми частей,
 Взгляните-ка на чудо повестей!»
Вершину тысяч свитков о любви
Своей умелой кистью оживи, —
 Сокровищницу слов своих потрать,
 Чтоб подать восхищения собрать.
И персов, и арабов мудрых вязь
Возьми — и как невесту разукрась,
 Стихи я знаю, коль за них плачу,
 И новые от старых — отличу!
С червонным золотом слов взойдешь ты ввысь,
А с низкопробным — даже не берись,
 Пускай шкатулка мыслей — дорога,
 Но знай, кому ты нижешь жемчуга!
От одного хочу предостеречь:
Мы не желаем слышать тюрок речь¹, —
 Тому, чей род — от солнца и луны,
 И словеса высокие нужны!»
Настигло повеление меня, —
Обрушилось сомненье на меня:

Отклонишь — пожалеешь через час,
Но мне ли огранить такой алмаз!
И долго я в волнении молчал, —
Ведь я свое старенье — замечал, —
 Растрачены запасы юных сил...
 Будь рядом друг — совета б я спросил!
Но подошел Мохаммед, мой сынок,
Храни его, Всемилостивый Бог,
 И осторожно рядышком присел,
 Шнурком играя, что с письма висел,
И ласково сказал: «Творец чудес,
Слышны твои литавры — до небес,
 Ведь ты воспел Хосрова и Ширин,
 Но только с павой смотрится павлин!»
И эту повесть так же передай, —
Под пару той жемчужину создай!
 Чтоб люди поучение нашли,
 Воспой теперь Меджнуна и Лейли!»
«Ну, что ж, совет — быстрее, чем клинок,
И ты, конечно, умница, сынок,
 Но слишком этот замысел велик,
 А я уже — без малого старик...
К перу, конечно, тянется рука,
Но тропка этой повести — узка;
 Словам нужна расчищенная гладь,
 Чтоб скакуна как ветер разогнать.
Веселью слово призвано служить,
Но радостной поэмы — не сложить:
 Сказанье это знаю я давно,
 Но горестно-печальное оно...
Казенным слогом страсть передавать —
На слушателей скуку навевать...
 В краю, где я не ведаю дорог,
 Мой конь едва потащится, сынок.
Стихи — о счастье следует писать,
Чтоб захотелось радостно плясать,
 А о песках унылых и горах
 Что можно спеть, — помилуй нас, Аллах!
Ведь нету здесь ни сада, ни дворца,
Ни музыки, ни шахского венца,

Дорога эта горестей полна, —
Вот почему не хожена она...
Легенду не один слышал поэт,
А все же до сих пор поэмы нет.
 Задача в самом деле нелегка,
 И разрешенья ждет она — века...
Сказитель ни один не подходил
И близко к ней, чтоб не поранить крыл,
 Но если поручают это мне,
 То приложу старание — тройне!
Добьюсь того, чтоб даже тот, кто вял,
Поэме в напряжении внимал,
 Я трону этой повестью сердца, —
 Любой полюбит — кроме мертвеца!»
Сказал тюльпан моих последних лет,
Сын Радости, которой больше нет²,
 Кого считаю на закате дней
 Единственной жемчужиной своей:
«Как братьев я стихи твои люблю,
И потому заранее молю:
 Не сбейся на затейливую рябь
 И древнего рассказа — не ослабь!
Хоть ты среди поэтов и велик,
Но ведь легенда — как сырой шашлык:
 Вкушающим порадует он кровь,
 Но ты его сначала приготовь!
Легенду я с красавицей сравню
И за непышный вид — не разбраню:
 Хоть кое-кто о ней и говорил,
 Но жемчугов достойных — не дарил.
Она — душа, старайся от души, —
Прекрасный лик прекрасно распиши,
 Заставь ожить для радости людей,
 Ведь так близка душе она твоей!»
В ответ на речь напомнившего мать
Пером я начал душу изливать, —
 Ища алмазы, горы пробивал,
 На дно морей за жемчугом нырял.
Не в одночасье подобрать я смог
И строй ее, и подходящий слог.

Не упрекнул читатели меня, —
Я выбрал — наилучшего коня!
Размер — волнами по морю бежит,
И рыба в нем — играет, не лежит,
Размером этим пишут много книг,
Но в нем никто вершины не достиг.
И кто бы ни нырял на дно его,
Таких жемчужин — нет ни у кого,
Как ожерелье — бейты о былом,
И не найдешь изъяна — ни в одном!
Ни разу не споткнулся я в пути,
Стараясь драгоценности найти, —
Спрошу у сердца — скажет напрямик,
Копну лопатой — выбьется родник!
Сокровища уменья и ума,
Старанья сочиненья и письма, —
Душа и достояние мое
Пошли на украшение ее!
Еще четвертый месяц не истек,
Как начертал я восемь тысяч строк,
А если б не заботы там и тут,
За две недели завершил бы труд!
Мечтою и старанием горя,
Двадцать шестого кончил сентября,
В двенадцатом столетии сорван плод,
И две восьмерки означали год.
Да будет вечно счастлив и богат
Читатель, что поэме этой рад!
Я кончил, сочиняя по ночам,
И предлагаю труд твоим очам.

7. Восхваление ширваншаха Ахситана, сына Манучихра

О, предводитель конницы владык,
Что впереди всегда скакать привык,
Великий государь, земли Хакан,
Затмивший повелителей всех стран!
Престола обладатель — ты один,
Теченья дня и ночи — властелин,
Нет величавей гордости твоей,
Сиянье Веры и Державы всей!
Ты — государей нынешних венец
И Музаффара юного отец,
Владеть достоин славный Ахситан
Престолами семи окрестных стран!
С великолепьем Солнца — шах миров,
С величьем Кейкубада — Кейхосров,
Тебе, искусства слова славный шах,
И Солнце служит исстари в рабах!
Султан, презревший негу под шатром, —
Халиф прямой в могуществе своем,
Продолживший Бахрама славный род,
Жемчужниц Манучихра яркий плод!
С седых времен до нынешних племен
Передается ширваншахов трон, —
Со дней Адама и по наши дни
Все были только шахами они!
Да славится владычество твое —
Приказ короткий — длинное копьё,
На троне мироздания — один,
Как Мудрость беспорочный властелин!
Семь сфер главой превысивший своей,
Михраб семи достойнейших мужей,¹

Не хлебодар, а небосвод хлебов,
Шах, чья держава — вовсе без краев!
Тончайших дум обильнейший исток,
Небесных тайн невиданный знаток, —
Открыть двенадцать башен крепостных²
Ему — что воск размять для остальных!
Все семь щитов небесных³, как один —
Их глаз! Четверка рук и девять спин,
Чтоб вечно быть к властителю лицом,
Висят покорно на двери кольцом!⁴
Прозванье шаха — жемчуга родник,
Живой воды ручей — его должник,
Алмазов раздает он — рудники,
Пред ним моря — и те не велики!
Весь мир оружием покоряет он —
И щедро тут же одаряет он,
Индийский меч сокровища берет,
Крылатый хлыст — короны раздает!
Кевсер из уст судьбы его бежит,
Весь ад пред булавой его дрожит,
Он — пламенное солнце всех миров,
Величье всех сражений и пиров!
Маррих с мечом и с чашею Зухра
Стоят под сенью шахского шатра:
Зухра напитки шаху подает,
Маррих за ним оружие несет.
Из гор — рубины меч его иссек,
Из чаши — льет рубиновый поток,
Но если разглядеть тебе дано,
Там есть и кровь, и красное вино.
Пирует шах — и милостей река
Рассветного теплее ветерка,
С врагом же меч властителя жесток,
Да будет шах от глаз дурных далек!
Как ветер милость шахская летит,
Излившись щедро, душу веселит,
Удар его — как молния разит:
Взмахнет нещадно — вмиг испепелит!
Ласкает душу милостью своей —
Нежней прохлады утренних полей,

А гневом исторгает душу прочь —
Ужаснее, чем злой разлуки ночь!
Когда возносит он победный стяг,
Любой гранит пробить ему — пустяк,
Чуть шевельнет он знаменем своим —
Конец придет восстаниямлюбым!
В круговороте времени всегда
Вверху — огонь, а понизу — вода,
Когда же гонит грозного коня,
Вздымает воды выше он огня!
Властители со всех краев земли
К ногам его покорно притекли:
Кейсар — всего лишь конюх у него,
Фагфур — лишь нищий, больше ничего!
Являет Солнце яркую игру —
Ничтожней чиха на его пиру,
Светилом величается Луна,
Но слуг его ничтожнее она!
Стрела Ариша — с доброе копье,
Но если бы сравнили мы ее
Сегодня с государевой стрелой,
Сошла бы лишь за дротик небольшой!
Парвиз красою равных не имел,
Но если бы сегодня он посмел
Хоть с конюхами шаха рядом стать,
То все фигуры мог бы проиграть!
Кого разящий меч его настиг,
Тот расстается с жизнью в краткий миг;
В какой бы щит копье ни направлял,
Кольчуги целой он не оставлял!
Лишь булавою погрозит врагам —
Расколет оба мира пополам,
Когда ж хоть пол-удара нанесет,
Ничто врагов от смерти не спасет!
В любви сравнимо только Солнце с ним,
Как Время, в гнев он неумолим,
В любви — найдет нежнейшие слова,
Во гнев ж — Солнцем поражает Льва!⁵
Звучат шесть букв — и поражает он
Весь этот мир со всех шести сторон⁶,

В любом броске шестерка эта — с ним,
И в нарды он — вовек непобедим!
Где б муравейник вражий ни возник —
От ветра гнева застывает вмиг,
И стоит Солнцу этому взойти —
Все тени разбегаются с пути!
Заслышав скакуна его, тотчас
Стремится Лев скорее скрыться с глаз,
Стрелу направит государев лук —
И книгу жизни выронишь из рук!
Когда кинжал он грозно занесет —
В глубинах скал слезу рубин прольет,
А на врагов он обнажает меч,
Чтоб головы — десятками отсечь!
Врагов как Солнце косит он, хотя б
Силен был каждый, как Афрасиаб, —
Еще доспехов не надела рать,
А он врагов успел уж покарать!
Примчатся к шаху верные бойцы —
И нет врага — сплошные мертвецы!
Рустамов — сотни у стремян его,
Но он не ждет в сраженьях никого!
Во время пира властелин веков
Щедрей самих весенних облаков:
Едва завидя многострунный саз,
Рассыплет он сокровищницу враз!
Разбрасывает горсти жемчугов,
Свободу дарит — тысячам рабов,
А чаши, не считая, раздарил
Такие, из каких Джамшид не пил!
Нет плеч таких на свете, говорят,
Которых не одел бы он в халат;
При Щедром мускус — жалкая смола,
Шелка и весь Китай — лишь груз осла!
Он в одиночку крепости берет,
Край — за одну касыду отдает,
Всего, что он способен раздарить,
Не может море целое вместить!
Шах славен всюду щедростью своей,
Златые слитки — камни рядом с ней;

Хранят владыки скопленный доход,
Шах истинный — все людям раздает!
Будь с комара — и то одарит он,
Что станет каждый — как Махмудов слон;⁷
Слоноподобна у престола рать,
Но ей корчаги шахской — не поднять!
Все перебрав сравненья чередой,
Скажу: он — море с чистой водой,
И пусть он сам — в движении всегда,
Спокойна благодатная вода!
Когда бы ни устроил он прием,
Новрузом смело этот день зовем!
Не видя — знаю о его трудах,
О том, как славен на престоле шах!
Луною полной из-за гор встает,
Сиянье ярче звезд небесных льет,
Иль, жарким диском солнечным горя,
Восходит над землею, как заря
Или, подобно милости Творца,
С рассветом проникает он в сердца,
И кто подобным светом озарен,
От глаз дурных — навеки огражден!
Как сам Увайс Пророка возлюбил,
Так я к нему всегда привержен был, —
Дай Бог узреть того, кто так далек,
А обликом — прекрасен как Пророк!

8. Приветствие ширванскому шаху

О, мир души! О, ты, душа миров,
Адама свет и всех его шатров!
 Венец твой — выше солнечных корон,
 Престол же твой затмил джамшидов трон!
Спокойствие живущего всего —
От полноты величья твоего,
 Свобода всех, рожденных счастья ждать,
 В том, чтоб тебе с любовью угождать!
Тебе покорны земли всех владык,
Любой — к повиновению привык,
 Пространство мира славится тобой
 И в мире ты — всевластен в миг любой!
Летит хутба за шаха к небесам —
И сладкозвучьем красит весь Ислам,
 Ты все свершаешь, стоит лишь начать,
 И свято чтит халиф твою печать!
Коль в глубь земли хутбу твою вдохнуть,
Не травы — золото ее покроет грудь!
 Печать твоя на камне так крепка,
 Что к злату не протянется рука!
Все о твоём величьи говорят,
Войска твои несметные стоят,
 И копьеносцы, гордости полны,
 Заботливо хранят покой страны.
Весь небосклон — исправный конюх твой,
Овсом он ясли полнит и травой,
 И знаки их на своде, что высок, —
 Весь Млечный луг и Дева-колосок¹.
Сердечный нрав у воздуха ты взял,
У вешних ветров — амбру отобрал,

И от тебя исходит благодать —
Живую воду всем народам дать!
Ковры цветов весенних полевых
У ног покорно стелются твоих,
 От Кафа и до Када все сердца
 Тебе рабами служат — до конца.
Венцы даря победною рукой,
Прощаешь вины с божьей добротой,
 Пребудет слава — до скончанья дней,
 Ведь мир осыпан милостью твоей!
Идешь передним — озаряешь мир,
Идешь последним — охраняешь мир,
 С последним утром мира² ты сравним,-
 Так искренен и светел перед ним!
Печати вышних сил хранитель ты,
Всех дел на свете повелитель ты,
 Любые предводители в делах
 Перед тобой склоняются во прах!
В обширном мире каждый счастья ждет,
Но лишь к тебе само оно идет,
 Приносит счастье множество побед,
 Враги бегут, но им спасенья — нет!
Твой стяг навек удачей освящен,
Весь из побед и счастья соткан он,
 И храбрость целой тысячи мужчин
 В друзей в бою вселяешь ты один!
Ты можешь вражью голову швырнуть —
Но друга не запачкаешь ничуть,
 И те на троне счастья сидят,
 Кому подарить благосклонный взгляд!
Когда помотришь ты на Низами,
Прославлен будет он между людьми, —
 И скромный страж на улице твоей
 Прославит твой престол среди людей.
Всегда Хумай таинственной прилет
На землю счастье полное несет,³
 Душа моя — той птицы счастья тень,
 И рада твой счастливым сделать день!

Любая птаха в самый ранний час
Возносит за властителя намаз,
И, близостью к высокому горда,
Удачу призывает навсегда.
Будь всяческий почет тебе сужден,
Пусть на победах зиждится твой трон,
Мир осчастливь на долгие года, —
Да не лишимся шаха никогда!
Пусть счастье покоряется тебе,
Удача пусть склоняется к тебе,
Пускай делам сопутствует твоим
Господня помощь — ты всемогущ с Ним!
И, наконец, душой желаю всей:
Пускай глаза бесчисленных друзей
Век видят счастье шаха своего
И сына благородного его!

9. О поручении своего сына сыну ширванского шаха

Когда рубин небесный заблистал,
Из уст алмазы щедро сыпать стал
Опора для отца, алмаз земной,
На свет из рудника добытый мной:
«Опоры у меня на свете нет, —
С наследником пусть свяжет нас обет, —
Его защитите — сына поручи,
Да осенят меня его лучи!
Он прикоснулся к новому перу,
А я — уроки первые беру¹, —
Пусть будет покровителем моим,
Чтоб шел я в жизни твердо рядом с ним!
Когда великодушие его
Достигнет совершенства своего,
Твои советы — это не пустяк! —
Конечно, примет он за добрый знак!
Пускай его года — невелики,
Все помыслы — безмерно высоки,
Он — государству как заря явлен,
Душа и плоть всей шахской власти — он.
Юсуф он во главе семи пиров,
Наследник шаха, властелин веков,
И в землях Манучихра вновь и вновь
Ему — пиры, веселье и любовь!
Он оба мира славой покорил,
Владык могучих — мудростью затмил,
Семь стран пред ним, покорствуя, лежат
В любой борьбе не знает он преград!
Для всех великих мира — светоч он,
Михраб молитвы множества корон,

Краса престола, к зависти владык, —
Ведь даже счастьем нужен его лик!»
Наследник, ты в сиянии лучей —
Отрада ахситановых очей,
Слияния двух царств — дивный плод,²
Как яблоко, пленившее восход!
Семьи владык властительный росток,
От Кейкубада — славный твой исток,
Семь циркулей оставили черты
И центр круга всех свершений — ты!
Всегда покров Аллаха над тобой,
Всегда Он отвращает глаз дурной,
Молю, чтоб Он по милости своей
Тебя возвысил над землею всей!
Пускай тебя Всевышний вознесет,
Пускай все блага мира принесет!
Владык древнейших книги ты прочтешь,
Речей мудрейших смысл ты поймешь,
Невеста же из этого ларца³ —
Как месяц над покоями дворца!
Увидишь, что прекрасней, чем она,
Не будет ни в какие времена!
Не награжден отец ее — пускай,
Но брата — непременно обласкай,⁴
И в черный день вослед за светлым днем
Прошу тебя не позабыть о нем.
Окончив труд, исчезну я в ночи,
Не мне награду, а ему вручи,
Чтоб он кувшин-отца не расплескал
И никаких подачек не искал!
Наследник молодой, удачлив будь!
Пусть шаху счастье освещает путь!
Пусть очи шаха радует твой свет,
— Будь кипарисом взор его согрет!
Будь шах тебе опорой всегда,
Враги же пусть исчезнут без следа,
Пусть вечно шах живет, дыша тобой,
Как Хызр, испивший горсть воды живой,
И пусть обоим светят в небесах
Все звезды, что зажег для нас Аллах!

10. Жалоба на завистников и ненавистников

Забейся, сердце! Гнев мой — как свинец,
Пришел долготерпению конец!
Лишь вожжи стихотворства я возьму,
Со мной не поравняться никому!
Трудами — только собственными сыт,
Сокровищем — лишь этим знаменит,
Взнуздаю утром славного коня —
Второй Коран создам к исходу дня!
Не богохульство здесь, не колдовство,
А высшего уменя волшебство,
И стих мой так народ очаровал,
Что он «зерцалом тайн» меня прозвал!
Язык мой — меч, творящий чудеса,
Как будто вновь пришел пророк Иса,
А мощь речей настолько велика,
Что вскрыла все глубины языка!
Слова мои исполнены огня, —
Ожечься можно, слушая меня,
Я напоил поэзии поля, —
При мне внимать ей стала вся земля!
Бездарный пожиратель нечистот
Мои стихи ругает — и крадет!
Охота — это труд, достойный льва,
Шакалов тьма — объедками жива.
Завистник, видя, как прославлен я,
Злословит, — уж Аллах ему судья,
И, под ногами лежа, словно тень,
Он омрачить желает ясный день.
Газелей сборник мною сочинен —
Свои поделки всучивает он,
Создам касыд торжественных тетрадь —
Ничтожество стремится не отстать.

Беспомощной козявке-рифмачу
Убогие побаски — по плечу,
Чеканит золото мой монетный двор,
А он — подделки ляпает, как вор!
Мартышка тщится людям подражать,
Но грязной луже — звезд не отражать.
Все существа отбрасывают тень,
Но эту дрянь — ногами не задень!
Себя поэтом объявляет он,
Но с пачкотней назойливой — смешон,
И вровень стать пытается всегда,
Ни мозга не имея, ни стыда.
Лишенный тени благодный Пророк
Такую тень — с подметок смыть не мог,
Но океан, чья чистота видна,
Собачья не запачкает слюна!
Безмолвствует Всевышний Судия,
Но всколыхнулась морем кровь моя, —
Я сам очищу бурей берега,
Брезгливо видя происки врага.
Трудиться я стараюсь, не крича,
Светя другим, сгораю как свеча,
Не из железа сделан я, заметь, —
Зачем же мне бездушие терпеть!
Ты видишь, как я рою рудники,
Взгляни, как роют яму мне враги!
Лекарство — негодяев не спасет,
От зависти — падучая трясет!
Привыкнув воровать в моем саду,
Нашептывают, будто я краду, —
Уловка не хитра и не нова :
«Держите вора!» — всех воров слова.
Ну, воровство — еще простимый грех,
За сплетни ж — покарай их, Боже, всех!
Таланта — не украсть и не отнять,
Но этого им — даже не понять!
Пусть лопнут у завистников глаза,
Пускай для них исчезнут небеса,
Но если суждено им воровать —
Не стану даже двери закрывать!

Когда б такой урон меня страшил,
Тогда б и вправду я несчастен был!
Казна миров обоих — две руки,
И пусть воруят крохи бедняки!
Аллах велит убогим подавать,
А мне — сокровищ, некуда девать,
Займствуй строки до скончанья дней, —
Не стану я от этого бедней!
Постройка — крепче каменных палат,
Моей казне подкопы не грозят,
Я за судьбу сокровищ не страшусь
И сна от беспокойства — не лишусь!
Пускай хранит сокровище — замок,
Здоровье — руты жертвенной дымок,¹
В броне Исфендиара я рожден
И с колыбели — рутой огражден.
Коль вникнуть в буквы «Низами» дано,
Увидишь имя тысячу одно,²
Прочтешь «Ильяс», откинув три черты,
Увидишь девяносто девять ты!³
Вот сколько замков у меня вокруг,
Вот сколько в них развешано кольчуг,
И потому спокоен я всегда:
Не вторгнуться грабителям сюда!
Где золото сокрыто — змей полно,
Где финики — колючки заодно,
И кто бы славой мир ни полонил,
Любого хор завистников чернил!
Юсуф Луну красою превзошел,
От братьев же — спасенья не нашел,⁴
Иса не выдыхал, как люди, дым, —
Однако был евреями гоним;
Тому, кто всех арабов затмевал,
Житья Отец геенны не давал⁵,
И так на свете исстари идет:
Без жал пчелиных — невозможен мед.

11. Просьба о прощении за свои жалобы

С тех пор, как осознал себя как «Я»,
Я не обидел даже муравья,
 Чужой водою жемчуг свой не мыл
 И дел чужих — ни разу не мутил.
Враг злобствует — я злобой не горю
И скверного о псе — не говорю,
 Над песей злобой возвышаясь львом,
 Бросаю вслух: «Не страшно, — проживем!»
Известно мне, что лучше гнев сокрыть
И с маху резких слов — не говорить,
 Но если гласу мудрости внимать,
 То это ж трусость — губ не разжимать!
Кто свет объездил — молод или стар —
Поймет, откуда славный мой товар!
 Враг замахнулся — только и всего?
 Он рухнет от бесчестья своего!
Не слушай, сердце, всех, кто вздор несет,
Не отвлекайся от своих забот,
 Как роза, о кончине не горюй,
 Как роза, руку рвущую целуй!
Живи с огнем, коль он в крови зажжен,
Пусть шапку ломит, кто мозгов лишен,
 Уж лучше сам обиды претерпи,
 А рыночных козювок — не лупи!

12. Назидание своему сыну Мухаммеду

Отрада взора, вечно будь здоров!
Познал ты всю премудрость двух миров.
 В семь лет ты розой ярко расцветал
 И среди луга мирного блистал.
Четырнадцать с рожденья пронеслись, —
Ты вырос, словно стройный кипарис,
 Теперь уже окончена игра, —
 Трудиться и возвыситься пора!
К величию и знаниям стремись,
Чтоб добрыми трудами вознестись;
 Честь рода — детворе, пока растет,
 А древо — чтут ли за один лишь род?
Коль встретишься со вражескою тьмой,
Поможет ли тебе, что сын ты мой?
 Сам сокрушай, как лев, врагов любых,
 Чтоб сыном стать всех доблестей своих!
Стремясь к успеху, в мире утвердись,
Но и с людьми достойно обходись,
 А если небылицы станешь плесть,
 То помни, что Господня кара есть!
Труд — по душе старайся избирать,
Чтоб от плодов стыда не испытать, —
 Запомнишь сердцем этот мой совет —
 И будет польза, а иначе — нет!
Стремлением к высокому горишь,
Стихи нередко с жаром говоришь —
 Не связывайся с этим ремеслом:
 «Чем лучше стих, тем мы хитрее лжем!»¹
Стихами славы не ищи земной, —
Искусство это кончится со мной!

Какой бы ни был пишущим почет,
Учись тому, что пользу принесет!

Таблицы длани Божией любя,
Познай в извилах линий сам себя,²

Пойми извивы права своего, —
Спокойней дух от знания сего!

Есть две науки, — говорит Пророк, —
О вере и о здравии, сынок,

И важность их — особо обозначь:
Одну несет факих, другую — врач.

Стань лекарем — искусным, как Иса,
Не дурнем, что калечит телеса,

Факихом — благочестия лучом,
Не лживым крючкомвором-ловкачом!

Когда бы оба знания постиг,
Тогда ты стал бы подлинно велик,

Искусством тем и этим овладей —
И будешь почитаем у людей!

Любой листок со тщанием читай
И всю его науку познавай,

Достигнешь совершенства с юных лет —
Тогда тебя признает целый свет!

Уж лучше хорошо попоны шить,
Чем никудышным шапочником быть,

И крепко, сын мой, в памяти отметь,
Что без труда свой век — не просидеть!

13. О пользе немногословия

Людская речь приятна, как вода,
Но много слов не лейте никогда, —

Хотя вода способна освежить,
Живот заночует, если много пить.

Как жемчуга, нанизывай слова,
Чтоб разнесла их по свету молва,

А многословьем — блеска не достичь,
Не кучу ценят, жемчуг — не кирпич!

Жемчужина своей голубизной
Украсит мир подводный и земной,

В короне шахской ей дано гореть,
Она ж — лекарство, если растереть.

Один букет благоуханных роз
Приятнее, чем сена целый воз.

Мильоны звезд пронзают ночи тьму,
Но поклонюсь — лишь Солнцу одному.

Сияют звезды ярко и давно,
Но светит миру - Солнце лишь одно!

14. Поминовение некоторых усопших близких

Эй, виночерпий, нацеди вина
И дай мне чашу осушить до дна!
 Прозрачно, как слеза моя, вино,
 И тем, кто так влюблен, — разрешено!
Чего ищущ с надеждою в вине?
Чтоб узел сердца развязало мне!
 Несчастий лев уселся на пути, —
 Хочу его, напившись, обойти!
Веселий я немало испытал,
Но все в былом, — не тот я ныне стал!
 Что есть еще, утрачу — и тогда
 Беспомощным останусь навсегда...
Рубиновый напиток мне налей, —
Подкова — на огне души моей!
 Подай вина, чтоб делу пособить
 И снова дух поникший пробудить!

15. Поминовение отца

Когда Юсуф, мой праведный отец,
Нашел, вослед родителю, конец
 И так же, как Заки ибн Муайяд,
 Навек ушел, чтоб не прийти назад,
То стоит ли мне тяжбу затевать
И бег времен к ответу призывать?
 Что убиваться, — здесь не произвол:
 Законно все — черед его пришел...
Помыслив об ушедших всех отцах,
Отторг отцову жилу я во прах,
 Чтоб мед, из жала вытекший, испить,
 И горе — ради здравия — забыть.
Не сообщает ни один писец, —
Чтоб уцелел хоть чей-нибудь отец,
 Так можно ль сокрушаться без конца
 И цену крови требовать отца?
Подай-ка, виночерпий, мне вина,
Кровь разожги — застужена она!

16. Поминовение матери

Дочь курдов, мать любимая моя,
Ушла навеки в дальние края, —
 Куда ж, рыдая, звать ее пойти,
 Кого молить — обратно привести?
Несчастье — больше, чем могу вместить,
Пучина слез — способна поглотить,
 И чаша с этим горем так горька,
 Что тьме народа — не отпить глотка.
От этой чаши горя — без краев,
От моря этих слез — без берегов
 Могло б одно забвение спасти,
 Но где забвенье это обрести...
Устал мой конь, душа удручена,
Подай-ка, виночерпий, мне вина, —
 Пускай ударит в голову оно,
 Пусть ноги заплетет — мне все равно!

17. Поминовение дяди хаджи Умара

Хаджи Умар был дядею моим, —
Пришлось навек расстаться мне и с ним, —
 Во флейте горла стон застрял комком
 Вослед за этим горестным глотком.
Я вижу девять сводов над собой, —
Они простерлись цепью голубой,
 И страшно стоном небо укорять,
 Чтоб волю на цепи не потерять!
Гранатового лей же мне вина, —
Пусть будет чаша влагою полна,
 Которая поля животворит
 И как напиток райский говорит!

18. Поминовение усопших друзей и о дружбе с другими

Как тягостно сподвижников терять,
Как тяжело бесконечно повторять:
 «О, где же вы, бесценные друзья!
 Куда ты скрылась, молодость моя!»
Своим лишь медом улей пчел живет,
А мед — работой общей создает,
 И шапкой кокон славится века —
 Сподвижники плетут ему шелка.
Единственно для радости друзей
В гнездо былинку тащит муравей,
 Хотя она огромна для него
 И даже тяжелее самого!
С кем выпало идти одной тропой,
Любую песню ты согласно пой,
 А запоешь нестройно и не в лад —
 Труды любые будут невпопад!
В Китае не всегда шелка прядут, —
Порой — циновки грубые плетут,
 Но все дела, которые нужны,
 Вершиться по согласию должны.
Струну, когда не в лад она поет,
Певец без сожаленья оборвет!
 Возьми же, раз печаль моя черна,
 Как мускус ароматного вина, —
Меня обрызгай дружеской рукой,
От грусти об ушедших — успокой,
 Вся жизненная сила — в том вине
 Сок ветви юной пусть поет во мне!

19. О предании своего бытия забвению

До коих пор я буду яды пить,
Искать лекарства — и не находить
 В обители, которая полна
 Одною скверной в наши времена!
Да это же обитель паука,
Который то царапает слегка,
 То гибель паутиною несет,
 То от потери крови вдруг спасет.¹
Как кокон, нужно дом замуровать,
Чтоб было в нем спокойно почивать;
 Кругом — несчетных горестей мирок,
 И тот подарен — на ничтожный срок..
Встань, виночерпий, и порадуй нас, —
От горького вина так сладок пляс,
 Пускай оно мне голову кружит
 И всей души изгибы обнажит!

20. Об отказе от тщеславия

Стань как змея, — главы не поднимай,
Ведь позади — поток, — не забывай!
 Будь, как дракон, хоть о семи главах,
 Все семь снесут и сложат их во прах!

Опасно заноситься высоко,
Занесемся — сверзиться легко, —
 Не просто с крыши оборвешься ты, —
 Не шаг, а сотня гязов высоты!

В пыль обратись — и не страшись врагов,
Спокойней пыль трех прочих жемчугов,
 Пускай блестящи остальные три,
 Надежней — пыль, — лишь на землю смотри!

Тюльпаноцветной влаги для друзей
Достань — и половину сам отпей,
 Пускай струи об утре возвестят,
 Пускай чертоги духа заблестят!

21. О забвении прошедшей жизни

К чему глаза рыданием слепить
О горе, не успевшем наступить,
 Не лучше ли запомнить мой совет:
 Забуть о том, чего уж больше нет!

Былое — то, что съел и пыль смахнул,
С грядущим — скатерть ты не развернул,
 Считай, что перевернут тот листок
 И с двух сторон исписан вязью строк.

Пускай Коран на семь ладов прочтешь,¹
Пускай семь тысяч лет ты проживешь,
 Но разве, когда сроки подойдут,
 Семь тысяч этих лет — не пропадут?

В могилу лечь придет любому срок,
Так важно ль, низок ты или высок!
 Эй, виночерпий, в светлый миг зари, —
 Ты мне прощальный кубок подари

Вина, чтоб я немедля запьянел,
И даже прежде, чем глотнуть успел,
 Вина, чтоб Солнцем подбодрило в миг, -
 Чтоб разом ожил высохший родник!

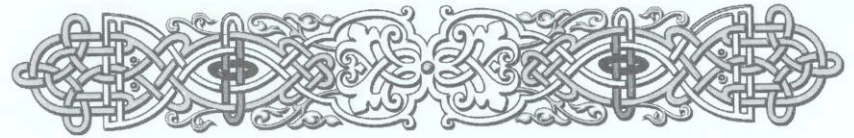

22. Об отказе от застенчивости и беспомощности

До коих пор недвижимым быть, как лед,
Иль мышью дохлой средь бегущих вод?

Мягкосердечье розы — позабудь,
Фиалкой терпеливою — не будь!

Порой колючкой злою надо быть,
Неистовство смелее проявить!

23. Притча о курде, потерявшем осла

Курд ишака однажды потерял, —
Метался он и небо укорял:

«Пустыня ж бесконечна, — почему
Судьба исчезнуть — только моему!»

Со стонами носился он стремглав
И счастлив был, скотину отыскав, —

Воскликнул он: «Нашелся мой ишак!
Выходит, буйство — самый верный шаг!»

А если б курд в неистовство не впал,
Ишак его поклажи б не таскал!

Деревня эта — буйных лишь оплот,
Владенье тех, кто слабого убьет,

Здесь без отваги львиной — пропадешь,
Зря от баранов доблести ты ждешь.

Так лей же в чашу чистое вино, —
Пусть будет пламя наше зажжено,

Пусть по лицу скалы вино бежит
И драгоценный яхонт обнажит!

24. О том, что нельзя терпеть гнет

Ну как ты можешь, просто не понять,
Перед мерзавцем голову склонять!

В открытую хочу тебя спросить,
Как можно подзатыльники сносить!

Будь как вершина горная могуч, —
Не слабость же — к успеху в жизни ключ!

А сделаешься лилией, смирясь, —
И пищею твоею станет грязь!¹

Приниженность — несносна для меня,
Пусть терпит гнет убогий размазня!

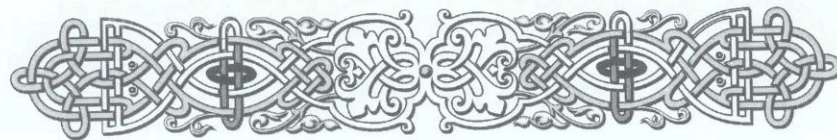
Шипами оцетинясь, слов не трать,
Чтоб пригоршнями розы собирать!

На сокрушенья силы не теряй
И зря о пустяках не причитай!

Смеркается, — подай вина скорей, —
Шум от занятий в голове моей!

Светильник для идущего — вино,
Всех одряхлевших молодит оно;

Ты к бражникам, живущим без забот,
Ступай, — никто там носа не дерет!

25. Об отказе от служения властителям

Как Солнце, выйди в целый звездный мир, —
На что тебе джамшидов шумный пир!

На шахском содержании — не будь, —
Для воина оно — скитаний путь!

От государей — слушайся меня —
Подальше, словно вата от огня!

Пусть пламя шаха — свет его земли,
Спокойнее, когда оно вдали!

Не будь, как неразумный мотылек:
С любовью он летит на огонек,

Но только пировать со свечкой сел,
Как во мгновенье вспыхнул — и сгорел!

Друг-виночерпий, горя грудь полна, —
Налей для исцеления вина, —

Пусть серебристо-чистое вино
Утешит сердце, как заведено!

26. О том, что не следует лишать людей хлеба насущного

Ничтожна доля или велика,
Вовек чужого не хватай куска,
 Чтоб счастье не отвратило взгляд,
 Не тщись казаться выше, чем халат!
Положен каждой птице свой предел —
Погибнет тот, кто выше залетел,
 И корчится растоптанной змея,
 Когда тропа наскучит ей своя!
Зуд в кулаках паломник ощутит —
Ему же по заслугам и влетит;
 Со львом сражаться не с руки лисе, —
 Кто держит меч — отлично видят все!
Пусть горячит вино меня, — налей,
Подай мне чашу и воскликни: «Пей!»
 Сокровищницы радости ключом
 И соком жизни станет то, что пьем!

27. О радости довольства малым

Разумен тот, кто просто жизни рад, —
Привыкни быть довольным, чем богат.
 Взгляни — любая птица, зверь и скот
 Довольны малым, что Господь пошлет.
Стремятся все до вечера дожить
И рады пище, что смогли добыть,
 Запасов не имеют никаких,
 Но не услышишь ропота от них.
Лишь человек нахален и бесстыж, —
Возносит крик и ругань выше крыш,
 Как только хоть чего-нибудь лишен,
 А чаще — если не наелся он!
Едва лишь капля на нос упадет,
На тучи рот он с бранью распахнет,
 Едва лишь солнце малость припечет,
 В светило он булыжником швырнет!
К чему упрямство, — нужно быть как свет,
В котором ни малейшей грязи нет;
 Старайся уподобиться воде,
 Что протекает с ласкою везде!
А ну-ка, виночерпий, не сиди, —
Скорее мне из бочки нацеди
 Вина, что на пиру — развеселит,
 А в битве — силы удесятерит!

28. О радости служения народу

Не будь как камень, если ты живой,
Шагай бодрее, если не хромой,
 Ступи на бесконечную кошму,
 На пяточке топтаться — ни к чему!
Стремительно кружись, как небосвод,
И пусть халат колючками порвет.
 Отдай коня, а сам пешком ступай,
 И от врагов лица не закрывай.
Стремись чужие тяжести таскать, —
Что радостней, чем людям помогать!
 Зато когда ты ослабеешь сам,
 Твой груз не надоест ничьим плечам!
Эй, виночерпий, принеси вина,
Я верю — сила в нем заключена, —
 Пускай оно мне сердце взвеселит
 И сумрачную душу оживит!

29. О скромности, которая ведет к величию

Скинь сетований сеть и не вздыхай, —
Пойми свое бессилье и признай!
 Не думай, будто вправду ты могуч, —
 Не влезть на эту гору выше туч!
Как соловей, укоров льешь поток
За то, что порван щит, как лепесток;
 Сложи крыла — опасен крыльям путь,
 Ужасен меч — про всякий щит забудь!
Чтоб конь вперед без усталости летел
И множилась поклажа добрых дел,
 С коня гордыни лучше упади —
 И тропку ко спасению найди!
Ведь ты же видишь, что когда луна
До половины тьмой поглощена,
 Она спокойно по небу скользит:
 Усекновенье больше не грозит.
Удушье над душой моей развей,
Дай влаги веселящей поскорей, —
 Вместилища души, едва берешь,
 Лекарства для души, когда допьешь!

30. О сложении стихов в уединении

Нельзя на месте больше ночевать,
Настало время переключать.
 Ты утомлен, и труден этот путь,
 И все-таки — решительнее будь.
На сборы много времени не трать,
На месте сидя, счастья не догнать.
 Покуда не окончены труды,
 Ты будешь как корабль без воды!
Перед тобой — бессмертия родник,
И если Низами его достиг,
 Пускай играет жемчугом всегда
 Любви Меджнуна светлая вода!

31. Начало повести

Легенда — как жемчужина видна.
В Аравии в былые времена
 Был князем Амиритов славный муж,
 Властитель пашен, и садов, и душ.
Лишь имени его услышав звук,
Благоухала вся земля вокруг,
 Он благороден был, и добр, и смел,
 И в целом мире равных не имел.
Людьми счастливо он повелевал,
Каруна он богатством затмевал,
 Гостеприимен был, миролюбив,
 И славился, как подлинный халиф.
Удачлив был он, как с ядром орех,
Но свечка без огня — беднее всех.
 Он сына ждал, как колосок — зерна,
 Как устрице — жемчужина нужна!
Он тосковал, как все, кто тут гостит,
Когда ж судьба хоть веточку взрастит,
 Где вырос кипарис или самшит,
 Там и росток подняться ввысь спешит.
Когда фазан на прежний луг придет
И старого знакомца не найдет,
 То сядет он, как и в былые дни,
 У кипариса юного в тени.
Кто вырастил потомка, вечно тот
В краю своем отеческом живет, —
 И он с надеждой к Господу зывал
 И милостыню нищим раздавал.
Дирхемы сыпал, как цветы — жасмин,
Но от посевов не рождался сын,

Который год за жемчугом нырял,
И все-таки — надежды не терял...
Огромн мир, и человек не зрит,
Что в ожиданьи — смысл тайный скрыт,
И, не осуществив своей мечты,
Возможно, лишь выигрываешь ты...
Взор задержи на добром, на дурном —
Все к лучшему, когда мы все пойдем.
Когда дурак отыскивает клад,
Себе ж во вред становится богат!
Все мельтешат, торопятся, спуют,
А выгоды своей — не сознают,
То не развяжешь узел нипочем,
То сам замок окажется ключом!
Мечтал он страстно, чтоб родился сын,
Любил супругу, как рудник — рубин,
Он неустанно Господа молил —
И Бог его младенцем одарил!
Был сын его — как редкостный алмаз,
Алмаз — бледней во много тысяч раз!
Все жемчуга ребенок затмевал,
Улыбкою — как Солнце чаровал!
Отец впервые радостно вздохнул,
От счастья — все подвалы распахнул, —
За то, что свет сокровищ увидал,
Несметные сокровища раздал!
Здоровую кормилицу нашли,
Чтоб сыну соки жизненные шли,
А Время — с каждым мигом и глотком
Вливало Верность вместе с молоком
И сердце укреплялось для Любви,
И нежность разливалась в крови,
И приближали благодатный час
Узоры, отвращающие сглаз.
Как мед и молоко благоухал,
Как полумесяц, в люльке отдыхал,
И через две недели свет земной
Стал ясной двухнедельною луной.

Он был надзору нянек поручен
И Кейсом — Дарованьем — наречен,
Любовь поила — из обеих рук,
И Солнце — завершило первый круг.
Он в год был совершенством красоты,
Цвели в его душе Любви цветы,
И он в саду сердечной неги рос,
Не ведая ни горестей, ни гроз.
О прелести его — легенды шли
Во все края отеческой земли,
И всякий, кто бы Кейса ни встречал,
Красе его — молитвы воссылал!
Промчалось пять, и семь, и десять лет.
Отец его был гордостью согрет;
Увидя, что тюльпан уже расцвел,
Сынишку он к учителю отвел.
Собрался для познания наук
Детей неугомонных шумный круг, —
Из разных мест прислали их во храм
Все племена, что кочевали там.
Была средь них жемчужина одна —
Неслыханно прекрасна и умна,
Как куколка, как лунный свет ночей,
Как пальма — для бесчисленных очей
Сердца мгновенно взор ее пронзал
Тем, кто взглянуть в лицо ее дерзал, —
Казалось, арабская Луна
Лишить всех тюрков сердца рождена!
Лицо — как утро, локоны — как ночь
Огонь в когтях у ворона — точь-в-точь!
Кто видел — все на свете забывал,
И стан газели — взоры чаровал.
Уста — намного слаще, чем изюм, —
Войска крушили, помрачая ум,
Улыбки — как рубины в рудниках,
И ямочки сияли на щеках.
Как талисман волшебный средь подруг,
Она собою красила их круг —
Неповторимой юности цветов,
Цветка стихов нежнейший лепесток!

Чело кропила ранняя роса,
Волнами н испадали волоса,
Румяна — только кровь ее ланит,
Сурьма — лишь смуглость, что сердца манит.

Рой родинок и локонов поток —
Пленительной жемчужины венки!
С неудержимой силою влекли
Глаза, как ночь, и имя «ночь» — Лейли.¹

Восторженной душой ее узрев,
Кейс отдал сердце, сердцем завладев, —
Лейли им очарована была,
Любовь — в груди обоих расцвела!

Вдохнув волшебной розы аромат,
Пути уже не ищем мы назад.

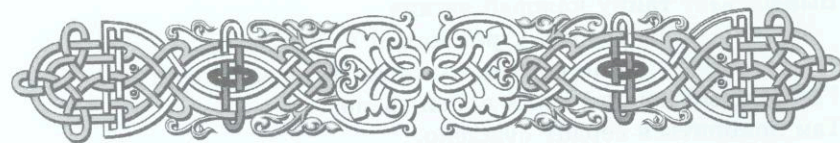
Похитив сердце, душу потерял,
Но ни за что судьбу не укорял!
Любовь благословенная пришла
И чашу им обоим поднесла.

И благостно впервые опьянеть,
И тягостно впервые опьянеть.

Навек прикован взорами он к ней
И с каждым часом любит все сильней,
Лейли же — сердце хоть и отдала,
Поддаться зову сердца — не могла.

Друзья читали строки словарей —
Им — свой сложить хотелось поскорей,
Друзья спрягали правильный глагол —
У них же разговор о чувствах шел,

И в счете все давно ушли вперед —
Лейли и Кейс вели особый счет,
Друзья листали толстые тома,
Они ж — пылали, как Любовь сама!

32. О том, как Лейли и Кейс полюбили друг друга

Когда на просыпающийся свод
Юсуф небес блистательно взойдет,
Всю землю, что в спокойствии лежит,
Он цветом апельсина позлатит.

Играя апельсином золотым
И личиком сияя молодым,
Воспламеняла юношей Лейли, —
Пылая, все порезаться могли!¹

И Кейс на апельсин ее глядел —
И померанцем горестно желтел,
Но, увидав, как оба хороши,
Все забывали скорбь своей души!

Пришла всепобеждающая страсть,
Чтоб их сердца безжалостно украсть, —
Исторгла их пылающим мечом,
И слышать не желая ни о чем!

Сердца их переполнились тоской,
И навсегда покинул их покой, —
Сгорая не по дням, а по часам,
Они стремили вздохи к небесам.

Смирить пытались пламенную кровь,
Сокрыть пытались пылкую любовь,
Шепнули только слово на ветру —
И он с лица любви сорвал чадру!

Они старались реже вместе быть,
Чтобы заветной тайны не раскрыть,
Но мускус — не пытайся завязать,
Благоуханье сможет все сказать!

Друг с другом нежно связаны они,
Но сделались причиной болтовни —
Не ведая приличия завес,
Все обсуждали чудо из чудес.

Когда глаза желанием горят,
 Выказывает тайну каждый взгляд,
 И этих стрел ничем не затушить,
 Как солнца — кизяком не залепить!
 Где каждый локон — как цепей звено,
 Там покориться сердцу суждено,
 И взор Лейли так властно чаровал,
 Что юношу навеки оковал.
 Он от любви к сияющей красе
 Уже не в состояньи жить «как все»,
 Он все благоразумье растерял, —
 «И выюк свалился, и осел упал!»
 Ослами он за буйный этот пыл
 «Меджнуном» — «одержимым» прозван был,
 Метался Кейс, мучительно страдал —
 И справедливость клички подтверждал...
 И вот из-за бесчисленных речей
 Луну сокрыли от его очей,
 Из-за пустой брехни досужих сук
 Перед газелью выкосили луг!
 С возлюбленным Лейли разлучена, —
 Роняла с глаз жемчужины она,
 Меджнун, не видя глаз ее и кос,
 Неудержимо лил потоки слез!
 По пыльным переулкам он бродил,
 От горести — пути не находил,
 И с тяжелой болью в сердце — без конца
 Пел о Любимой, трогая сердца.
 Слагал он песни, но смеялся сброд:
 «Помешанный!!! Помешанный идет!!!» —
 Тогда совсем поводья он терял
 И все подряд в обидчиков швырял.
 Как спелый разрывается гранат,
 Порвать себе он сердце был бы рад,
 Неудержимо кровь пылала в нем, —
 Кто в силах совладать с ее огнем!
 Тоска его мучительная жгла,
 Но далеко Любимая была,
 Мечта его всесильная влекла,
 Но далеко Любимая была...

Покой утратив, как свеча сгорал,
 Скитался бесприютно и не спал,
 Уста искал, что были далеки,
 И угасал от горя и тоски.
 Он душу в теле сохранить не мог,
 Главу склоняя на ее порог.
 К Мечте привязан — связана Мечта,
 И радость — у обоих отнята.
 Он по утрам в пустыню уходил, —
 Весь день босой, оборванный бродил,
 А по ночам тоска его вела
 Туда, где Ненаглядная жила.
 Летел он ветром под окно Лейли,
 Обрато же — и ноги не несли.
 Его сто крыльев мчали в этот сад,
 Колючки рвали — по пути назад...
 Он устремлялся радостно туда,
 Как в водоем — бегущая вода,
 А покидал манящий водоем —
 Водой, одолевающей подъем...
 Ее ворота страстно целовал,
 В стихах подлунных — душу изливал,
 И плелся, пригибаемый судьбой,
 Не видя ничего перед собой...
 Незримый конь его к колодцу мчал,
 Разбитых ног Меджнун не замечал,
 Несчастьем ослеплен и оглушен,
 Совсем забыл края родные он...

33. О любви Меджнуна

Халиф встающих с горестью в очах,
 Всех горько слезы льющих падишах,
 Отверженный, покинутый в степи,
 Из-за любви сидящий на цепи,
 Певцов Багдада редкостный канун,
 Рыданья исторгающий из струн,
 Великой страсти пламенный трубач,
 Хранитель храма, где не молкнет плач,
 Свихнувшийся, чей свет навек исчез,
 Харут, жестоко свергнутый с небес,
 Шах Кейхосров, утративший венец,
 Стенанье обездоленных сердец,
 Бродящий средь заброшенных могил,
 Где муравьев безропотно кормил,
 Снаряд осады неприступных стен,
 Чье сердце и рассудок взяты в плен,
 Утихнуть не способный океан,
 Влюбленный, истрадавший от ран, —
 Имел Меджнун, несчастный до конца,
 Друзей, — как он, утративших сердца,
 И вместе с ними шел он по утрам
 К ее жилью, как ко святым местам,
 Любимой Имя слышал и твердил
 И в горе — больше слов не находил.
 На гору Неджд пути его вели
 Вблизи кочевья племени Лейли,
 Огня любви глотая горький дым,
 По скалам он карабкался крутым.
 Он на вершине прыгал и плясал,
 Как пьяный, камни в пропасти бросал,
 Метался, извивался, голосил —
 И снова пенье к небу возносил.

Затем слезами очи наполнял
И к ветерку моленье обращал:

«О, ветер вольный, благостно повеи,
Лети к Лейли, — коснись ее кудрей, —

Я верю, что привет ты донесешь,
Поскольку ты в любые окна вхож, —

Скажи ей: «Кейс, который позабыт,
Во прахе на пути твоём лежит.

У ветра — твой он ищет аромат,
Он миру о Тебе поведать рад!

Пошли ему приветный ветерок,
Чтоб о Тебе и он услышать мог!

Кто может пред Тобой не трепетать,
Тот недостойн воздухом дышать,

Кто всей души Тебе не отдает,
Пусть потеряет душу от невзгод!

Когда бы не был полон я огня,
Потоки горя смыли бы меня!

Когда б я слез потоками не лил,
Меня б костер любви испепелил!

И Солнце, изливающее свет,
Сгорает от моих жестоких бед!

Свеча моей измученной души,
Как мотылька, сжечь душу не спеши!

С тех пор, когда в глаза твои взглянул,
Ни разу я спокойно не уснул,

Мысль о Тебе — единственный покой, —
И рана, и бальзам души больной...

Твой ротик — слаще сахара втройне, —
Пошли улыбку сладостную мне!

Ты слышишь — сердце горестно стучит:
Пусть эта сладость горе облегчит!

За что Ты неприветлива со мной?

Наверно, в том повинен глаз дурной!

Ведь надо лица синим обводить,
Чтобы себя от сглаза оградить!

Случается, что самый сочный плод
От сглаза загниет и упадет;

Я чьим-то глазом злым настигнут был —
И дивный плод навеки упустил.

Дурной опасен даже солнцу глаз, —
Ночь наступала среди дня не раз¹,

Сокровищницу следует скрывать,
Чтоб мир ее не смог разворовать!»

34. Меджнун отправляется на встречу с Лейли

На синий шелк, сияньем залитой,
Взошел однажды перстень золотой,
И ясных звезд мерцающая ртуть
Вдруг покраснела, прежде чем уснуть;
Тогда Меджнун, поющий про Мечту,
Которой ждать ему невмоготу,
С безумным сердцем, бьющимся как ртуть,
Отправился на Милую взглянуть.
Стремился он, цепей своих не сняв,
Терпения рубаху разорвав,
Все горести и муки пережить,
Не в силах сердце раненное спить.
Как пьяный он рыдал и бушевал,
Царапал щеки, кудри вырывал,
И вот, когда полдневная жара
Настала, он достиг ее шатра.
Прелестная арабская Луна
Сидела, неподвижна и грустна,
Вздохнула горько, увидав его, —
И больше он не видел — никого!
Звездой волшебной лик Лейли сиял —
Меджнун над нею свод небес держал,
Лейли чадру откинула с лица —
И стал он сокрушаться без конца.
Лейли струны касалась смычком —
Меджнун себя в лицо бил кулаком.
Лейли была рассветом золотым,
Меджнун — свечой, сгорающей пред ним.
Лейли — как сада райского цветник,
Меджнун — кровавой раною возник.
Лейли — в сияньи полная луна,
Меджнун — тростник, иссохший дочерна.

Она была кустом цветущих роз,
Он — жемчуга поэзии ей нес.

Сияла райской девою Лейли,
Но адские костры Меджнуна жгли!
Жасмин, цветы раскрывший поутру, —
И луг, закоченевший на ветру.

Чтоб не опал единый лепесток,
Себя он, как траву от сглаза, жег.
Взгляд этой пери души чаровал, —
Меджнун — ошейник рабства надевал.

Напев Лейли блаженство навевал —
Меджнун в уплату душу отдавал!
Лейли как роза алая цвела —
Кровавая слеза Меджнуна жгла.

Расчесывала локоны Лейли —
Жемчужины из глаз его текли.
В руках Лейли душистое вино —
Меджнун от аромата пьян давно.

Он счастлив был хоть тем, что повидал,
Она же — тем, что он искал и ждал!
Остерегаясь бдительной родни,
В объятия не бросились они,

Но так Судьба завистлива была,
Что видеться им больше не дала...

35 Отец Меджнуна отправляется сватать Лейли

Когда замкнули Первую из звезд,
Когда последний сокрушили мост,
 Меджнун очей от муки не смыкал, —
 В газели всю тоску перелагал.
Не раз, лишенный всяческих надежд,
Взбирался он на каменистый Неджд,
 Да кто-нибудь, разлукою томим,
 Порою брел над пропастью за ним...
Он от любви совсем безумен стал,
Базарный люд язык о нем чесал,
 Его стыдилась близкая родня,
 С тоски отец не видел света дня.
Он, как глухой, советам не внимал,
Он сердцем мудрых притч не принимал;
 Во всем полезен искренний совет,
 В огне ж любви советам места нет!
Не мог отец поделать ничего,
Все сердце изболелось у него,
 Он слышал отовсюду сплетен шум
 И постоянно горбился от дум...
Он терпеливо близких опросил
И понял, что наивно разгласил
 Влюбленный, в чей силоч он завлечен,
 И потому — с любимой разлучен.
Жемчужину, которой равных нет,
Перед которой меркнет целый свет,
 Задумал он попробовать купить,
 Чтобы к венцу любимца прикрепить,
Рассыпать украшенья, как росу,
Прося чужого племени красу, —

И старцы согласились, как один,
Со всем, что замышляет властелин.
С заботою своей к шатрам чужим
Они решили ехать вместе с ним,
 И, чтобы жизнь Меджнуна сохранить,
 Безумного — с Луной соединить.
Князь амиритов это услышал
И горбиться от горя перестал, —
 Впервые смог он радостно вздохнуть
 И поспешил с надеждой в этот путь...
...Все племя Утешительницы глаз
Послам навстречу высыпало враз,
 Все дружески приветствовали их,
 Все в гости приглашали, как родных.
«Мы рады гостю ныне и всегда!
Какая привела тебя нужда?
 Закон — твоё желание для нас,
 И мы его исполним — сей же час!»
«Мы с вами познакомиться должны,
Раз наши дети издавна дружны,
 Отрада наших гаснущих очей, —
 Соединим же силу их лучей!
Слиянье их — Аллах, благослови!
Хочу я породнения в любви:
 Прошу тебя, откинь сомненья прочь, —
 Для сына моего отдай мне дочь!
В песках рожденный — жаждой истомлен,
К источнику прикован взором он, —
 Колодца животворная вода
 Жизнь возвращает путнику всегда!
Обдумывал я цель немало дней
И без смущенья говорю о ней, —
 Жемчужину куплю, коли продашь,
 И закрепим союз навеки наш!
Я — из числа влиятельных владык, —
Мой край богат и мой народ велик,
 Есть и казна, и воинов ряды,
 Дары друзьям и стрелы для вражды.
Ты деловит, и твой товар — в цене,
Решайся, — продавай смелее мне!

Какую бы ты цену ни назвал,
Я больше дам, чтоб сын не тосковал!»
Нахмурился в ответ отец Лейли,
Слова его — все чайня сожгли:
«Мы очень часто говорим одно,
А в небесах — другое решено.
Внушительна твоя благая речь,
Но от огня я дом хочу сберечь, —
Не требуй от меня таких шагов,
Чтоб радовались тысячи врагов!
Конечно, славен твой старинный род,
Но сын себя — чудовищно ведет!
Да он нечистой силой одержим!
Родства с Меджнуном — лучше избежим!
Молись об исцелении его,
Остепенится — сватай хоть кого;
Будь без порока жемчуг — мы б сошлись,
А нынче — не могу, и не сердись!
Жемчужина с изъяном хоть одна —
Глядишь, и ожерелью — грош цена!
Что все арабы скажут обо мне?
Помешанным ославят по стране!
Забудь о том, что ты мне говорил, —
Пусть не со зла, но сердце я — закрыл!..»
Все амиритам выслушать пришлось,
А то, о чем мечтали, не сбылось...
Печален был для них обратный путь,
Легли седые бороды на грудь;
Кому обиду выскажешь свою,
Не зная языка, в чужом краю...
И надо бы Всевышнего молить,
Чтоб он помог безумца исцелить,
Но раз Меджнун мечтанием казним,
То порешили объясниться с ним.
К себе его призвали старики
И дружно развязали языки,
И каждый был язвительно остер,
И все колючки — ссыпали в костер.
Один совет — другие повторял:
«Ты сердце и рассудок потерял!

Мечтание пустое — истреби,
Здоровья и покоя — не губи!
Мы видим, что сжигаешь ты себя;
Все сплетники — болтают про тебя;
Искусства ты и книги изучил,
Но для чего свой жемчуг помрачил?
Очнись, оставь незримую тюрьму
И разуму покорствуй одному!
Ты удручен, но хоть послушай нас:
Везде — плоды, ласкающие глаз!
Рубины губ и ушек жемчуга,
А щеки — словно горные снега!
Да этого добра не перечесть, —
И здесь полно, и у соседей есть!
Все источают амбру, все в шелках,
Лейли пред ними — меркнет на глазах,
Любая — как картина рядом с ней,
А уж наряды — ярче вешних дней!
Ты тьмой своих красавиц окружен,
А сам — к чужой стремишься на поклон.
Взгляни на них, — любую выбирай
И от пустой тоски — не умирай!
И если ты слушаешься нас,
Скорее сватов шли в счастливый час
И в лад живи, как сахар с молоком,
Покуда сам не станешь стариком!»

36. Плач Меджнуна от любви к Лейли

Меджнун смиренно выслушал родных
И понял горечь наставлений их:
 «Я умер, — что противиться судьбе! —
 И разорвал одежды на себе. —
Не важно, болен я или здоров, —
Теперь я — за пределом двух миров,
 И в саване богатом — проку нет,
 Когда моя утрата — целый свет!»
Как по Азре тоскующий Вамик,¹
Побрел он без дороги, напрямик,
 И путники могли его встречать
 В горах, песках и среди скал опять.
Все связи с миром напрочь оборвал,
В глуши бродя, жестоко тосковал,
 Он умерщвлял иссохнувшую плоть,
 И встречный бормотал: «Спаси, Господь!»
Как сумасшедший, был оборван он,
«Лейли!» — услышать можно было стон;
 Во прахе, с непокрытой головой,
 Скитался изможденный, чуть живой.
И доброе, и злое он встречал,
Но ни добра, ни зла не различал,
 И песни сердца пел на все лады
 В честь йеменской негаснущей звезды.
Он помнил каждый шаг ее и взор,
И все вплетал в напевы, как в узор,
 И падали жемчужины из глаз,
 И слушатели плакали не раз...
«Доколе сердце будешь ты пронзать?
Доколь очам в разлуке угасать?
 Забыла Ты и думать про меня,
 А я — в оковах с первого же дня!»

Читал и плакал горестно Меджнун,
Из сердца бил бушующий Джейхун,
 Но далеко Желанная была
 И слышать этих жалоб не могла...
Казалось, никого не видит он,
Не думает, что будет осужден,
 С листа земли стерев свою судьбу,
 Ни среди живущих не был, ни в гробу...
Он прахом был, что на камнях лежал,
И камень сердце бедное прижал,
 И превратилось тело просто в грязь,
 Между двумя камнями раздробясь.
Как лампа, где огонь фитиль пожрал,
Как голубь, что голубку потерял,
 Печать несчастий на сердце он нес,
 И пыль земную — со следами слез.
Холодный мир Меджнуна окружал,
Он от толпы однажды убежал
 И разрыдался горько в тишине:
 «Что делать мне? О, кто поможет мне?..
Я по земле бессмысленно брожу,
К родным — и то пути не нахожу,
 У дома своего — покоя нет,
 К порогу Милой — и дороги нет...
Я знатен, но никто меня не чтит,
Кувшин почета — вдребезги разбит,
 Изорван доброй славы барабан
 И бубенец помешанного дан...
Ту, для кого я — дичь и цель стрелы,
Чьи очи — море, а следы — малы,
 По ком душа тоскою изошла, —
 Прошу, чтоб эту душу — отняла!
То пьяницей с презрением зовут,
То глупым — с сожалением зовут;
 Дай розы мне, что у Тебя в руках,
 В пыли я весь и сам уже — как прах...
Я пьян, когда Ты пьяным назовешь,
Безумен, коль помешанным сочтешь,
 Но если я и пьян, и одержим,
 На что мне сердце! Что мне делать с ним!

Опутан я безжалостно судьбой,
Во всех скитаньях — мысленно с Тобой,
 Ты для меня — единственный рассвет,
 Дожить мечтаю — и надежды нет...
О, если бы обрушился обвал,
Чтоб я исчез — как будто не бывал!
 Одарила бы молния с небес,
 Чтоб я испепелился и исчез!
Никто, увы, не разведет огня,
Чтобы спалить и стоны, и меня!
 Пускай бы уж дракон меня пожрал,
 Чтоб я позором мир не осквернял!
Из-за того, что сын негодный я,
Слышу безумным, мучится семья, —
 Родство со мной — постыдно для родных,
 А дружба — для приятелей моих...
Кто пожелает кровь мою пролить,
Тому не станут за безумца мстить...
 Товарищи бывшие по пирам,
 Прощайте все! Желаю мира вам!
Не знающие, чем я удручен,
Уйдите, чтоб не слышать этот стон,
 Не отравляйте дней остатка мне,
 Оставьте нас с бедой наедине!
Со злобой не старайтесь изгонять, —
Я сам коня седлаю, чтоб бежать;
 От муки тяжелой с ног уже валюсь,
 О встрече с Милой горестно молюсь.
Кто лишь Тобою дышит и живет,
Тот за Тебя безропотно умрет!
 Хоть словом добрым душу приласкай —
 И вечно из оков не отпускай!
Я сам безумно превратился в прах,
Но для чего же быть Тебе в цепях, —
 Я про арканы кос твоих пою, —
 На шею ты набрось их на мою!
В глубинах сердца тайну я скрывал,
Но локон твой — завесы разорвал;
 Ты отнимаешь сердце не мечом,
 А мимолетно брошенным лучом!

Приди ко мне, рожденная блистать,
Чтоб мог я человеком снова стать, —
 Подай мне руку — к ужасу толпы,
 Или позволь хоть целовать стопы!
Сверши высокий подвиг доброты, —
Добро творить ужель устала Ты?
 «Будь милосерден, — говорит Аллах, —
 И встретишь милость на своих стезях!»
Кто не изведал тяжкого труда,
Тот не поймет усталых — никогда;
 Хозяин, что всегда бывает сыт,
 Гостям голодным мелко хлеб крошит...
Мы оба от Адама род ведем,
Но сходство обрывается на том:
 Я — просто щепка, что в пыли лежит,
 Ты — ценный, благороднейший самшит!
Души отрада, утешенье глаз,
Ведь Ты меня души лишила враз!
 В чем виновато сердце? В чем мой грех?
 В том, что люблю Тебя сильнее всех?
Хотя б одну из тысячи ночей,
Пускай безумно это — будь моей!!!
 Не отвергай того, чья смерть видна, —
 Пусть на меня обрушится вина!
Все, до гроша, я в кости проиграл,
Достоинство — до капли растерял,
 Но взор приди приветный даровать —
 И ни о чем не стану горевать!
Твой гнев пылает яростнее гроз —
Позволь его залить потоком слез!
 Он беспощадно мучает и жжет, —
 Когда ж минута милости придет!
Ты для меня — как юная Луна, —
Одной Тобой люблюсь я без сна,
 А без Тебя повсюду в мире — тьма,
 И властна Ты сводить меня с ума!
Мечтой своей — ни с кем не поделюсь, —
Я даже тени собственной боюсь,
 Как будто спутник у меня живой,
 И я к нему ревную образ твой!

Игра у нас — неравная была, —
И душу Ты, и сердце унесла,
Любовь к Тебе прославила меня —
И в горести оставила меня...
Не встретиться с Тобой наяву,
Но я надеждой этою живу,
До слуха не доносится привет,
Но я ловлю Звезды далекой свет!
Ребенку душевной ночью иногда
Приснится в золотом ковше вода,
Когда же дрему ветер унесет,
Малыш от жажды пальчики сосет...
В «Л» ноги подгибаются мои,
Боль изломала руки, словно «И»,²
Я так прославлен Именем твоим —
И так печально породнился с ним...
Любовь к Тебе — от сердца не отсечь,
Но тайну — свято следует беречь
В душе, что с молоком я получил,
Пока с душой Аллах не разлучил!!!»
Промолвил — и в беспамятстве упал.
Его, по счастью, путник подобрал,
Тому помог заботливо другой —
И проводили юношу домой.
Есть вождельне юношеских лет —
Подобен вспышке яркий этот свет,
Всегда врасплох он сердце застает,
Но увлечение — с юностью пройдет.
Любовь же — то, что в юные года
Захватывает раз — и навсегда,
Что человека за сердце берет
И даже после смерти — не умрет.
Меджнун, который подлинно любил
И верностью своей прославлен был,
Любви невзгоды терпеливо нес,
Как терпит грозы куст расцветших роз.
Давно опали внешние цветы,
Оставив каплю розовой воды,
И ароматом давних этих роз
Я услаждаю ныне реку слез...

37. Отец увозит Меджнуна к Каабе

Влюбленный, изумивший целый мир,
Считал Луной небесной свой кумир,
Судачили насмешливо о нем,
И был он все безумней с каждым днем.
Любовный свиток — цепи тяжелей, —
Попробуй от него не заболей!
Отворотился от Меджнуна рок —
И пособить отец ему не мог...
Всевышнего он горестно молил,
Чтоб эту ночь для сына день сменил,
Объездил он гробницы всех святых,
Но не дождался милости от них...
Родные горевали вместе с ним
И выхода искали вместе с ним,
И, видя, сколько горя он вкусил,
Любой об исцелении просил.
Моления их дружные слились
И все — на хаджже мнения сошлись:
Святыня поднебесная — одна,
И ответ несчастье — лишь она!
Решил отец послушаться родни
И с сыном — в хаджж уйти в святые дни.
Настала отправления пора —
И вот верблюды пригнаны с утра.
Он в паланкин любимца усадил
И грудь свою надеждой усладил,
И, обратись с мольбою к небесам,
Кольцо раба себе вдел в ухо сам.
Он сыпал тьму монет и жемчугов
Песком на обитателей песков,
Он ради сына столько раздарил,
Что землю в Каабе золотом покрыл.

Войдя в мечеть святую, наконец,
Взял сына нежно за руку отец,
 Под благостною Каабой задержал —
 И к сердцу непутевого прижал:
«Дитя мое, уважь мои труды,
Молись об избавленья от беды,
 С надеждой обними священный круг
 Чтоб вырваться из круга вечных мук!»
Взгляни, как ты извелся и иссох,
Проси скорее — и услышит Бог!
 Очнись — и припади к Его стопам,
 Уйти от горя Он поможет нам!
Скажи: «Аллах! Я изнемог от ран
И не могу развеять свой дурман, —
 Помилуй меня, спаси и сохрани,
 Утраченный рассудок мой верни!»
Я у любви неистовой в плену —
Освободи! Я сам ее клянусь!»
 И, слыша о любви своей слова,
 Вздыхнул Меджнун, поникла голова,
Заплакал — но внезапно просиял
И, как змея лежавшая, воспрял,
 К Священной Каабе обратил лицо
 И ухватился за ее кольцо:
«Услышь меня и чудо сотвори!
Я — как кольцо у Милой на двери,
 Любви отдам дыханье — до конца,
 Из уха — не сниму ее кольца!
Мне говорят: «С любовью разлучись!»
Твердят: «Благодаразумью научись!»
 Но от — любви я делаюсь сильнее, —
 Погаснет — сам угасну вместе с ней!
Одной любви я подати плачу,
Иной судьбы — вовеки не хочу,
 Пускай затопит море всяких бед
 Сердца, где у любви владений нет!
Пускай окончу годы — на цепи,
Но дух мой в этой страсти — укрепи,
 Пускай навек сойду в обитель сна,
 Но чтоб осталась властвовать Она!

Сурьма твоя несет отраду глаз —
Любовью любоваться каждый час,
 Я опьянен любовью с юных дней,
 Но сделай, чтобы стал еще пьяней!
Меня хотят от грезы отрезвить,
Заставить лик Возлюбленной забыть,
 Но мне он всякой радости родней, —
 Так научи мечтать еще сильнее!
И сколько лет еще мне суждено —
Пусть Ненаглядной будет отдано!
 Хоть сам как волос от тоски я стал,
 Не дай, чтоб волосок с Нее упал!
Позволь пронзенным ухом Ей внимать, —
Железного кольца — не вынимать!
 Не будет чаши без ее вина!
 Не разлучатся наши имена!
Не страшно мне кончины забытье, —
Позволь стать жертвой прелести ее!
 Пускай Она хоть кровь мою прольет —
 Душа ни в чем Ее не упрекнет!
Свечой сгораю от тоски по Ней,
Да будет пламень — до скончания дней, —
 Тысячекратно пусть из года в год
 Любовь к Лейли в душе моей растет!!!»
Отец его молению внимал
И все его стремленья понимал,
 И вынужден был ясно заключить,
 Что сына — никогда не излечить..
Меджнуна он уже не укорял
За то, что сердце отрок потерял;
 Совсем убитый, воротился в дом
 И разомкнул уста свои с трудом:
«Безумен сын мой, близких он забыл...
Кольцо Священной Каабы охватил,
 И от его молитвы небесам
 Я волновался, словно пил Замзам!
Нет, не просил он Каабу: «Исцели
Меня от всякой мысли о Лейли!»
 Прокляв себя, неистово пылал,
 А ей в молитвах радости желал...»

38. Отец Меджнуна узнает о замысле племени Лейли

Летали безрассудные слова
И разносилась по свету молва, —
 Досужий люд о юноше болтал,
 Что от любви рассудок потерял,
А слух любой, который чем-то нов, —
Находка для досужих брехунов,
 Которые злословием Лейли
 Однажды до рыданий довели.
И начал говорить вождю народ:
«Опять бродяга глупости поет, —
 Не знаем кто и где его вскормил,
 Но край он наш беспутством осквернил.
Является оборванным, как шут, —
То пляшет, то целует землю тут,
 То стонами тревожит целый стан,
 Как будто здесь — базарный балаган!
Что новый день — то новая газель,
И голос-то неслышанный досель,
 Зевакам он без усталости поет,
 Да нам-то всем — покою не дает!
Газелей этих редкостный узор
Для них — забава, а для нас — позор,
 Лейли от пенья этого — в жару, —
 Смотри, — сгорит, как свечка на ветру!»
Начальник стражи это услышал
И, выхватив отточенный кинжал,
 Прогрохотал, подобно палачу:
 «Ну, я ж ему, мерзавцу, отплачу!»
Дошла до амиритов эта весть, —
Вождю ее торопят донести:
 «Узнай, что надвигается беда!
 Предупрежденный — действует всегда!

Свирип начальник стражи и жесток,
Как пламя жгуч и быстр, как поток,
 Во гневе — никого не пощадит,
 А Кейс не знает, что ему грозит.
Давай ему скорее сообщим,
Что распахнулась пропасть перед ним, —
 Кто не знаком с тревожною молвой,
 Тот все поймет, простившись с головой!»
Сообразил встревоженный отец,
Что не один тут надобен гонец, —
 И всех друзей поспешно разослал,
 Чтоб кто-нибудь Меджнуна отыскал.
Отправились, как ветер, в тот же час, —
Всех торопил услышанный наказ:
 Хоть лаской, хоть обманом, хоть силком
 Доставить бедолагу в отчий дом!
Искали безуспешно много дней,
Но вот уж ночи стали холодней.
 «Похоже, смертный час его настал
 Или голодный хищник разорвал...»
Грустило племя, плакала семья...
А раб любви скитался без жилья, —
 Ни на кого охотиться не мог,
 Питаясь пылью горестных дорог...
Лев мягче, чем лиса, когда он сыт,
На зайца сытый сокол не глядит,
 Голодному и черный хлеб — хорош,
 А сытому — сластей не подберешь.
Когда промнешься — ведомо давно, —
То станет мягким грубое пшено;
 Халву по светлым праздникам едят,
 А для больных холерой — это яд.
Меджнун питья целебного — лишен,
Все, что съедал, считал отравой он,
 От горя — почернел и исхудал
 И ниоткуда радости не ждал.
Не просто опечаленным он был, —
Нет, — он о жизни полностью забыл.
 К Сокровищу стремился своему —
 И погрузился целый мир во тьму...

Скитался он, не видя ничего,
Но как-то раз заметили его —
 Лежащего оборванным, в пыли,
 И, увидав, поближе подошли.
Он был один, как холст его стихов,
Где всю тоску вместило мало слов,
 Пускай повсюду голос их гремел,
 Товарищей скиталец — не имел.
Его небесным луком назови:
Хоть согнут горем — как стрела в любви!
 Одни стенанья — спутники его,
 И, кроме тени, рядом — никого.
По виду — благородный господин,
В глухом углу, растерзанный, один, —
 Узнать пытались, что случилось с ним,
 Но он остался нем и недвижим.
Поняв, что он не станет отвечать,
Оставили лежащего молчать,
 Но, проезжая стан его отца,
 Поведали, где видели певца.
Мол, на камнях — раздавленной змеей —
Простерся, изможденный и больной,
 В рубцах и струпьях, — словом, еле жив.
 И от людей скрывается, как див.
О горе сына слышать тяжело.
Вскочил отец несчастнейший в седло, —
 Метался дивом среди песков и скал
 И дивом одержимого искал,
И после долгих поисков — нашел.
Лежал Меджнун на камне, полугол,
 Газель дрожащим голосом читал,
 И, чтение кончив, снова зарыдал.
Понятно было, что из этих глаз
Текли не слезы — сердца кровь лилась,
 И никого не видел в мире он,
 Вином самозабвенья опьянен...
Отец Меджнуна ласково позвал —
И сын, как тень, к ногам его припал:
 «Венец главы! Престол моей души!
 Ругай, но с приговором — не спеши!

Прости — и не расспрашивай меня, —
Не суждено мне радостного дня,
 По воле Провиденья я зачах,
 Но больно видеть боль в твоих очах!
Я дочерна сгораю со стыда,
Не вымолю прощенья — никогда,
 Беспомощный, лежу перед тобой,
 Но ведь никто не властен над судьбой!..»

39. Отцовские наставления

Внимая опечаленно ему,
Родитель бросил на землю чалму,
 Подстреленною птицей зарыдал
 И день его — чернее ночи стал.
«Я вижу, как измучен ты, сынок,
Злосчастный мой измятый лепесток!
 И сколько же ты, бедный, претерпел,
 И сколько сделать глупостей успел!
Чей глаз худой наслал твою беду?
Какой нечистый проклял на роду?
 За чью ты кровь такую терпишь мечь?
 За что в пути шипов тебе не счастье?
За что тебе впилась колючка в глаз?
Ведь жизнь и так уходит каждый час!
 На свете много пленников мечты,
 Но ни один не мучился, как ты!
Ведь каждый враг бросал тебе упрек, —
Ужели ты от них не изнемог?
 Смотри, — друзья хотят тебе добра, —
 Приди в себя! Давно уже пора!
К чему жестоких горестей венец, —
Опомнись! Положи ты им конец!
 Скалу величья сам ты сокрушил
 И слез моих источник — иссушил!
По пустякам ты вспыльчив иногда,
А для мужчин несдержанность — беда.
 Каким бы ты алмазом ни сверкал,
 Друг прямодушный — лучше всех зеркал!
А зеркало — лишь правду говорит
И что покажет — тем не укорит,
 Оно свободно от добра и зла, —
 Таким его земля произвела.

Садись, сынок, и хватит горевать,
К чему железо стылое ковать!
 Я вижу сам, как тяжело ты грустишь,
 Но почему же нас не наведишь?
Коня бездумно гонит сумасброд,
Но сам от суматохи устает.
 Не весь же век в несбыточном витать!
 К чему мечтать, раз не о чем мечтать!
От нас ушел ты, бросив урожай,
Но хоть мое сиротство уважай!
 Нам честь семьи чеканить довелось, —
 Так поскорей чекан фальшивый брось!
Когда свой руд берешь, не забудь,
Что бьешь не струны, а отцову грудь,
 А, раздирая рубище с тоски,
 Ты рвешь отцово сердце на куски.
Своим огнем любовь тебя сожгла,
И у меня — всю душу отняла,
 Но поищи какой-нибудь исход, —
 Глядишь, зерно надежды прорастет!
Порою то, на что надежды нет,
Вдруг посулит негаданный просвет,
 И, как бы ни казалась ночь черна,
 Когда-нибудь окончится она!
Поближе к процветающим держись
И от невзгод привычных — откажись,
 Благополучно жизнь устроишь ты —
 Тогда скорей исполнятся мечты!
Ведь как бы ни казались ковы злы,
Распутывает счастье все узлы,
 И кто его на помощь призывал,
 Все развязал и все завоевал.
К чему метаться, словно на цепи, —
Вернется счастье, — только потерпи,
 А бесноваться, чтобы враг был рад,
 И скорби предаваться — это яд!
Из капелек — моря без берегов,
Из крошек — горы выше облаков,
 Будь выдержан на избранном пути:
 Поспешно шаря, клада не найти.

Шаги свои обдумывай, сынок, —
Муж безрассудный — что червяк без ног,
 Лиса ж — кусок и у волков берет,
 Когда смекалки им недостает!

Всю душу отдавать — расчета нет
Тем, кто забыл тебя на много лет;
 Осталось сердце каменным у ней,
 Но как твое спасти из-под камней!

Твердит о ней навязчиво любой,
Желая посмеяться над тобой.
 Довольно был ты согнут, — распрямись
 И делом хоть каким-нибудь займись!

Не убивайся так из-за нее,
Вернись домой, сокровище мое!
 Ты бесконечно бедствуешь в горах,
 И плачу я, поверженный во прах.

Тернист и каменист опасный путь,
И злобный враг — в засаде, — не забудь!
 Позора цепи — тягостно таскать
 И гибели — не следует искать!

Неведение младенческое — зло,
Тебя под меч коварство завело;
 Пируй с друзьями, — скройся от тоски,
 А у врагов — пусть вылезут кишки!»

40. Ответ Меджнуна отцу

В ответ на сахар, что отец изрек,
Отверз Меджнун уста — и мед потек:
«Ты благороден, как небесный свод,
Высок прекрасных помыслов полет,
Твой лик арабам мускус подарил,
А я — твое кочевье разорил...
Но знай, что неизменно по утрам
Творю намаз лицом к твоим шатрам,
Живи и здравствуй долгие века,
А без тебя — пусть высохнет река!
Твоих советов благостный поток —
Бальзам на мой мучительный ожог.
И сам стыжусь, но что поделать мне,
Не по своей же я упал вине!

Не мной дорога выбрана моя, —
Не властен над собою больше я, —
В цепях железных я уже давно, —
Не сбросить их, раз это суждено.

Не говори как с маленьким со мной, —
Один ли я несчастлив под Луной!
По воле Божьей наступает тьма,
Да и Луна восходит — не сама...
Ты предлагаешь сердце не терзать
Думать о другом — легко сказать!
От молнии, которой я пронзен,
Уже сгорели тысячи гумен...
Все в мире, от слона до муравья,
Судьбе подвластны так же, как и я,
Вершись дела по прихоти людской —
Не знал бы мир печали — никакой!

Сжимается от жалости утес
При виде сердца, сжатого до слез.

Беда меня безжалостно гнетет,
Перста судьбы — никто не отведет.
Когда бы можно было мне помочь,
Давно бы солнце разогнало ночь,
Но раз не властен над судьбою я,
Пирь и пляски — доля не моя.
Коришь меня, зачем я не смеюсь
И понапрасну горю предаюсь, —
Со счастьем разминулись мы во мгле,
Да вряд ли кто и счастлив на земле.
Когда меня заставишь хохотать,
Боюсь, придется пламя изрыгать,
И след улыбки должен я стереть,
Чтоб от ее сиянья — не сгореть!»

41. Рассказ Меджнуна о муравье и куропатке

Схватила куропатка муравья,
И понял он: «Настала смерть моя!»
Но умирать от ужаса не стал —
Захохотал, как будто заклохтал,
И говорит: «А ты сумеешь так?»
Неумный враг от хохота размяк:
«Сомнения бессмысленны твои, —
Мы квохчем, а никак не муравьи!»
Но только он, разиня, клюв открыл,
Добычу в тот же миг — освободил!
Вот так, когда бессмысленно заржешь,
Почтения людей — не сбережешь!
Смеяться не ко времени — беда, —
Ста плачей это стоит иногда.
Раз я для муки родился на свет,
Искать покоя — смысла даже нет!
Осел, что обречен тюки таскать,
Житья не должен праздного искать, —
Покой он свой не раньше обретет,
Чем бездыханным на землю падет.
Сердца людей — вместилище любви, —
Мечом ее грозящим — не зови,
Кто сердце захотел завоевать,
Тот не боится душу потерять!
Клинок любви влюбленных не страшит, —
Всегда он их щадит и не крушит,
А кто боится этого меча,
Да будет предан в руки палача!
Луну от туч не мог я уберечь, —
Кончины сам ищу, но где же меч?
Кто жизни в жертву Милой не несет,
Того Аллах веками не спасет!

Душа моя терзается в огне,
Но даже эта казнь отрадна мне,
 Одна душа осталась у меня, —
 Оставь ее в объятиях огня!»
Настал речам влюбленного конец —
И горько зарыдал его отец,
 Руками скорбно голову зажал,
 И безучастно сын пред ним лежал...
Забрал он горемычного домой,
Но показался дом ему тюрьмой, —
 Своих газелей больше он не пел
 И ласки ближних — всячески терпел,
Однако так от горя изнывал,
Что слезы состраданья вызывал,
 И вскорости, завесу разорвав,
 В пустыню скрылся ото всех забав.
В жару и стужу горестно сгорал, —
Не жил, а ежечасно умирал,
 О Милой грезил, не смыкая вежд,
 И устремлял порой стопы на Неджд.
Всегда скитался бледный и больной,
Туда же шел, как будто лев хмельной,
 Хоть наливались ноги чугуном
 И каменели руки с каждым днем.
Придя, из сердца вопли исторгал,
Газели сладкозвучные слагал,
 Желанный край печально озирал
 И слушателей — толпы собирал.
Стихов потоки били в берега,
И были строки — словно жемчуга, —
 Во все пределы дар его летел,
 И мир влюбленных тайно богател.

42. О состоянии Лейли

Заглавье, предварившее листы,
Властительница в мире красоты,
 Семи небес сияющий чертог,
 Семи халифов сказочный цветок,
Затмившая красою лунный лик,
Разбившая сердца — в единый миг,
 Надежды подарившая и сны,
 Наследница и Солнца, и Луны,
Влекущая и взоры, и сердца,
Цветенье сада и свеча дворца,
 Подруга грез, соперница весны,
 Хранитель и даритель всей казны,
Средь облаченных в тонкие шелка —
Сладчайшая, чья поступь так легка,
 Для тысяч мудрых — притяжение дум
 И цепь — для тысяч потерявших ум, —
Лейли, что воплощала светлый рай
И властно чаровала целый край,
 Как роза, увлажненная росой,
 Бутон весенний распахнула свой.
Стал статный кипарис еще стройней,
Созревший финик стал еще нежней, —
 Для услажденья глаз она цвела
 И взглядом томным — беззащитных жгла
Блестящий взор, что сладостно манил,
Сто государств обширных полонил,
 И от набега глаз, хоть был, не слаб,
 Спаستись не мог ни тюрок, ни араб.
Дичь, без различья рода и кровей,
Добычей делал лук ее бровей,

Глаза джейрана с мускусным зрачком
Джейрана в глаз разили прямиком.
Кто смел хоть раз в лицо ее взглянуть,
Уже не в силах шага был шагнуть,
Арканы кос — не раз, да и не два,
Захлестывали властно шею льва.
Лицо — как роза, губы — чистый мед,
Чья сладость все на свете превзойдет, —
Кто б не хотел, забыв про зов забав,
Отведать меда, к розе той припав!
Любой поцеловать ее мечтал,
Но «Бог подаст!» в глазах ее читал,
Арканам кос противиться невмочь,
Но приговор ресниц был только «Прочь!»
С ней было свет Луны сравнить нельзя,
Могла бы розе дать вперед ферзя,
Как кипарис был строен тонкий стан,
А личико — как на ветвях фазан!
Над сахаром смеялась сладость губ,
Стыдился леденец попасть на зуб,
Рубинами уста ее цвели, —
О сладких поцелуях речь вели.
Несчетному количеству сердец
Пришел в прелестных ямочках конец, —
И, как веревки — для спасенья их —
Спускались косы нитей смоляных.
Пленительно краса ее цвела,
Но в горести душа ее была:
Под стражей — прямо шага не шагни —
Текли ее безрадостные дни.
На крышу подымалась она,
С которой даль пустынь была видна,
И, словно саз, умолкнувший без струн,
Ждала, когда ж появится Меджнун,
Чтоб краем глаза на него взглянуть,
О тайне сердца милому шепнуть,
В глаза его с любовью поглядеть
И хоть мгновенье — рядом посидеть
И мысль о нем, и память дорога,
Но, опасаясь зоркого врага,

С отравленной улыбкою жила —
И плакала, когда спускалась мгла.
Горючие потоки розы жгли —
Ланиты стосковавшейся Лейли,
Разлуки пламень жизнь ее снедал,
Но слез — ни друг, ни недруг не видал.
Смертельно и мучительно больна,
У рта держала зеркало она,
Общались — с отражением одним,
И пар от губ был еле уловим.
Томительно за днем тянулся день,
Наперсницей была — одна лишь тень,
Шепталась — только с ней Лейли могла,
И тень ее — до свету не спала.
Между огнем любви и морем слез
Влачить печально молодость пришлось,
Но ты бы сам восторженно гадал
Не пери ль это, если б увидал!
Колчаны государей полны стрел,
А прялка — женский исстари удел,
Но нет в руках Лейли веретена, —
Она стрелою вооружена, —
Веретено кружится и жужжит,
Стрела же — мчится и сердца разит.
И все ж Лейли, светлицу затворя,
Лила из глаз жемчужные моря,
На горе горько сетуя свое,
Что грызло так безжалостно ее.

Всечасно сторонясь окрестных дев
И кольца золотые в ушки вдев,
К дверям кольцо приставила она
Но поступь друга — не была слышна.
Из родника Луны, лоя хоть луч, —
Глядела в даль, как придорожный ключ, —
Не принесут ли путники привет
Иль весть о том, кого дороже нет.
От Неджда нежно веял ветерок,
Но только верность подтвердить он мог,
Порою тучка по небу плыла
Но только слезы выронить могла..

Лишь покидала девушка постель,
Ее встречала новая газель, —
 Стихи Меджнуна слышала она
 Из уст мальчишек, сидя у окна.
Звучали строки стройные стихов
В речах и горожан, и пастухов, —
 Народ весь день под окнами сновал
 И в бейтах ей привет передавал.
Лейли могла не только мир пленять,
Но и сама умела сочинять, —
 Жемчужина, не знавшая сверла,
 Жемчужины нанизывать могла.
На бейты краше жемчуга у ней
Бывал готов ответ еще нежней, —
 Огню, что разлученного сжигал,
 Ручей прохладный стихнуть помогал.
Струились тайно строки по листку,
Затем листок вверялся ветерку, —
 Приветы кипарису слал жасмин,
 И не был в пыль затоптан — ни один!
Кто б на дороге их ни находил,
На память с упоением твердил, —
 И каждый бейт посланий достигал
 Того, кто строки звучные слагал.
Он сочинял немедленно ответ,
Ответ бывал подхвачен и распет,
 А уж певцов на улицах — не счесть,
 И достигала Милой эта весть.
Напевы опьяненных соловьев
Неслись до отдаленнейших краев, —
 И разрушались крепости преград,
 И струны душ настраивались в лад.
Печальный чанг и праздничный рубаб
Так пели, как одна любовь могла б,
 Не успевали слова произнести —
 Оно звучало песней там и здесь.
Согласной песне любящих сердец
Любой ребенок вторил, как певец,
 Но, распахнув врата брехни, враги
 Чесали про обоих языки.

Немало из-за сплетен горьких слез
У разлученных за год пролилось,
 Но был он полон светлого мечтой —
 И чаровали песни красотой!

43. Лейли выходит в сад

Шатер свой Роза в степь перенесла,
И тотчас степь улыбкой расцвела, —
 Зардели всюду яркие цветы
 Ланитами счастливой красоты.
Весна свой стяг над миром подняла,
Когда тюльпаны с розами зажгла,
 И над цветами поля и садов
 Запели всюду сотни соловьев.
Жемчужною росой напоена,
Степь стала изумрудно-зелена,
 На киноварь тюльпанных лепестков
 Упала тушь тычиночных ростков.
Все тело почка напрягла свое
И вытолкнула шипа острие,
 А роза ткала шелковую ткань
 Рабыней, вставшей в утреннюю рань.
И гиацинт пред ней благоухал,
И куст расцветший — розы предлагал,
 И лилия, лишь солнце заблестит,
 К воде без боя опускала щит.
Копну кудрей самшит пред ней взбивал,
Гранат — послаще зерна наливал,
 А нежноокий пламенный нарцисс
 Касался кос, соскальзывавших вниз.
Багряник весь осыпан цветом был,
Как будто выступала кровь из жил,
 Жасмин светился каждым лепестком,
 Кропя траву серебристым ручейком.
Лобзанья роза нежная ждала,
Но равных обнаружить — не могла,
 И вскинул ирис не язык, а меч,
 Чтобы ее внимание привлечь.

Так радовала мир ее краса,
Что не смолкали птичьи голоса,
 И, если пожелать она могла б,
 Турач — из сердца сделал бы кебаб!
Подругу каждый вяхирь воспевал
И оперенье пышно раздувал,
 И соловей, рассказом увлечен,
 Вздыхал о той, с которой разлучен.
Была благословенная пора, —
Лейли, как Солнце, вышла из шатра,
 И розы все бутоны распахнуть
 Спешили, чтоб на лик ее взглянуть.
Хотели все увидеть поскорей
Закрученные кончики кудрей,
 Не видя, что на мраморе ланит
 Роса с фиалок горестно блеснит.
Подругами веселыми она
Как цепью жемчугов окружена —
 Тюрчанками арабы звали их
 За стройный стан и пламя глаз больших.
С жемчужинами этими Лейли
(Да будет глаз дурной от ней вдали!)
 В сады, где роза каждая цвела,
 Пленительною гурией плыла
Фиалкам показать извив кудрей,
Румянцем розу наделить скорей,
 С тюльпаном пышным чашу осушить,
 С нарциссом нежным горе приглушить,
Жасмин своею прелестью затмить,
Все кипарисы статью изумить,
 Взглянуть на пробудившийся бутон,
 Цветов восторг принять со всех сторон,
К роскошной пальме тень свою привить,
Своей красою розы удивить, —
 Все это сделать гурия могла,
 Но ни малейшей дани — не ждала
Она хотела где-нибудь в тиши
Излить неслышно горести души,
 Хмельному от восторга соловью
 Поведать муку тайную свою,

Почувствовать хоть легкий ветерок
С приветом от того, кто так далек,
 Любимый образ издали призвать,
 Чтоб перестало сердце тосковать...
Стояли пальмы там — заслон от бурь,
Прекрасней, чем китайская глазурь, —
 Одна очаровательней другой,
 Как будто сад Ирема — рай земной.
Такой красою этот сад блистал,
Какой никто в пустыне не видал,
 И вот невесты во главе с Лейли
 Туда гурьбой веселою пришли.
Царица роз на травы возлегла, —
Подобна розе тень ее была,
 Куда б ни лился пери аромат,
 Дыханье роз он затмевал стократ.
Рассыпался по роще шумный круг
Тюльпаноликих радостных подруг,
 И где ступали туфельки Лейли,
 Цветы вставали — как из под земли!
Во всех забавах первую была,
Но вот она в сторонку отошла
 И села на траву под кипарис,
 Как золотой фазан, слетевший вниз.
К траве букет был розовый склонен,
Из сердца рвался приглушенный стон, —
 Тоскуя, как весною соловей,
 Шептала роза о любви своей:
«Мой ненаглядный, искренний, родной,
Подобный мне, достойный быть со мной!
 Мой кипарис, пылающий огнем,
 Когда ж одним мы воздухом вздохнем!
О, если б мог ты в этот сад ступить
И пламень мой палящий остудить,
 Чтоб любовались, счастья не тая,
 Букетом — ты и кипарисом — я!
Твоя тоска, конечно же, слабей,
А мне затворы — тягостней цепей,
 И, если б ты призыв мой услышал,
 То непременно б весточку послал!»

Едва ее печальный голос стих,
С дороги долетел певучий стих, —
 Блеснул алмаз, невиданный досель,
 Прохожий пел Меджнунову газель:
«Отнявшая навеки мой покой,
Живу надеждой встретиться с тобой!
Меджнун слезой кровавой изошел,
Лейли ж — какую тешится игрой?
Меджнун до крови сердце изорвал —
Лейли на рану сыплет соль рукой,
Колючками Меджнун истерзан весь —
Лейли лелеют нега и покой!
Меджнун рыдает каждый день и час —
Лейли царит над праздничной толпой,
Меджнун злосчастный сгорбился от мук,
В каком саду Лейли цветет весной?
Меджнун лишений пояс затянул —
Чему Лейли смеется в час такой?
С тоски Меджнун рассудок потерял,
А сладко ль спит Лейли в тиши ночной?..»
В слезах газель дослушала Лейли,
И камень под ногой они прожгли,
 Но заперта жемчужина была —
 И ничего поделать не могла!
Какая-то из бывших там подруг
Заметила следы тоски и мук
 От горя, что возлюбленный — вдали,
 И рассказала матери Лейли.
Металась мать, как в клетке соловей,
Из-за печалей дочери своей,
 Беспомощно пыталась приласкать,
 Но не могла лекарства отыскать:
«Дашь волю — обезумеет, как тот,
В неволе же — зачахнет и умрет!»
Тоску несчастной понимала мать,
Но продолжала молча горевать.
Лейли же — клад за каменной стеной —
Томилась полоненною Луной, —
 Туман ее удушливый терзал
 И меч сокрытой горести пронзал.

Ни гасла от печали, ни жила, —
Всечасно стеснена душа была,
А, впрочем, и в любые времена
Душа влюбленных тайно стеснена...

44. Сватовство Ибн Салама к Лейли

Создатель списка радостей для нас
Таким тавром пометил свой рассказ:
Взошла в саду однажды та Луна,
Подобно полумесяцу, ясна,
Себя украсив розовым венком,
Затмив все розы, росшие кругом,
Цепями кольца локонов завив
И сад до края взором озарив.
Проезжий, обратив случайный взгляд,
Цветник заметил, украшавший сад,
И поспешил остановить коня,
Забыв и бросив все заботы дня.
Был путник и умен, и родовит,
И молод, и красив, и даровит,
И получил, служа мирским делам,
Прозвание «Сын Мира» — Ибн Салам
Опорой был он ближним и родным,
И многие искали дружбы с ним, —
Хорош собой, влиятелен, богат
И, надо вам сказать, что не женат.
Узрел светильник, рассекавший тьму,
И, словно ветер, кинулся к нему, —
Не ведал он, настигнутый камчой,
Что не поладит ветру со свечой!
Все дни пути до отчей стороны
Мечтал он об объятьях той Луны,
Не в силах в опьянении понять,
Того, что не дано Луну объять.
Он страстью неотступною пылал
И друга к пери истинной послал,
Чтоб тот помог посватать, убедить —
И в паланкин к себе пересадить.

Смиренно в пыль он голову склонял,
Как будто пыль, сокровища ронял, —
 Он предлагал несметные стада,
 Каких и не просили никогда!
Такие полномочья получив, —
Его посланец был красноречив, —
 Прозя руки, он руки целовал
 И все старанья делу отдавал.
Родители встревоженной Лейли
Весьма уместной речью его нашли,
 Но, чтоб на брак надежду сохранить,
 Просили свата чуть повременить:
«Помеха не особо велика, —
Невесте нездоровится слегка, —
 Распустится весенний этот сад,
 И будет род союзу с вами рад!
Желанье ваше — радостно для нас,
Свершенью же — Аллах укажет час,
 Быть может — скоро, — все в руке Его,
 Пока не скажем больше ничего.
Дождемся, чтобы роза расцвела,
Трава ж дурная — вырвана была, —
 Златой венец наденем, — сообщим, —
 И в золотом венце — тебе вручим!»
Пришлось поверить ласковым словам...
Став женихом, плывавший Ибн-Салам
 Пылинки нетерпенья отряхнул
 И терпеливо к дому повернул.

45. Меджнун встречается с Науфалом

В саду в смятенья спряталась Лейли, —
Искали, окликали — не нашли;
 Завесы все хотелось ей сорвать
 И страсти затаенной — не скрывать!
И так народ, охочий до забав,
Болтал, завесу чести разорвав,
 Трезвонил бубен, чанг о ней стонал,
 И каждый — имя девичье пятнал!
Любой певец газелей пел о ней —
И мог судачить каждый ротозей,
 Уста влюбленных славили ее,
 Но бубнов бой был пыткой для нее!
В неволе, утешенья лишена,
Без друга, без покоя и без сна,
 Металась, как волна ее кудрей,
 И плакала у запертых дверей.
Ну, а Меджнун был дик и нелюдим, —
Судьбой своей беспутною гоним,
 Без цели и пути скитался дни,
 И были с ним лишь хищники одни.
Влюбленный влекся к Неджду, горделив,
А не как Неджда дух — косматый див,
 Хоть каждый шаг сто стонов вызывал
 И каждый бейт — сто горестей скрывал.
Измученными пальцами в крови
Он бил в литавры пламенной любви,
 И каждый, чью он душу задевал,
 От горя все одежды разрывал.
Жил витязь благородный в том краю,
Прославленный в совете и в бою,

И был Науфал — так говорят о нем —
По доброте — газелью, в гневе — львом,
Мечом войска несметные смирял,
Могуществом — могучих покорял,
Имел мешки дирхемов и стада
И помогал обиженным всегда.
Однажды, пробираясь среди скал,
Удачи он охотничьей искал,
И вдруг увидел юношу в слезах,
Повергшегося горестно во прах.
Лежал он, изможден и одинок,
Сочилась кровь из ран избитых ног.
Едва ли был у плачущего друг, —
Лишь дикие животные вокруг.
Казался вид его необъясним.
«Кто он такой, и что случилось с ним?» —
Любимую ему не отдают, —
И, обезумев, он блуждает тут.
У пропасти скитаясь на краю,
У ветра ищет милую свою,
Приносит запах амбры ветерок, —
И он ему читает сотни строк!
Поэт свои газели день и ночь,
То появляясь, то скрываясь прочь,
И даже облакам от той страны
Сладчайшие стихи посвящены!
Приезжие приходят поглядеть,
Послушать, как злосчастный будет петь,
За песни — пропитанье подают,
А то — вина при случае нальют.
Печально выпивает он его
За Утешенье сердца своего,
И снова в песне слышится хвала, —
Вот весь его расчет и все дела.
Внезапное волнение затая,
Решил Науфал: «Попробую-ка я
С желаньем сердца воссоединить
Утратившего сердце! Счастьем — быть!»
Стремительно отбросив стремена,
На землю прыгнул он со скакуна,

Приветливо Меджнуна пригласил
И вместе сесть за скатерть попросил.
Беседой развлекал и так и сяк,
Покуда тот от ласки не размяк,
И, как бы невзначай, ему сказал,
Что он без стога крошки в рот не взял.
Хоть истощен до полусмерти был,
Без речи о Лейли — не ел, не пил,
Беседы нить, не слушая, терял, —
И Ненаглядной Имя повторял!
Услышанная дружеская речь
Сняла Меджнуну тяжкий камень с плеч, —
Он от беседы с равным посветлел
И первый раз безропотно поел.
Достоиную сотрапезнику рад,
Касыды стал читать ему подряд,
И на слова с заботою о нем
Ответствовал блистательным огнем.
А тот разумной речью в меру сил
Разбитый дом в порядок приводил:
«Далек светильник и любимый край,
Но свечкой слабой ты не умирай, —
Не златом, так мечом заставлю их,
Чтоб стала чашей для весов твоих,
Взлети она хоть птицей в облака —
Прервет ее полет моя рука!
Упрячется, как искорка, в кремне —
Побыть огонь нетрудно сталью мне,
И лишь тогда аркан укорочу,
Когда тебе Луну твою вручу!»
Надеясь — и надеяться боясь,
Меджнун сказал, почтительно склонясь:
«Слова твои — услада для души,
Но опасаясь я невольной лжи.
Ведь дочку — это главная беда —
Мать не отдаст безумцу никогда:
Нельзя самому розу отдавать,
Нельзя Луну за дурня выдавать!
Решится ли приблизиться Она?
Помешанный — и юная Луна!

Безумным стал я от любви своей,
И с каждым днем безумствую сильней!
Стирать пытались рубище мое,
Но что за исцеленье — без Нее!
Монет отец, бросая, не считал,
Но чище черный коврик мой — не стал!
Пускай ты в силах чудо сотворить,
Моей Любимой силой не добыть,
Боюсь, что, помогая к Ней дойти,
Покинешь ты меня на полпути.
Лишь приготовлюсь дичью завладеть,
Как ты уже успеешь охладеть...
Да будут клятвы, данные тобой,
Надежнее, чем барабанный бой!
Коль воплотятся замыслы в делах,
Пускай за все воздаст тебе Аллах,
Но если это — лишь мираж и дым —
Оставь меня с безумием моим!»
Так сетовал Меджнун и так молил,
Что этот пыл Науфала опалил, —
Томленья срок решил он сократить
И другу — жизнь и радость возвратить.
Могущество Создателя призвав,
И мощную поддержку обещав,
Путем Пророка он поклялся тут,
Которым все разумные идут:
«Стараньем, достоянием и мечом,
Не волком, а ощерившимся львом
Не сяду есть, не лягу, не усну,
Пока не раздобуду ту Луну!
За старое безумство не берись,
На несколько деньков приободришь, —
Ты должен от пожара отдохнуть,
А я — ворота башни распахнуть!»
Напиток утешенья увидав,
Смекнул Меджнун, что собеседник прав,
И надо пить, чтоб разум обрести
И душу — от погибели спасти.
Неистовство свое остановил
И верность уговору проявил,

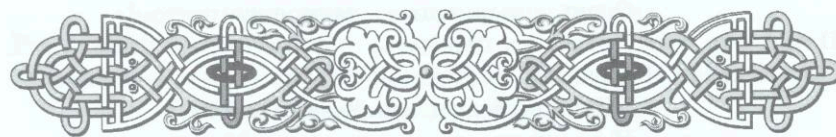
Стопы свои терпением связал
И пламени — утихнуть приказал.
В становище Науфала, стан разбив,
Омывшись, одеяние сменив,
Чалмою повязал свою главу
И сел вкушать и вина, и халву.
Газели пел — одну другой нежней —
О прелести Возлюбленной своей,
И щедро, словно облаком, Науфал
Меджнуна жемчугами осыпал.
Найдя покой, одежду и еду,
Меджнун прекрасен стал в земном саду, —
Порозовел, исчезла желтизна,
И вновь прямою сделалась спина.
Восстановилась лика полнота,
Кудрями лик обвила чернота, —
Той розе, что дарила аромат,
Похищенное ветер нес назад!
Сменило утро долгой ночи тьму,
И улыбнулось солнышко ему,
Пустыня, как безумца, не влекла
И привязь — не нужна ему была!
Степенностью, обдуманностью слов
Мудрейшим стал в собрании умов,
И воин благородный с каждым днем
Все радостней заботился о нем.
Всемерной лаской окружил его,
Не пил, не слушал руда без него, —
Две или три недели протекли,
И все — друзья в весельи провели.

46. Сетованья Меджнуна

Но как-то раз посетовал Меджнун
За полной чашей, под журчанье струн
 На то, что пир шуметь не устает,
 Вино течет, а время-то — идет!
«Тебе мои стенанья — дым пустой, —
По ветру лжи ты прах развеял мой, —
 Каких ты только благ не насылил,
 Но пол-посула не осуществил!
Мне был обещан сладостный шербет,
Но сохнут губы — а напитка нет!
 Узнав печали сердца моего,
 Покинул ты в томлении его!
Надежды звук лился из уст твоих,
Зачем же ты сомкнул сегодня их?
 Я слушал, не давая течь слезам,
 Но где, скажи, обещанный бальзам?
Терпенья — нет, ума исчезла кладь, —
С собою мне уже не совладать, —
 Пообещать мне сердце возратить —
 И тут же обещанье позабыть!
Неблагородно это — так и знай!
По-дружески со мною поступай!
 Пустой посул, подобный бубенцу,
 Такому человеку — не к лицу!
В песках я одинок и недвижим,
Живой воды ручей — недостижим,
 Пришельца напоить — закон велит
 И погорельцам пособить велит.
Лейли не сможешь цепь мою связать —
Рассудок потеряю я опять!
 Сам вызвался Любовь мою добыть —
 Так исполняй, иначе мне — не жить!»

47. Битва Науфала с племенем Лейли

Услышав душу рвущие слова,
Науфал взметнулся яростнее льва,
 Надел кольчугу и собрался в путь, —
 Лишь обнаженный меч успел блеснуть.
Вослед за ним сто избранных мужей
Взлетели, словно птицы, на коней,
 И он помчался, чтобы цель настичь,
 Как будто лев, преследующий дичь.
Доехав до становища того,
Гонца вперед отправил своего:
 «Я здесь, и войско я привел с собой, —
 Мы все упорны и готовы в бой!
Доставьте мне красавицу Лейли,
Не то я вас мечом смету с земли!
 Ее же я, не причиняя зла,
 Свезу к тому, кому она мила,
Кто лишь одной мечтой об этом жил
И кто награду эту заслужил, —
 Пусть он от жажды воду обретет
 И будет напоившему — почет!»
Его слова посланец повторил —
И зеркало согласия разбил,
 Была ответом отповедь ему:
 «Не вышлем никого и ни к кому!
И думать вы об этом не должны:
Лейли вам не лепешка — круг Луны!
 Светило превосходно видит глаз,
 Да только руки коротки у вас!
Попробуй Солнце увести, как вор!
Ты — грязный пес, она же — метеор!»

Взмахнешь мечом — мы тысячей взмахнем,
Огонь швырнешь — закроемся щитом!»
Пришлось гонцу ответ их передать,
Но приказал Науфал ему опять:
«Пешком назад немедленно вернись
И заяви им, да смотри, не мнись:
Под меч не попадавшиеся мне,
Не знавшие о грозном скакуне,
Того, кто станет на моем пути, —
Как ураган, способен я смести!»
И вот повторно вестник лютых гроз
Посланье недостойное понес.
Настолько гневу предался Науфал,
Что пламенем свирепым полыхал!
Он с воинами вместе, озверев,
С мечом на племя кинулся, как лев,
Сердца бойцов пылали, как костры,
И с грохотом столкнулись две горы!
Бесстрашно соплеменники Лейли
Разили львов, которые пришли,
До неба клич воинственный взлетал
И бой волну кровавую взметал.
Мечи вздымая грозною рукой,
Пьянили землю алою рекой;
Мелькающие копья удалцов
Пронзали грозно рыкающих львов.
Как ястребы, летели тучи стрел
Напиться крови из могучих тел,
Мечи на расстояньи двух шагов
К ногам носили головы врагов.
Неистовое ржанье лошадей
И небо оглушало, и людей,
И были палиц грозные зубцы
Остры, как лома тяжкого концы.
Сталь наскочила на гору камней —
И взмыли смерти молнии над ней,
А стяги с солнцем в десять язычков
Неслись, как утро, с десяти краев.
Драконов черных надвигался шквал,
Но белых дивов стан — стеной вставал,

И каждый насмерть бился, с кем пришлось,
Одно лишь сердце надвое рвалось:
Где всякий злобно шпорил и рубил,
Меджнун — о примирении молил,
Где всякий всадник бил и убивал,
Меджнун о павших слезы проливал.
Кружил вокруг сражающихся он,
Твердил о мире каждой из сторон,
Но если стыд его бы не держал,
Свою бы рать мечом он поражал!
Когда б не осуждение людей,
Он против рати бился бы своей,
Когда бы вражий хохот не страшил,
Друзей бы он безудержно крошил!
Пустил бы (если б мог похитить их)
Все молнии в защитников своих,
Но не решался поразить того,
Кто сам на гибель мчался за него.
Молитвы взбудоражено твердил
О том, чтобы противник победил, —
И, хоть вперед коня гнедого гнал,
Мольбы — за ту лавину воссылал!
Кто голову снесет его бойцу,
Тому целует руку, как отцу,
Из племени Лейли бойца убьют —
Над ним глаза Меджнуна слезы льют!
Где шли вперед явившиеся с ним,
Все стрелы выпускал он по своим,
А брали верх сородичи Лейли —
Плясал, рыча восторженно, в пыли!
Окликнули его: «Послушай, друг!
Ты, словно небо, кружишься вокруг!
Пришли мы жизни за тебя отдать,
А ты — врагу стремишься помогать!»
Ответил он: «Возлюбленной родня
Не может быть враждебной для меня, —
Я понимаю ненависть к врагу,
Но друга ненавидеть — не могу!
Смердит невыносимо всякий бой,
А здесь — благоухающий покой!

Та сторона — за Милую стоит, —
Вот сердце к ней любви и не таит!
Погибнуть для Любимой — благодать,
Потребуется — я счастлив жизнь отдать,
И, если уж с душою расстаюсь,
То целый мир утратить — не боюсь!»
С мечом в руке, сраженьем оьянен,
Науфал крушил противника, как слон,
Стрелюю каждой — душу отнимал,
Ударом — целый мир уничтожал!
Куда б ни рвался — головы рубил,
Хлестала кровь, куда б ни доходил,
И, не щадя при встрече никого,
До ночи бились воины его.
«Когда же потемнел бескрайний свод,
Посыпав амбру на чело забот,
Смирила ярость бившихся Луна,
И поле битвы стало полем сна...
Но вот свернулась черная змея —
И вновь блеснули копий острия, —
Как будто змеерукий шах Заххак,
Врага копьём стал снова жалить враг!
Как лес бескрайний, к племени Лейли
Отряды подкреплений подошли, —
Куда б Науфал в тревоге ни смотрел
Летели отовсюду тучи стрел!
Поняв, что битву следует кончать
И в двери мира следует стучать,
Сородича к вождям направил он,
Чтоб мир был поскорее заключен:
«Я не хочу размахивать мечом,
В бою — не стовориться ни о чем!
Я с просьбой шел — и просьбу изложу
И что могу — в уплату предложу.
Мой друг с ума красавицей сведен, —
Отдайте пери, чтоб не умер он, —
А мы дадим, назад вложив клинки,
Любых сокровищ — целые тюки!
Когда свой лик Аллах не отвернет,
Согласье ваше будет, словно мед,

Но, если не хотите мед продать,
Не торопитесь уксус предлагать:
Соединенья любящие ждут,
А что мечи и копыя им дадут?»
Посланец предложенье излагал,
А каждый стан — войска отодвигал.
Разъединились грозные ряды,
Отворотились души от вражды,
Желанный мир две рати разделил
И злобу от обеих отдалил.

48. Меджнун упрекает Науфала

Один Меджнун, о мире услышав,
Набросился, огнем запыляв:

«Я вижу, друг мой планы изменил, —
Наверно, всех уже соединил!

Впустую разве станет он трещать!
Все выполнил, что смог наобещать!

Ужели это — удали предел!
Войска вести — досюда ли хотел?!

Неужто так слаба твоя рука?

Неужто цепь для дива — коротка?

Так скачет конь — хваленый великан?
И лишь до сих кидаешь ты аркан?

Кто прежде лишь привет мой отметал,
Врагом теперь из-за тебя мне стал!

У двери той молитву я творил,
А ты ее — навеки затворил!

Так знай, что больше я тебе не друг, —
Порвал ты тетиву, испортив лук,

Порой не в волка, что овец крадет, —
Во пса стрела пастушья попадет!

Всю дружбу рвет, кто эдак удружил!
Конь — короля на доску уложил!

Ты мудр, и слабых ты не обижал,
Но обещанья — все же не сдержал!»

Под натиском Меджнуна бросив щит,

Науфал ему на это говорит,

Стараясь, чтобы ласковая речь
Смогла от мыслей горестных отвлечь:

«Без подкреплений, при нехватке сил
Из хитрости я мира попросил,

Но ничего, — теперь я дома, друг,
И меч — еще не выпущен из рук!
Созвать хочу я воинство племен,
Чтоб был гранит мечом моим пронзен,

И с миром этот меч — не опущу,
Пока ослов я с крыши не спущу!»¹

И тотчас же отправил он гонцов

На поиск бесшабашных удалцов,

Стремленьем к мести тайно он сгорал
И отовсюду — войско собирал...

И вот оно раскинуло шатры

Без края, от горы и до горы,

И злобою охваченный Науфал
Меча из рук уже не выпускал.

49. Второй бой Науфала

Тот, кто казны хранилище открыл,
Так у горы сокровищ говорил:
 Когда Науфал повел на битву рать,
 Никто не мог бойцов пересчитать!

От шага — задрожала грудь земли
И с гор — камней потоки потекли.
 Услышав клич пришедших боевой,
 Противник тоже выстроился в бой.

Вождь племени с пригорка наблюдал
И нападения полчищ ожидал, —
 Он видел копий бесконечный лес
 И войско — до подножия небес.

От боя барабанов, воя труб
Застыло сердце, разболелся зуб;
 Ни в битву он не рвался в этот час,
 Ни отвести не мог от битвы глаз...

Уже нахлынул горести поток
И все пожитки счастья уволок,
 Уже кровавый закружился шквал
 И каждый меч — кого-то убивал.

Потоки крови впитывал песок,
Чтоб вырасти агат кровавый мог,
 Сердца устали печень разрывать,
 Мечи устали головы срубать.

Неистовый Науфал, возглавив бой,
Утесы сокрушал перед собой,
 Срывалась ругань у дракона с губ;
 Мгновение — удар, мгновенье — труп!

Кого бы он ударить ни решил,
Хоть ростом с гору — каждого крушил,
 В кого свое копьё ни направлял,
 Лишь прах от книги жизни оставлял!

Любой раздор всегда ослабит рать,
Согласье ж — помогает побеждать.
 Когда друзья в согласии живут,
 Они из камня выжмут целый пруд!

Жестокий бой так яростно пылал,
Что паланкин там катафалком стал,
 Сторонники Науфала в том бою
 Склонили рок на сторону свою.

Противник был раздавлен и разбит,
И даже если не был кто убит,
 То все равно израненный лежал
 И под палящим солнцем умирал.

Седые старцы племени Лейли,
Осыпав пеплом головы, пошли
 У ног Науфала пыль поцеловать,
 Чтоб согласился мир им даровать.

Рыдали и стонали: «Судия!
Пусть ярость успокоится твоя!
 Ты всех поверг, — окончи же войну, —
 Считай, что мы убиты и в плену!

Копьё и стрелы грозные оставь
И нас от истребления избавь!
 Мир от кончины заслони рукой, —
 Ведь предстоит конец ему другой!

Когда враги оружие сдают,
Поверженных во прах уже не бьют!
 Но если вновь наденем мы доспех,
 Тогда твой меч пускай карает всех!

Мы бросили щиты к твоим ногам
И молим даровать прощенье нам!

Доколь еще ты будешь бушевать
И против безоружных воевать!»
При виде слез, что каждый проливал,
Смягчился победитель и сказал:
«Невеста мне немедленно нужна, —
Тогда для вас окончится война!»
Отец Лейли пришел к нему в слезах
Склонился опечаленно во прах:
«Достойный и престола, и венца!
Услышь меня, злосчастного отца!
Я стар, изранен, горем удручен,
Я дни влачить в позоре обречен,
Я слышу, правоверные клянут,
Как будто всех презреннее я тут!
Судьбы проклятье вынести пришлось —
Увидеть, сколько крови пролилось,
И в камень превратиться я бы рад, —
Так мучит стыд, хоть я не виноват.
Подаришь дочь последнему рабу —
Ни в чем не укорю свою судьбу, —
Пред волей повелителя смирюсь,
И даже с благодарностью склонюсь;
Огонь ли ненасытный разведешь
И как алоэ дочь мою сожжешь,
В колодец кинешь, рассечешь мечом —
Как вечный раб, не упрекну ни в чем.
Но все-таки — дитя она мое!
Помешанному — как отдать ее!
Нужны не узы брака для него,
Узилице — и больше ничего!!!
Потемки в голове и ясный свет
Возможно ль сочетать? Конечно, нет!
Все уничтожит — только проворонь —
В дому лишенный разума огонь.

Бездельный процелыга, голытьба, —
Ужели с ним бродяжить ей судьба!
Ведь он привык болтаться и блуждать,
И должен я дитя ему отдать?!

Влачит с отребьем всяческим житье,
Стихами имя пачкая мое, —
Да лучше бы снести любой разор,
Чем этот незаслуженный позор!

На свете не осталось ветерка
Без глупых слов дурного языка, —
Так, не добившись дочери моей,
Заставил он весь мир болтать о ней.

Отдам — позор останется векам
На радость неумным языкам!
Уж лучше бы дракон меня пожрал,
Но чести проходимец — не марал!

Я под твоей стопою — прах и тлен,
Не унижай — и будь благословен!
Но если будешь требовать — клянусь,
Я от бесчестья в миг освобожусь! —

Луну я эту обезглавлю сам
И просто на дорогу кину псам,
Чтоб от позора убережь ее,
А землю — от войны из-за нее!

Пусть лучше псы дитя мое порвут,
Чем одержимый, что блуждает тут,
Мне это легче будет перенести:
Утратить дочь, но не утратить честь!

Укушенного псом легко спасти,
Успев бальзам на рану нанести,
Но если грязь молва о нас несет —
И тысяча бальзамов не спасет!»

Свой лист почтенный старец дочитал —
И возражать никто ему не стал,

И победитель с милостью в очах
Промолвил: «Встань, искуснейший в речах!
Хотя со мною — доблестная рать,
Я силой ничего не стану брать,
Обид я никому не наношу
И дочь твою — по-доброму прошу!
Кто принуждением женщину берет —
Прокисшую халву толкает в рот!
С молитвой доброй я пришел сюда,
А сколько людям причинил вреда!»
Друзья ж ему сказали напрямиком:
«Согласны мы во всем со стариком!
Тот, чей рассудок помрачила страсть,
Спокойствие ничье не должен красть!
Ты можешь сам о взбалмошном судить:
Куда ему семейство заводить!
Во все, что ты безвольному отдашь,
Внесет он лишь сунбур и ералаш!
Была в сраженьи честь нам дорога,
А он молился за успех врага,
Мы за него дрались — он это знал,
И все же нас со злобой проклинал!
Рассудка он лишен уже давно,
Рыдать, смеяться — все ему равно.
Союз их — если будет заключен —
Заранее на горе обречен!
Ей — маяться в тенетах из-за нас,
Тебе ж — упреки слушать каждый час.
Известность есть у нас и слава есть
А в это дело — вовсе бы не лезть!!!»
Науфал в раздумьи очи опустил —
И молча старца с миром отпустил,
Вздыхнул, увидев поредевший строй,
И сумрачно направился домой...

Душа Меджнуна в тучи облеклась,
Колючка в сердце вновь ему впиалась,
С рыданьем он к Науфалу подбежал
И, как вулкан, швырять упреки стал:
«Я думал, друг надежен, как копье,
Но где же обещание твое!
Сменять такой блистательный рассвет
На черный день, где ни просвета нет!
Я счастья ждал, как ждуг спасенья, друг,
Зачем же дичь ты выпустил из рук!
Я увидел струящийся Евфрат,
Едва хлебнул — и снова свергнут в ад!
При мне ты сахар из мешка достал,
Сварил шербет — но мне лишь горечь дал,
Ты с леденцами скатерть развернул,
Меня ж — как муху скверную смахнул!
Узлами так испорчена вся нить,
Что лучше бы совсем ее не вить, —
Мечом — людей безвинных не стращать,
И мне моей Мечты — не обещать!»
Сердечно опечаленный Науфал
Меджнуна безуспешно утешал:
«Не надо эту рану бередить,
И я смогу тебя вознаградить!
Мой друг достоин лучшей из невест,
Какая только сыщется окрест,
Взгляни без слез на Божью красоту —
И выбирай достойную чету,
Которая красива и добра,
Чей стан — как из литого серебра, —
И я устрою все твои дела,
Чтоб радость навсегда к тебе пришла!»

Ничьим словам рыдающий не внял,
Ничей совет оков его не снял, —

Ничто не привлекало больше взгляд,
И тек из глаз баюкающий яд.

С разбитым сердцем прочь он ускакал,
И, хоть Науфал потом его искал,

Посланцы не нашли уже следа,
И скрылся он в пустыне навсегда.

50. Меджнун освобождает газелей

Поведавший, как мучился Меджнун,
Такой напев исторг из звучных струн:

Когда ее надежды не сбылись,
Та птица от Науфала взмыла ввысь.

Быстрее птицы добрый конь скакал,
Которого Меджнун, как ветер гнал;

О лживости людей наездник пел,
О том, что от обмана претерпел.

Покинутым стоянкам каждый раз
Он повторял печальный свой рассказ,

От боли и рыданий изнемог,
И вдруг — заметил издали силок.

Газели бились, лежа на земле,
Их ноги были в каверзной петле,

И человек, на зверство скор и лих,
Готовился уже прирезать их.

Скакун летящий взвился и заржал —
И свой кинжал охотник придержал.

Сказал седок, на выручку спеша:
«Приветствую! Добыча хороша!

Достойный друг, сегодня гость я твой, —
Прошу тебя оставить дичь живой!

Достаточно в глаза им заглянуть,
Чтоб захотеть свободу им вернуть!

У каждого творенья есть душа,
А уж газель — на редкость хороша!

Так дружелюбно это существо,
Что в мире не обидит никого!
Как сердце соглашается твое
Ловить газель и убивать ее!
Для волка это хищного — успех,
А человеку — непростимый грех!
Ужель тебе краса их черных глаз
Любимой не напомнила хоть раз!
А я на эти мордочки взгляну —
Представлю сразу юную весну!
Во имя глаз Единственной своей
Прелестных этих пленниц пожалей!
Чтоб мир весенний краше мог цвести,
Красавиц развяжи и отпусти!
Не к месту ни веревка здесь, ни нож,
Помилуй — и красу земли умножь!
Чтоб вольные созданья убережь,
Не надо заносить над ними меч!
Неужто обведенные сурьмой
Глаза должны исчезнуть под землей?!
Неужто эта грудь из серебра
Зажарится на пламени костра?!
Как можно эту спинку разрезать
Или пупок их мускусный терзать!
А ножки, что стройнее тростника,
Ужель обрубит жадная рука!
Привыкли взглядом люди их ласкать, —
Спина их груз не создана таскать,
Не причиняй веревками им боль, —
Освободить и выпустить позволь!»
Охотник слушал пламенную речь,
Забыв и палец изо рта извлечь,¹
«Ты прав, и я послушаться бы рад,
Да с нищетой хожу в обнимку, брат!

Два месяца ловушки ставил я,
А дома-то — голодная семья!
Когда нужда упорная гнетет,
Не диво, если жалость пропадет.
От гибели их хочешь защитить?
Так можешь за спасенье заплатить!»
И, бедняка в бездушьи не виня,
Кивнул Меджнун — и соскочил с коня.
Конем газеленогим уплатил,
Газелям шеи вмиг освободил —
И радостной улыбкою расцвел,
А скакуна — охотник тот увел.
Прошла угроза, минула гроза!
Спасенных целовал Меджнун в глаза:
«Хоть нет со мной Возлюбленной сейчас,
Пленительно сиянье карих глаз!»
Меджнун Аллаха возблагодарил
И пленников от пут освободил,
Вослед летящим руки воздевал
И радостные крики издавал.
Хотя, как роза, был вооружен,
Оружьем только тяготился он,
Хотя имел на поясе кинжал,
Живущим на земле не угрожал.
Песками раскаленными он брел,
Кипя душой, как на костре — котел,
Огнем сердечным — воздух раскалял,
Ключки парчи — колючкам оставлял.
Когда свой полог опустила ночь
И Солнце от Луны сокрылось прочь,
Заплакал разлученный, чья Луна
Была сокрыта и заточена.
Не слышал мир, как тяжело он рыдал,
Не видел, как жестоко исхудал, —

В тростинку извела его тоска,
И станом стал он тоньше волоска...
Как кудри Милой, ночь была черна,
И ниточка дороги — не видна;
Расщелину найдя между камней,
Он съежился как ящерица в ней.
Змеей по камню волосы вились,
Из моря глаз — жемчужины лились,
Без сна рассвет он стонами встречал
И жизни лист — мученьем омрачал.

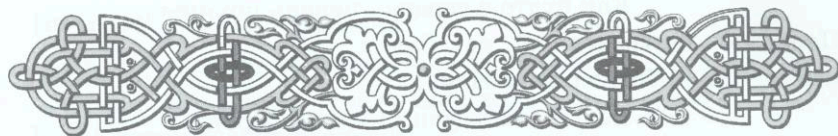
51. Меджнун освобождает оленя

Рассвет настал, хороший день суля,
И радостно воспрянула земля,
Склонила эфиопка-ночь чело,
Раз из Китая зеркало взошло.
И с зеркалом мечтания в руках,
Как зеркало, поблекшее в песках,
Восстал скиталец бледным и худым,
Как от огня восходит амбры дым.
Печально шел и о Любимой пел,
Но вдруг опять ловушку он узрел, —
Хрипел олень, от ужаса дрожа
И ожидая острого ножа
Над ним ловец, очерившись, как лев,
Стоял, кинжал безжалостный воздев,
Чтоб колотиться пленник перестал
И грудой мяса розового стал.
Тогда Меджнун, спеша к ловушке вновь,
Прорезал тишь, как нож пускает кровь:
«А ну, сними с беспомощного сеть
И не мешай на мир ему глядеть!
От губельной петли освободи,
К подруге отпусти его, — не жди, —
Она ж пошлет проклятье на века.
Утратив друга жертвою силка!
Воскликнет: « Разлучивший нынче нас
Пускай увидит несчастливый час,

Пускай не знает радостного дня
В таком же горе, как и у меня!»
Вообрази на миг: а каково
Тебе вдруг стать добычей его?
Подумал, хоть тому и не бывать,
Иль все еще готов освежевать?!
Когда безвинных стон тебя страшит,
Пускай греха рука не совершит,
Клыки свои от горла оторви, —
Аллах тебя за то благослови!»
Охотник поначалу онемел
И убивать оленя не посмел,
Однако на искусные слова
Ответом было: «Выкупи сперва!
Души я, так и быть, не погублю,
Но разговоров праздных — не люблю:
Добытое — недолго раздарить,
А самому — на что прикажешь жить?»
Меджнун кинжал украшенный швырнул,
Затем — кольчугу тонкую стянул,
А тот его оружие схватил
И пойманную дичь — освободил.
К измученной добыче, наконец,
Присел Меджнун, как к малышу — отец,
Ладонью осторожно потрепал
И раны, где нашел, перевязал.
Погладил по трепещущей спине,
Обтер — и разрыдался в тишине:
«В разлуке участь горестна твоя, —
Далек ты от подруги, как и я.
О, предводитель воинства пустынь,
С престола гор хоть взор скитальцу кинь, —
Пьянит благоухание твое,
Пьянят глаза — точь-в-точь, как у Нее!

Пусть раны враг тебе не нанесет,
Пусть от аркана Бог тебя спасет!
Пускай твоей не тронут головы
И не сплетут из кожи тетивы!
Пусть будет из зубов не амулет,
А украшенье уст на много лет!
Не попадайся в путы никогда —
И будь с подругой рядышком всегда!
Хоть слезы, словно опиум, целят,
Пусть ни слеза не капает, ни яд.
О, горделивый, царственно шагай
И грудь мою презреньем не сжигай!
Луна — заточена и далека,
И в заточеньи ты еще пока,
Но доведется в том пастись краю —
Поведай Милой всю тоску мою!
В руках врагов томящейся Луне
Шепни ты: «Будь уверена во мне!
Не повидаться нам, Мечта моя, —
Ты мучишься — и исстрадался я.
Нам, безоружным, цели не достичь,
Раз нету стрел, преследующих дичь,
Раз нету старца, чтобы сватом стал
И о союзе нашем хлопотал...
Но если ветер о Милой не поет,
Душа моя его не признает,
И не пробьются в душу мне мечты,
В которых бы не властвовала Ты!»
Излив печали в тысяче речей,
Звучавших все нежней и горячей,
Оленя он в глаза поцеловал —
И путы ненавистные сорвал!
Когда же тьма окутала страну,
Украв юсуфоликую Луну,

Хор звезд-гадалок мир заполонил
И взволновалось небо, словно Нил.
С сурьмяной чернотой возле глаз
Бессонно шел Меджнун за часом час,
Беззвучно на рубаху слезы лил,
И посинел от слез, как синий Нил.
В песках сыпучих путь его петлял,
Но шага он нигде не замедлял
На краткий миг, в который жалит змей
Или клклет росинку соловей.
Он отдыха и сна не находил
Раздавленной змеей, орлом без крыл;
Как масло в лампе, мозг его пылал,
И, как свеча, он стоя умирал.

52. Меджнун разговаривает с вороном

Когда лазурь, темневшую в ночи,
Позолотили желтые лучи,
Улыбка розы, коей равных нет,
Окрасила полнеба в алый цвет.
Меджнун осенней розой увядал,
В озерах слез мучительно блуждал,
Слезами лишь он пламень свой гасил
И тело — только вздохами носил.
Пылало солнце, зной жестоко пек,
Меджнун к полудню вовсе изнемог,
Он, словно тень, одежды не имел,
И, чуть живой, под деревом присел.
Как раз под это дерево всегда
Сбегалась из окрестностей вода,
И зеркало живительное вод
Синело, отражая небосвод.
Был водоем травой окружен, —
Здесь был любой от зноя освежен,
И тот, чье сердце пламень опалил,
Подобно травам, жажду утолил.
Здесь от метаний он передохнул
И пыль своих скитаний отряхнул,
На зелень шелковистую прилег —
И черный ворон взгляд его привлек.
На нижней ветке важно он сидел,
Горящим взором пристально глядел,

Как локоны красавиц, восхищал,
Как будто с сердцем печень похищал.
Пернатый, безгреховный, как Салих,
Верблюдицей безмолвно затих,
Как те, кого учил Салих-пророк,
В одеждах черных — с головы до ног.
Казалось, видит мудрый всю тоску,
Блистал же, словно вышит на шелку,
И, странника такого встретя взгляд,
Меджнун настроил сердце точно в лад.
О, черный с белой книгой доброты,
Из-за кого сегодня в черном ты?
Зачем ты облачился в цвет ночной?
Чем омрачился день печальный твой?
Несчастлив я — о чем же ты грустишь?
Я в трауре — что в черном ты сидишь?
Когда ты безнадежно не влюблен,
Зачем так черен, словно опален?
Быть может, будешь проповедь читать
И в черном вознамерился предстать?
Ты — негритенок шахский иль индус,
В плену влачащий тягость тюркских уз?
Не шах я — что ж, как воинский шатер,
Ты крылья надо мною распростер?
Но раз ты не шатер — конечно, нет, —
То для чего же выбрал черный цвет?
Когда увидишь Милую — молю,
Скажи Ей: «Я люблю Тебя! Люблю!»
Услышь меня — и сердцем отзовись,
Покуда дни мои не пресеклись!
Ты обещала руку мне подать,
Но я устал надеяться и ждать, —
Придешь, когда сокроюсь под землей
И унесу любовь свою с собой!

Коль видеть мир глаза перестают,
Не радует, что пищу подают!
Какая польза пастуху орать,
Когда с ягненком волк успел удрать!
Когда поток основу разметал,
Обрушится хоть глина, хоть металл!
Когда посев от засухи погиб,
Что в тучах, кои влагу дать могли б!»
Пока пускал он стрелы с языка,
Топтался ворон по ветвям слегка,
Крылами слов мог долго шелестеть,
А птица — собиралась улететь.
И долго он рассказывать хотел,
Но ворон поднялся и улетел,
Мечтателя заставив замолчать,
Оставив сердцу горести печать.
Ночь распахнула черные крыла —
И головы вся нечисть подняла...
Горели звезды тысячью свечей
Иль вороновых блещущих очей.
Лежал как мертвый камень он всю ночь,
Глаза — как будто выклевали прочь,
Ручьем до свету слезы исторгал
И, словно свечка, сам себя сжигал.

53. Старуха ведет Меджнуна к шатру Лейли

Светильника блуждающего свет
Пробился — и ночной завесы нет, —
Такой волшебный сад глазам предстал,
Что каждый — самоцветом заблистал!
Как ворона, отлет Меджнуна влек,
Светильник он искал, как мотылек,
И, все колючки устранив с пути,
Решился в край Возлюбленной пойти.
Становища ее почуяв дым,
Он вдруг упал и замер, недвижим,
Но понемногу снова стал дышать —
И отступила смерть его опять.
Тут показались путники вдали
И постепенно ближе подошли —
Старуха и мужчина средних лет,
Закован в цепи и полураздет.
Напоминал помешанного он, —
Ему в забаву был унылый звон,
Старуха ж мимо торопливо шла
И за веревку спутника вела.
Желая о закованном узнать,
Меджнун старуху начал заклинать:
«Аллаха ради, —кто в плену оков,
И почему удел его таков?»
«Могу ворота правды отворить:
Его в оковах не за что морить,

Но так свела нас общая беда —
Гнетущая, бескрайняя нужда.
По горькой вдовьей бедности своей
Решилась я кормиться от цепей, —
Опутав бедняка, в который раз
Вожу его повсюду на показ.
Товарищ мой недугом изможден,
И бесноватым притворился он, —
И с ним я подаяние прошу
И пропитанья крохи нахожу.
Что за день набирать удастся нам,
Мы на закате делим пополам, —
Съедает каждый, что в его горсти,
И больше уж — ни крошки не найти».
От замысла ее придя в восторг,
Меджнун моленье страстное исторг:
«Молю тебя, постой! Не уходи!
Меня свяжи — и на цепи води!
С ума сошел не спутник твой, а я,
Влачиться на позор — судьба моя,
Мне милостыня даже не нужна,
Что подадут - бери себе одна!»
Услышав исступленный этот крик
И выгоду свою почуяв в миг,
Товарища покинула она,
И цепь его — Меджнуну отдана!
Оковы согласился он носить
И подаянье жалкое просить, —
Петлей старуха шею обвила
И дальше — за веревку повела.
С надеждой подымаясь поутру,
Влачился в даль он от шатра к шатру,
Кричал: «Лейли!» и громко пел о ней,
Увертываясь пляской от камней.

Когда же после многих долгих мук
Шатер Любимой показался вдруг,
 Упал, почуяв веянье дымка,
 На луг ее пришлец издалека.

И слез поток над лугом был горяч,
Как будто из очей весенних туч:
 «Я сгорбился, разлукою спален,
 Весь почернел я, мукою спален,

Презрел я все обычаи веков,
Чтоб вырваться из ямы и оков,
 Но бесконечно радуюсь, любя,
 Что нынче весь в оковах за Тебя!

Грехи мои бесчисленны, видать,
Ничто их не способно оправдать, —
 И воля приговаривать — твоя,
 И к приговору — приготовлен я!

Хоть вел мечом и стрелами я бой,
Невольником стою перед Тобой:
 На вас напал, не помня ничего, —
 И жертвой стал удара своего...

За каждый шаг неверный этих ног,
Петлю надев, являюсь на порог,
 За то, что, обезумев, поднял лук,
 Цепей железных не снимаю с рук!

За зло, что безрассудно причинил,
Безжалостно сто раз наказан был!
 Того, кто опозорен, не жалею,
 И если пожелаешь, то убей!

Когда ты и в неверности — верна,
И невиновность пред Тобой — вина, —
 Я без Тебя — как будто без корней!
 Распни, сожги и по ветру развей.

Хоть я перед Тобой — не виноват,
Признать вину готов, и даже рад, —
 Быть может, каплю милости прольешь
 Или стрелу оплошности пошлешь!

Меня бы с лаской Ты не позвала,
Ладонью не коснулась бы чела,
 Но в час, когда уж не услышу сам,
 Быть может, проведешь по волосам...

Пускай бы твой топор меня сразил
И стал я жертвой, словно Исмаил,
 Будь самый подлый я исмаилит,
 Коль укоризна с уст моих слетит!

Когда сгорает сердце как свеча,
Что голове страшиться палача!
 Свеча вздымает голову с тоской,
 А обезглавят — обретет покой!

Уж лучше умереть у ног твоих,
Чем мучиться душой среди живых;
 Раз Ненаглядной мне не повидать,
 в одиночестве рыдать...

Безропотно я голову сложу, —
Лишь о тоске жестокой расскажу.
 Ты мне прикажешь: «Позабудь о ней!»
 Тоска — моя, главе же быть — твоей!»

Окончив речь, метнулся как стрела,
Порвал он цепь, как ни крепка была,
 Руками в горе голову зажал,
 И, как безумный, в горы побежал.

Вскарабкавшись на Неджд, он стал вопить
И в кровь себе лицо камнями бить, —
 Увидели, придя, отец и мать,
 Чего бы лучше вовсе не видать.

Узнав, что так черны у сына дни,
Поникли и отчаялись они,

И, наконец, оставили его,

Поняв, что не добиться — ничего...

Отвыкнув говорить, он не забыл

Лишь Имя Той, которую любил,

И, слыша что-то прочее, — сбегал,

О камни бился или засыпал...

54. Отец выдает Лейли за Ибн-Салама

Уста ловец жемчужин отворил —

И несравненный сахар подарил:

Когда Науфал победу одержал,

Слух — до Лейли мгновенно добежал.

Навеселе пришел отец домой,

Болтливый и со сбившейся чалмой, —

Ее с трудом он косо уместил

И дочь свою хвастливо известил:

«Эх, хо-рош-шо я подлого обвел!

Несчастье наше — начисто отвел,

Все речи вражьи — в узел закрутил

И невозвратно в омут опустил!

Науфал — испепели его, Аллах! —

Сам удалил навеки этот страх,

И катится помешанный стремглав,

От упований зубы оторвав!»

От этих слов расплакалась Лейли,

Но слезы — за завесою текли, —

Завесою приличия она

Рыданья скрыть была принуждена.

Когда ж отец ушел, краснее роз

Ее нарциссы сделались от слез, —

Она такую реку пролила,

Что пыль по всей дороге полегла.

Она так долго плакала от мук,

Что набежало озеро вокруг,

И не было поблизости друзей,
И не было спасения у ней.
На крыше скрывшись от бесед с родней,
Вилась она раздавленной змеей,
А ветры на восход и на закат
Несли ее волшебный аромат...
Немало знатных сватало Лейли
Ценой любых сокровищ и земли,
И каждый домогался своего,
Хотя не привечали — никого.
Охота за жемчужиной велась,
И тысяча посредников вилась, —
Тот — в паланкине силился унести,
А этот жаждал мед на месте съесть!
Но редкую жемчужину берег
Под стражею отец, как только мог,
А сребротелой, всех подруг умней,
Хранить кувшин досталось от камней...
Она скрывала муки ото всех,
При людях раздавался звонкий смех,
Огонь улыбки — очи освещал,
Но жизнь ее — как свечку сокращал...
На ножке розы — острия шипов,
Но на ладошке — лучший из цветов;
Лейли порхала, хлопоча в дому,
И боль не выдавала никому.
К становищу Луны со всех концов
Слетались свахи тысячи купцов,
И, услышав об этом, Ибн Салам
Вернулся спешно к прерванным делам.
Великолепьем пышным окружен,
Потребовать невесту прибыл он,
И щедростью неслыханной даров
Чуть не сломил подпорки у шатров.

Дары — несметно были велики:
Горстями — амбра, сахара — мешки,
Рубины копей, мускус из пупков
И горы прочих вьюков и тюков.
Верблюдов вереница на горбах
Несла шелка ей для ночных рубах,
А скакунов арабских табуны
Без счета были им приведены!
Бой — за крупички золота вскипал,
А он его — горстями рассыпал,
Как сыплют на пол во дворце песок,
Чтоб головы врагам палач отсек!
Едва расположившись на привал,
Гонца к себе искусного призвал,
Который размягчил бы скалу,
Воздав красноречивую хвалу.
Посланцу был наказ подробный дан
С сокровищами многих дальних стран, —
И тысячи невиданных вещей
За дочь по счету принял казначей.
Когда ж посланец тот заговорил,
Сокровищницу мысли отворил:
«Ты вознесен над прочими судьбой, —
Пускай тебе завидует любой!
Подобный шаху лев высокий тот —
Арабов гордость, воинства оплот!
Он славен — и прославлен меч его,
И высоки дела и речь его!
Потребуй крови — он прольет поток,
Потребуй злата — кинет, как песок, —
С ним все возьмешь, о чем несмел мечтать,
И сгинет тот, кто станет осуждать!»
Внимая всем речам, что плел гонец,
Отец лишился разума вконец,

Он так и сяк все доводы вертел
И свадьбы этой сам уже хотел!
Уже не в силах гостя огорчить,
Союз он согласился заключить,
И, проявив родительскую власть,
Луну свою дракону отдал в пасть!
Небесная красавица взошла,
Джамшида чашу кверху подняла,
И отрок светлый, тьму рассеять рад,
Одел всю землю в свадебный наряд.
Отец Лейли убрал коврами дом,
И весь базар, и улицы кругом,
Когда жених через порог ступил,
Скорей его за скатерть усадил.
Веселый праздник музыкой гремел,
Достичь союза Ибн Салам сумел, —
Взлетели к небу тучи серебра,
Так много дал за молоко добра!²
Всю спальню, где Лейли ждала вестей,
Загромоздили грудями сластей,
И, как алоэ жгут — за аромат,
Она сгорала сотни раз подряд.
Ее сердечный жар — благоухал,
Но слез ее источник — не стихал,
Огонь пылал в рубиновых устах,
Но утопали ониксы в слезах...
Жених готов, и свадьба заждалась,
Она ж — и за убранство не бралась, —
Разбилась чаша, не дойдя до рта,
Халва сгорела, с жара не снята!
Уколешься шипами, только тронь,
Ошпарисься, схватившись за огонь.
Едино тело, мудрость говорит,
И то лишь непослушно, что болит.

Восставший против рода своего
Лишится покровительства его,
И даже палец собственной руки,
Ужаленный змеею — отсеки!
Согласье чувств — источник жизни всей,
Разладом — семя гибели не сей!
Рожденная все души покорять
Была готова душу потерять...

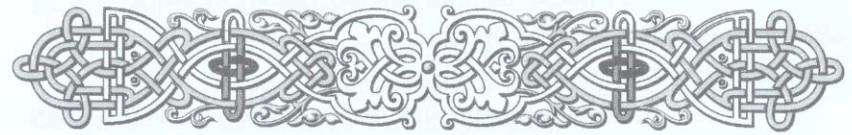
55. Ибн Салам увозит Лейли в свой дом

Настал рассвет и сумрак с неба стер,
Воздвигло Солнце в синеве шатер,
И не осталось хоровода звезд —
Всех девушек корабль тьмы увез.
Счастливым новобрачный поднялся
И украшать носилки принялся,
И в пышном паланкине в отчий дом
Повез ее с великим торжеством.
Он ложе подарил, и на престол —
Карать и одарять — ее возвел,
Старался воск он лаской растопить,
Не в силах без нее ни есть, ни пить.
Налюбовавшись пальмою своей,
Коснуться он попробовал ветвей,
Но так шипом был острым уязвлен,
Что вмиг утратил пыл и даже сон!
Затрецину дала ему Лейли
Такую, что без чувств его нашли.
«Когда попытку повторишь свою,
Тебя прикончу — и себя убью!
Творцом своим искуснейшим клянусь:
Вовек не устрасусь и не склонюсь,
И цели не добьешься ты своей,
Хоть всю до капли кровь мою пролей!»

Услышав речь кумира, понял он,
Что чудом от гибели спасен,
Что сердце не отдаст она свое,
Что есть иной светильник у нее!
Но давний пламень Ибн Салама жег, —
С мечтой расстаться он уже не мог:
Увидев двухнедельную Луну,
Всем сердцем оказался он в плену!
Решил он: «Раз уж я ее люблю,
Хоть любованьем сердце утолю, —
Уж лучше взор безропотно вперять,
Чем из виду навеки потерять!»
Вину свою невольную признав,
Прощенья попросил он, зарыдав:
«Тобой готов лишь любоваться я, —
Иначе буду — грязная свинья!»
И, кроме взоров нежных, уж ничем
Не беспокоил он ее совсем,
Краса же цветника во всякий час
С дороги не сводила ясных глаз,
Стремилась безотчетно из шатра,
Со стонами встречала все ветра,
Чтоб от пещеры друга ветерок
Принес ей хоть пылинку на порог!
Печально сделав несколько шагов,
Рыдала горше тысяч соловьев,
И весточку мечтала получить,
Чтоб горе хоть немного облегчить.
Лишившись и терпения, и сна,
В разлуке столько плакала она,
Что всей любви завеса порвалась,
И выданная тайна — разнеслась.

Но был Лейли, измученной вконец,
Уже ни муж не страшен, ни отец:

Когда с любовью ты сотворена,
Злость ни отца, ни мужа — не страшна!

56. Меджнун узнает о замужестве Лейли

Благословен багдадский тот мудрец,
Что тайну слов поведал, как певец:¹
Помешанный, сорвавшийся с цепи,
Серпа Луны не видящий в степи,
Свихнувшийся, чье сердце сожжено,
В чьей деревушке — все разорено,
Лишась приюта, горестно блуждал
И, кроме стонов, друга — не видал.
Был сладостней весны ему стократ
От края Ненаглядной аромат,
Который запах амбры навевал
И всей его душой овладевал!
Его печали черной и слезам
Из этой амбры нужен был бальзам,
Что охлаждал сжигающую страсть
И не давал в отчаяние впасть.
В тени колючки с сотней острых жал
Он на земле отверженным — лежал,
Не в силах отличить шипы от роз
От безысходной горести и слез.
Однажды некто с черною душой
Там проезжал, как будто полз гюрзой, —
С верблюда он презрительно взглянул,
Напыжился и повод натянул.
Пред ним простерся пленник без одежд,
И путник, по обычаю невежд,

Вдруг испустил, как див, свирепый рык,
А после поднял безрассудный крик:
«Эй, не познавший счета бытия,
Постыдна служба идолам твоя!
Живей от них поводи отверни, — Все,
как один, обманщики они!
Тебе вовеки не забрезжит свет,
Любимой — до тебя и дела нет!
Безделье — все умней подобных дел!
Уж лучше б ты любезной не имел!
Ведь, полюбив, ты сердце ей вручил,
А права-то ее — не изучил,
И нынче, оказавшись неверна,
Порвала дружбу начисто она!
Ты разметал всей жизни урожай,
Она ж не вспомнит даже невзначай, —
Просватали ее в два счета, друг,
И счастлив с нею молодой супруг!
Отправилась она в свой новый дом,
Отказа муж не ведает ни в чем,
Ушко в ушко с ним нежится она,
И о тебе ей память — не нужна!
В обнимку — дни и ночи напролет,
Пускай тебя отчаянье грызет, —
Но раз легко в такую даль ушла,
Не думай ты о ней — и все дела!
Не вспоминает долгие года —
Забудь и ты, — какая в ней нужда!
Так женщины, увы, сотворены —
Непостоянны сплошь и неверны!
Тот, кто любовь и верность сотворил,
В свой список женщин вовсе не включил,
И даже дружба женщины — на срок,
Пока другой не сыщется дружок!

Когда, его, обняв, она сидит,
То на тебя уже не поглядит, —
У женщины влечение — сильнее,
Но только милый — на сердце у ней!
Ей в играх — плутовство лишь суждено,
А в жизни — лицемерие одно,
Бессчетно мир от женщины страдал,
А верности — ни разу не видал!
Кто увереньям женским верить рад,
Тот хуже этой лживой во сто крат!
Коварных козней женщина полна:
Снаружи — мир, внутри — сама война!
Во гневе — мир готова истребить,
Полюбит — душу может погубить;
Скажи ей: «Сделай то-то» — не пойдет,
Скажи: «Не делай» — все наоборот!
Когда скорбишь ты — радостна она,
Когда ты весел — горестно мрачна, —
Так поступают лучшие из них,
И края нет коварству остальных!»
Нелепой болтовней говоруна
Была душа Меджнуна сожжена,
Огонь жестокий сердце опалил
И, как припадок, наземь повалил.
Так бился головой о скалы он,
Что покраснел от крови горный склон,
Упал Меджнун на камни, не дыша,
И улететь готовилась душа.
Нечистый див, что так его терзал,
Сам пожалел о том, что рассказал,
И пробыл над бесчувственным, пока
Несчастный тот не застонал слегка.
Просил прощенья путник сотни раз:
«Мне стыдно за дурацкий свой рассказ!

Враньем и вздором причинил я зло, —
Прости мне, раз уж так произошло!
Сам вижу, как жестоко я шутил, —
Отдам хоть душу, лишь бы ты простил!
Закрыв лицо, сидит Лейли, скорбя,
И сердце — все в крови из-за тебя!
Кто властелином ей законным стал,
Еще ни разу вместе с ней не спал, —
Хоть в жены отдана она ему,
Тебе лишь верно сердце одному!
Лишь имя на устах у ней твое,
Другого — нету в мире у нее,
И каждый миг, не то, что каждый час,
Вздыхает о тебе она сто раз!
Хотя со свадьбы минул целый год,
Печать свою — доселе бережет,
Пройдут века, но даже и тогда
Другому — не вкусить ее плода!»
В том зеркале, что подал низкий лгун,
Два разных лика увидал Меджнун,
И стал он меньше сам себя терзать,
И меньше — безрассудно бушевать.
Несчастен и беспомощен он был,
Как ласточка, лишившаяся крыл,
Рассечена о камни голова,
И горькие он складывал слова.
Струями слез рубины прожигал,
Песнь о любви обманутой слагал,
Жил без надежд и толку день за днем,
И Милая — не ведала о нем...

57. Сетования Меджнуна, обращенные к Лейли

Служанка новобрачной молодой,
Блистающей небесной красотой,
Из паланкина вывела ее
Явить земле сияние свое.
Невеста восхитительная та,
Для кисти всех художников — мечта,
Попала в клетку к мужу своему,
Тоскуя — лишь по другу одному!
Терпевшему же то, чего не снести,
Всего страшней о свадьбе стала весть, —
Расстался с ясным разумом своим
Меджнун, как будто вправду одержим.¹
Подбитой птицей крылья распластал,
Одно дыханье — еле сохранял,
Воды живой не отыскав родник,
Совсем он обессилел и поник.
К порогу пери все влекла тоска,
И стал от слез он тоньше волоска,
Шептал как ветерок: «Моя Мечта!
Земное счастье — мужняя чета!
Из глаз потоки льются у меня,
Во тьме жестокой я не вижу дня,
Доколь же сердцу без Тебя скорбеть?
Доколь очам Тебя не лицезреть?
Как дорога Ты мне! как хороша!
Глаза мои Ты, сердце и душа!

Одна лишь ночь свидания с Тобой —
Прекраснее жемчужины любовью!
Куда любви умчались времена?
Тысячекратно клятва ей дана!
Где час, когда мы в помыслах слились
И во взаимной верности клялись?
Мы спорили, кто любит горячей,
Звучала верность — громче всех речей,
И вдруг Ты рвешь сердечный уговор,
Невинно отворачивая взор!
Но, если сердцем стала неверна,
Зачем твердила, будто влюблена?
Всю, без остатка, душу я вручал,
Но лживые посулы получал!
Я за любовь всей жизнью уплатил,
Тебе же кто-то больше угодил...
Так о минувшем мысли отогнать,
Чтоб ни на миг меня не вспоминать!
Ты с новым другом счастлива вполне
И начисто забыла обо мне?
В его объятьях нежишься вдали,
Но мне — хоть слово теплое пошли!
В твоём саду — всю юность положил,
Но что же я трудами заслужил?
Садовник-вахирь дерево растил,
А плод созревший — ворон утащил!
Хоть нету слаще Фиников твоих,
Колючкой в горле станут у других!
Сжигающий самум души моей
Твой сад плодовый скроет от людей!
Ты как жасмин прелестный сложена,
Как кипарис пленительный стройна,

Ты кипарисом шествуешь всегда,
Но не вкушал никто его плода!
Я был твоею дружбой вознесен,
Но в пропасть рухнул, радости лишен, —
Когда Тебе я сердце отдавал,
Подобного — никак не ожидал!
Клялась Ты по любви моею стать,
Союз уговорились мы создать, —
Гляди же, как Ты верность берегла,
Какой союз надежный создала!
С другим Ты сердце тешишь в этот час,
Моих печальных не стесняясь глаз, —
Жестоки все оставшиеся дни,
Но знай, что мы на свете — не одни!
Немало в мире бдительных живет,
Добру и злу ведущих точный счет, —
С тех пор, как мучусь, видит мир земной,
Как сам я поступал, и как — со мной!
Пускай я ничего не видеть рад,
Но люди-то — глядят и говорят,
Увидят, кем нарушен уговор,
И ото всех услышишь Ты укор!
Нет, недостойно слово нарушать
И собственное счастье разрушать, —
Покуда роза цветнику верна,
Не будет в сердце ранена она!
Пока пьянчуг не осрамит вино,
Поганым не ославлено оно,
А чаши лунной ночь не разобьет —
И черной мир ее не назовет.
Каким могу я сердцем уповать,
Каким лицом — улыбку посылать,

Когда умчалась жизнь, и дни пусты,
И обещастья — позабыла Ты?..
Ведь даже миг не хочешь озарить,
А я Тебя — не в силах позабыть,
Но, хоть извелся в тягостном плену,
Пусть Бог накажет, если упрекну!
Полно тоскою сердце — через край,
Но нету в нем упрека — твердо знай, —
Ни другом не могу Тебя назвать,
Ни ворогом — чтоб кары призывать...
Твоих поступков взбалмошных — не скрыть,
И не могу придумать, как мне быть:
Сколь сердце мне тоскою ни круши,
Ты — мощь моя и счастье для души!..
Хоть век мой укорачиваешь Ты,
Весь мир подвластен силе красоты, —
Кому красы могущество дано,
Той даже кровь пролить разрешено!
При свете дня — светильнику ль гореть!
Перед Тобой — не лучше ль умереть?
Ты для меня — сладчайшая Луна!
Ты — шах, перед которым — два слона!¹
Ты — роза, Ты — тюльпана лепесток,
Ты сладостна, как виноградный сок, —
Завидуя сияющей такой,
И пламень жаркий изойдет слюной!
В саду пылают розы — без конца,
Являя отблеск милого лица,
Атлас рубины шахские хранит,
Но он — солома пред огнем ланит!
Мечтаний тоньше — брови, — ну точь-в-точь
Как юный месяц в праздничную ночь;

Султан в шатре душистом взор вперил —
Рассвет и тьму навеки покорил!²
Да, от такой красавицы, как Ты,
Не оторвать вовеки мне мечты!
Нет выхода, но счастлив я всегда
Отдать Тебе и душу, и года,
Малейшего привета ожидать,
Пренебреженье — молча принимать...
И погляжу я, не страшась невзгод,
Куда нас повод жизни поведет...

58. Отец навещает Меджнуна

Сказитель, что рожден средь персов был,¹
Так о делах арабов говорил:

Старик любимца-сына был лишен,

Как встарь Якуб — с Юсуфом разлучен,²

Меджнуна одичавшим увидал —

И больше в жизни радости не ждал.

Рыдал о сыне с каждым днем сильней,

Одной надеждой жил остаток дней,

Мечтал Меджнуну помощь отыскать,

Но негру от мытья светлей не стать...

Метался и богатства расточал,

Но взора счастья так и не встречал,

И, потеряв надежды, наконец,

Помочь ему отчаялся отец.

Сбирался он отправиться во тьму, —

Уже носилки виделись ему,

Бессилен и беспомощен он стал

И скорого отъезда ожидал.

Жил, о последней милости моля,

Тесна уже была ему земля,

И флейта горла не могла звучать,

Согнувшись, как у чанга рукоять.

Задумывался он уже не раз

О том, что недалек последний час,

Когда к нему невидимый чужой

Войдет неумолимо за душой.

И, посох в руку немощную взяв,

Двух юных соплеменников позвав,

Пошел он поглядеть, как сын живет,
Со всем согласен, что Аллах пошлет.

Скитался по пустыням и горам,

Пескам бескрайним, выжженным степям,

Он и туда толкался, и сюда,

Не находя ни звука, ни следа.

Но все-таки услышал наконец

От путников измученный отец,

Что сын в такой-то местности бродил

В развалинах — печальнее могил.

Туда скорей направился старик

И за день места этого достиг,

Увидел сына жителем гробниц —

И очи сердца — вышли из глазниц.

Душа — совсем без тела, жалкий прах

С иссушенною кожей на костях,

Расставшийся с обителью живых,

Упорно чтущий идолов одних.

На эту тень надев ярмо в тоске,

От смерти был Меджнун на волоске,

Псом бесприютным по свету бродил —

Незримей обитателей могил...

Котел его души перекипал, —

Он падал и сознание терял,

Свивался он змеей полуживой

Скитался с непокрытой головой,

И еле прикрывал его пупок

Звериной шкуры вытертый клочок...

К нему отец неслышно подошел,

По волосам с волнением провел,

И в сердце кровь остывшая зажглась,

И вся — из глаз на сердце пролилась.

Меджнун глаза потухшие открыл,

Поняв, что кто-то с ним заговорил,

Безмолвно глянул на черты лица —
И отстранился, не узнав отца.
Кто о себе-то позабыл давно,
Тому о прочих помнить — не дано.
«Ты кто такой? С какого ты пути?
И что ты здесь надеешься найти?»
«Сыночек... Я — отец несчастный твой,
С разбитым сердцем и едва живой!»
По голосу Меджнун отца узнал,
Упал к его ногам — и зарыдал.
Волнением сердца у них зажглись, —
Отец и сын безгласно обнялись,
Один другого пылко целовал,
И каждый — слез потоки проливал.
Но вот отец унять рыданья смог,
Окинул сына с головы до ног, —
Тот гол и бос предстал ему тогда,
Как грешники в день Страшного суда.
Вьюк развязав, достал отец наряд,
Одел любимца с головы до пят,
В прекрасные одежды облачил
И ни чалму, ни туфли не забыл.
К благоразумью начал призывать
И по-отцовски стал увещевать:
«Не время почивать, душа моя, —
Одвуконь мчит повозка бытия!
Дорогу эту лучше не топчи,
Где травы — словно острые мечи!
Ведь если не недели, а года
Тебе грозят опасность и беда,
Стрелой пронзит жестокий небосвод
И, без сомненья, кровь твою прольет.

Возможно, два-три дня ты и пройдешь,
Но вскоре упадешь — и пропадешь,
И телом, что растил я и ласкал,
И лев наестся хищный, и шакал!
Уж лучше дома быть голодным псом,
Чем вечный гнет терпеть в краю чужом!
Напрасно суетишься и спешишь, —
Лишь к немощи под старость прибежишь;
К чему себя напрасно истязать, —
Так можно сердце вовсе истерзать!
Взгляни, как берег рушится всегда,
Когда потоком пенится вода,
И даже гору, где ее исток,
Землетрясенье рушит, как поток!
Ты сам себе наносишь столько ран,
Что рухнет и железный истукан;
От буйства твоего — устали дни,
На день-другой — уймись и отдохни!
Давно ты свой рассудок потерял,
И слушаться поводыев перестал,
Хоть сердце от огня не уберег,
В понятие не вошел еще, сынок!
С верблюда быстроходного сойди,
В пустыне со зверями — не броди,
Не будь в ущелье дивов часовым,
Не будь, как дивы, пугалом живым!
Посдержаннее стань — и не срамись,
Хоть пустяком каким-нибудь займись,
В любых забавах время проводи
Как умные, — ты только погляди!
Правдивы ли, обманчивы ль они,
Забавы все же скрашивают дни, —
Пусть грудь хоть каплю радости вдохнет,
А дальше — что дыханье принесет!

Веселье — зыбко, потому учти:
Что отложил, то может не прийти!

Я знаю, как бывало много раз:

Пшеницу оставляя про запас,

Сидевший лишь на ячмене одном

Крупинки не выгадывал на нем!

Пока прощанье — где-то впереди,

Дела свои в порядок приведи,

Когда же час разлуки настает,

Мир никому отсрочки не дает!

Уж там не жди особого вина,

Деянья же — припомнятся сполна,

И женщина наденет, что соткет,

Мужчина — что посеял, то пожнет.

Воскуривай стараний фимиам,

Чтоб в день Суда вознесся к небесам,

Проверь кончины камень, — час потратить,

Чтоб без мучений после умирать.

Лишь тот от смерти душу сохранит,

Кто сам ее заранее смирит,

Лишь та в свой час не рухнет голова,

Что склонена была, пока жива,

И кончит путь с улыбкой только тот,

Кто сам себе что надо припасет.

Осиротел твой дом родной, — вернись,

Довольно ты безумствовал, — уймись.

Покой — во всяком миге для сердец,

И есть у всякой горести конец!

У пса — приют, а где же твой ночлег?

Он — бессловесен, ты же — человек, —

Так по-людски себя ты и веди,

А коли див — под землю уходи!

Нечистые, придя из-под земли,

Наш облик только внешне обрели;

Зачем ты благородство растоптал

И душу этой нечисти отдал?

Ведь я же твой отец, — побудь со мной, —

Недолго нам в упряжке быть одной,

Стремян души поддержки не лишай,

Слабеющую душу — утешай!

Поводья на закате отвернешь,

А на заре — меня уж не найдешь,

И, если слушать тягостно, сынок,

То, видно, так судил небесный рок.

Близка кончина, скоро я уйду, —

Старайся быть со временем в ладу,

Ты радостно живи — я отшагал,

Ты пей вино, а я — отпировал.

Я ухожу, тебе же — добрый путь,

Убит я горем, ты же — счастлив будь,

Пылинки лет уходят без огня —

И угасает солнце для меня.

Сменить мой день уже готова ночь,

И отлететь душа готова прочь;

Душа отца, прошу, поторопись, —

Пока еще дышу — к отцу вернись!

Пока не удалился я во тьму,

Приди, согрейся в собственном доме,

А в день, когда мне будет не спастись,

В шатре на место отчее садись.

Когда мои пожитки уберут,

Пусть мой потомок остается тут,

Чтоб я в свой час последний сознавал,

Что сын мой во главе хозяйства стал.

Ни недруг не одобрит, ни друзья

Коль отойду, покинут сыном, я,

Объявится какой-нибудь чужой

И все похитит, собранное мной.

Как люди поглядят, как мир поймет:
Рожденный мной — за гробом не пойдет!
Есть сын родной — и словно нет его,
И у меня не будет — никого...

Теперь уже пора тебе сказать,
Что я собрался перекочевать, —
Боюсь я, что оставлю этот свет,
Воротиться — но здесь меня уж нет.

К надгробию приникнешь головой,
Но кто же горький плач услышит твой?
Взметнутся стоны дымом от огня,
Но много ль проку в дыме для меня?

Пусть пламя горя целый мир спалит,
А счастья лик оно не озарит...»

59. Ответ Меджнуна отцу

Меджнун увещеваньем тронут был,
Безропотно послушаться решил,
Вернуться, притворяться до конца —
И тем утешить бедного отца.

Забить любовь обет хотел он дать —
Любовь обету уши стала драть!

Бессильем перед нею огорчен,
Отцу ответил сокрушенно он:

«Твое дыханье — для души бальзам,
Мысль о тебе — разгадка всем узлам,
Твоими назиданьями — дышу,
Кольцо раба — почтительно ношу!

Светильник для души — в словах твоих,
Несчастен я, послушавшийся их,

Обязан я советы исполнять —
Но им, увы, не в состояньи внять!

К чему чужого разума чекан,
Когда рассудок собственный мне дан,
Одна любовь — везде передо мной,
Крупинки мир не стоит остальной!

Была мне, может, радость суждена,
Да только ветром вся унесена,

Была когда-то память мне дана,
Но ветер подхватил — и где она?

Ты спрашиваешь, что вчера я ел?
Я слово это позабыть успел!

Спроси, куда стремительно бегу, —
И то ответить толком не смогу...
И понимаю, что отец мой тут,
Но позабыл уж, как тебя зовут.
Не только об отце не помню я —
Вся память уничтожена моя!
Свое прозвание — начисто забыл,
Меня ль любили, я ль кого любил, —
Мне сердце словно молния зажгла,
И сердца жар бывшее сжег дотла.
Хоть я пучком травы бываю сыт,
Напрасно жернов времени крушит,
Раз для меня давно и навсегда
Иссяк и хлеб насущный, и вода.
Застыл я в одичалости своей,
А дикому — не жить среди людей,
Кто долго обитает со зверьем,
Становится и вправду дикарем.
Как дыню, что изъели червяки,
Смелей сорви меня и разрежи,
А то дурная пыль еще взлетит
И все на огороде поразит!
Держи дитя от оспенных вдали,
Чтоб заразить недугом не могли!
Все мысли свел к одной печали я, —
Уж лучше бы сломалась жизнь моя!
В местах посевов — землю не бери,
А пыль дороги — хоть совсем сотри!..
Исчезла в книге буква одна,
Посев лишился — малого зерна...
Могилу вырой, длани возложи,
«Любовью пьяный — кончился!» — скажи...
Разумнее — не стать моим делам, —
Сломался разумения калам.¹

Ты говоришь — отъезда близок час,
Но раньше уезжать — кому из нас?..
Своей отправки ждешь еще ты дня,
А осень уж настала для меня;
Еще не знаю, скоро ль ты уйдешь,
А мне уже пора — не увильнешь...
Живущие оплачут твой конец,
А я для них — давно уже мертвец...

60. Отец прощается с Меджнуном

Поняв, что раб любви — неизлечим,
Склонился старец горестно над ним, —
 Он видел, что горячка — тяжела,
 И не распутать этого узла.
«Мое ты сердце, сердце рвущий прочь,
Отчаянью не в силах я помочь,
 И потому, надломленный судьбой,
 С тобой прощаюсь — и с самим собой.
Бессильным и беспомощным стою, —
Ты видишь участь горькую мою!
 Ярмом моим ты был — и был венцом,
 Восплачь же над униженным отцом!
Встань, руками шею мне обвей,
Потоком слез морщины мне облей,
 Чтоб, расставаясь, душу я омыл
 И на носилках — мирно опочил.
Последний миг я здесь, а дальше — тьма,
В глазах моих — игла, а не сурьма,
 Склони мне нежно голову на грудь,
 Чтоб мог я взять тепло в далекий путь!
Свои позитки я уже собрал,
Прощаться с этим миром час настал,
 Но, даже умирая, мой сынок,
 Я от твоих печалей — не далек.
Хотя ты для меня — дороже глаз,
Прощай, — с тобою я — в последний раз,
 Прощай, — суму дорожную вяжу —
 И на корабль ушедших восхожу.

Прощай, — покоя нету на душе,
И так мой караван ушел уже,
 Прощай, — собрался я откочевать,
 И на земле мне больше — не бывать...»
Протившись, он отправился назад,
На свете ничему уже не рад,
 Печальный путь свой одолел с трудом
 И полумертвым воротился в дом.
Дня два в постели молча пролежал,
От слабости и горя — чуть дышал,
 Но выскользнула смерть из-за угла —
 И завершила все его дела.
Из клетки птица вольная спаслась
И к радостному лону вознеслась;
 Небесная душа — на небесах,
 С землею же — земной смешался прах...
Блажен, кто, как Луна, свершает путь,
Не замедляя поступи ничуть,
 Кто в горестной обители невзгод
 Как молния родится — и умрет.
В сем мире брэнном не забрезжит свет,
Отрады сердцу — ни малейшей нет,
 Кто долго в деревушке этой ждет,
 Намучившись, покоя не найдет.
Когда же спасена душа навек,
Из крепости — исходит человек, —
 Душа его — бессмертье обрела,
 А крепость — невозвратно умерла!
Мир — злобный дух под маской доброты,
Повсюду ненавистен миру ты,
 Лишь горечь желчи — в чаше у него,
 И рвет он печень тела твоего!
На всем твоем лугу — не кипарис,
А горькие печали разрослись,
 Вода его — жестоко солоня,
 В колючках — ни единого зерна...

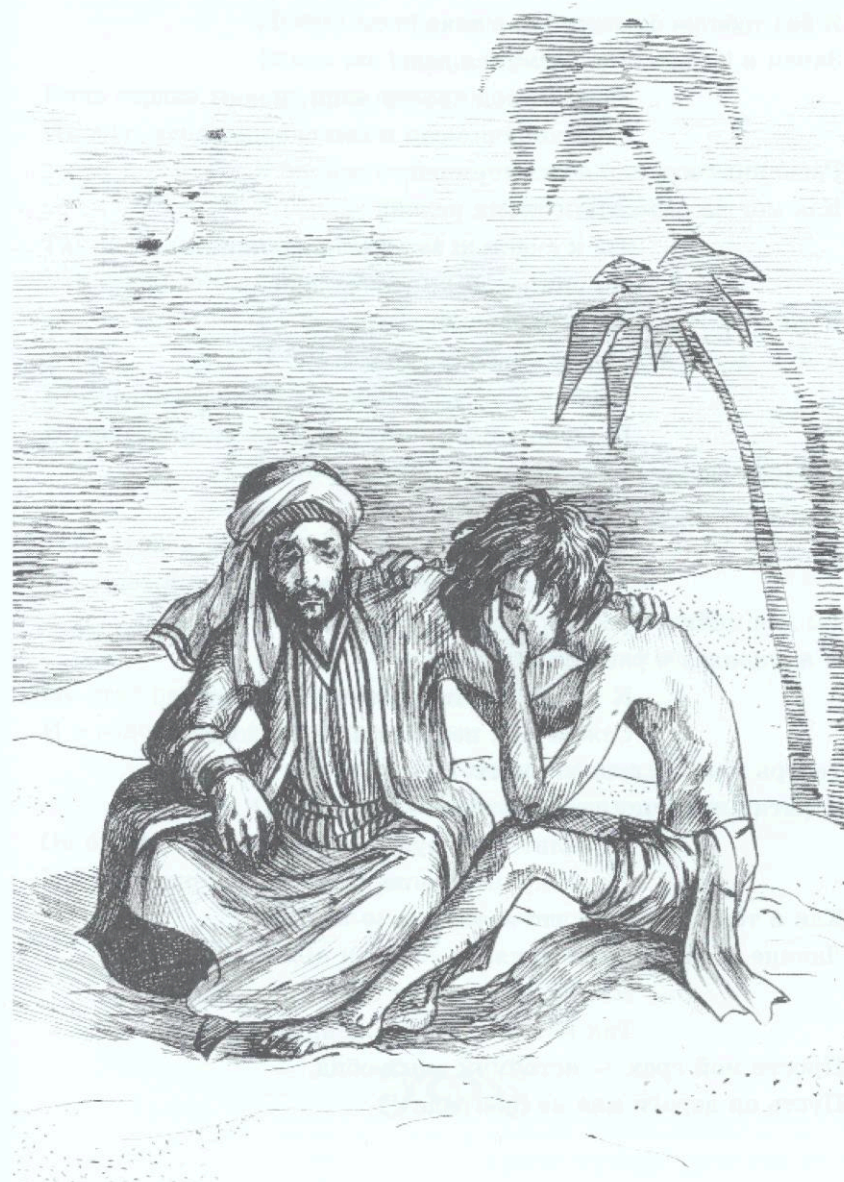
Что пользы в сокрушении пустом,
И сколько можно бегать под хлыстом!
Ищи веселья! Радость — это свет!
Всех не оплачешь, да и смысла нет!
Червя ничтожней, — разум нам гласит, —
Кто злато отыскал, а грязью сыт.
Ты — роза, разгоняющая мрак, —
Пируй как человек, а не червяк!
Цель жизни — радость, — и старайся жить,
Иссякнут силы — ничему не быть...
Хоть нужно серебро сынам земли,
Оно ж — нещадно губит корабли, —
Глухой колодец им не набивай,
Как жернов — принимай и отдавай.
Кто получает — пусть и отдает,
Кто покупает — пусть и продает;
Не платишь, коль товара не везешь, —
С деревни разоренной — что возьмешь!
Кого б ты взглядом нынче отыскал
Из тех, кто рядом в юности скакал?
Владык уж нет, священники ушли,
Покинув обитателей земли.
Взгляни, кого Всевышний сохранил, —
Кто прежних государей заменил?
Старайся благородство проявлять,
Чтоб государям тем — подобным стать!
Твори добро, не причиняй обид, —
За добрым — слава добрая бежит!
Кто боль тебе по злобе причинил —
Себя же наказал и чернил!
Добро твори, колодец наполняй, —
Сам зачерпнешь — с уверенностью знай,
Вернется и добро к тебе, и зло,
Как будто небо отзвук донесло!

61. Меджнун узнает о кончине отца

Раз под вечер охотник проходил
По Неджду, где всегда певец бродил.
Сидел Меджнун с печалью на лице
Ярчайшей из жемчужин на венце.
Ловец ко льву рванулся напрямиком
И замахнулся злым языком, —
С сочувствием притворным подступил:
«Ты что же это ближних позабыл!
Кончина ждет, и, может, не вдали,
А у тебя ведь — не одна Лейли!
Не вспоминаешь ни отца, ни мать, —
Какой позор — так жизнь им изломать!
Такого сына — лучше схоронить,
Чтобы позор его искоренить.
Неблагодарность — хлещет через край,
И похваляться — нечем, — так и знай!
Могильный над отцом твоим покров
Сомкнулся — будь же вечно ты здоров!
Пусть от отца ушел, погорячась,
Но хоть бы помянул, оборотясь!
Хотя б его могилу навестил,
Чтоб нынче дух отца тебя простил, —
Упал бы с сокрушением на прах
И ждал благословения в слезах!»
Услышав этот пакостный напев,
Меджнун как чанг согнулся, побледнев,

На землю рухнул, горько зарыдал
И рвать себе лицо ногтями стал.
Пришел к могиле отчей он в тиши,
Разбился там алмаз его души,
На камень бездыханным он упал
И к сердцу то надгробие прижал.
Плиту слезами сердца оросил,
У праха он прощения просил,
То землю на могиле обнимал,
То голову землею посыпал.
Спустилась ночь на мученика дней —
И вспыхнул жар ночной еще сильней,
Но не был пленник счастьем обогрет,
Попав в неволю страсти с юных лет...
Невольник страха станет сиротой —
И целый мир зияет пустотой,
Гнетет тоска жестокая его
И горечь от сиротства своего...
Лежал до ночи у могилы он,
Не видя света, издавая стон,
Горюя, что лишился он того,
Кто тяжело горевал из-за него.
Кровавых слез он столько источил,
Что землю этой кровью промочил.
«Отец мой, где ты? — надрывал он грудь,
Ну, почему не хочешь ты взглянуть!
По мне скорбевший, где тебя найти?
Скорбь о тебе — к кому теперь нести?
Расстаться с сыном скверным ты решил,
И потому под землю поспешил!
Не ведал я, как без отца живут,
Как это горько — понял только тут,
И утешеньем в горестной судьбе
Приходит только память о тебе.

Ты другом и защитником мне был,
В скитаньях сердцу прибавлял ты сил,
 На праведных путях ты наставлял,
 Чтоб Истине я ввек не изменял.
Я без тебя — беспомощная тень,
Зачем я жив, когда затмился день!
 За мой уход прости меня, молю, —
 Я бесконечно сам о том скорблю!
Раскаянье в душе — все горячее;
Как мог не слушать я твоих речей!
 Ты к счастью за узду меня тащил,
 Но упирался я, что было сил!
В моем ты ухе был кольцом златым,
А я — железным проржавел, дверным,
 Грубил я — ты же ласков был со мной,
 Бездушен был я — ты пылал душой!
Страдал ты из-за горя моего,
А я блуждал, не зная ничего,
 Ты очищал от пыли мне постель,
 А я сбежал, о сне забыв досель.
Ты для меня устраивал пиры,
А я блуждал в расселинах горы,
 К твоим молитвам глух я был тогда,
 Сажая сад, не давший мне плода...
Теперь любовь душевную твою
Утратив, из души я слезы лью, —
 И, залит их струею голубой,
 Не вижу ничего перед собой.
Как я терзаюсь тем, что натворил, —
Лавине бед ворота отворил!
 Не захотел ты мук своих продлить,
 Так как же мне прощенья молить!
Прости мой грех — источник злых обид, —
Пусть он дороги мне не преградит!

Светило, даровавшее мне свет,
Прости — иного мне лекарства нет!
Твоим рабом виновным остаюсь
И ныне — гнева Божия боюсь.
 Любил меня своим ты сердцем звать,
 Зачем же сердце стрелами пронзать!
Коль сердце я — не шли мучений мне,
Не жги меня на медленном огне!
 В земное сердце лечь тебе пришлось
 А сердце здесь — слезами облилось!
Так называя, сердце рвешь ты мне, —
Так сердцем ты печешься обо мне!
 Ты бед моих не вынес и угас,
 И жжет мне сердце пламя всякий час!
Кругом перед тобою виноват,
Но за грехи наказан я — стократ,
 Непослушаньем век я твой мрачил —
 И трепку в наказанье получил!..»
Так сетовал Меджнун и причитал,
Так ясный день на тьму он променял, —
 Пока не распластался флаг ночной,
 Хлестал поток рыданий проливной...
Но стяг рассвета утро возвестил
И в золото всю землю превратил,
 И этот прах, лишившийся надежд,
 С тоской опять направился на Нежд.
Он об отце ушедшем горевал
И безутешно слезы проливал,
 Вдыхал он горечь сотен тысяч бед
 И дня не знал, утратив сердца свет...

62. Дружба Меджнуна со зверями

Предания хранитель и знаток
Так продолжал сказания поток:

Кто на ковре пустыни голой спал,
А гору на ночь под голову клал,
Родителя оплакал — и опять
В глуши бесцельно принялся блуждать.

Невзгодами в пустыне утомлен,
К земле Любимой перебрался он,
И там листок однажды подобрал,
Где кто-то имена их начертал.

Он Ненаглядной имя соскоблил,
И некто, это видевший, спросил:
«Вот ты «Лейли» сцарапал, но к чему
«Меджнуну» оставаться одному?»

«Мы нераздельны с Ней, и оттого
Нам начертанья хватит одного, —
Кто распознает любящего, тот
В нем и Любимой имя разберет!»

«Но почему же все-таки ее
Ты имя стер, не трогая свое?»
«Слыву я одержимым у людей, —
К чему Ей кожурою быть моей!

Сам обратиться рад я в кожуру,
Чтобы служить сладчайшему ядру!»
Сказал — и поспешил опять уйти
Куда глаза глядели, без пути...

Газели о любви своей читал,
Целительницу горести искал,

И, осуждений не страшась ничьих,
Порвал узду обычаяв людских.

Привык он, одичав совсем теперь,
Коренья находить и есть, как зверь,

И, как вожак, зверями окружен,
Клыка и рога не страшился он.

Стремительный олень с могучим львом
Стояли, будто странники с копьём,

И каждый, кто в пустыне обитал,
Служить Меджнуну искренне мечтал!

Отряды львов, волков, оленей, лис

К нему, как войско, в лагерь собрались,

И весь повиновался шумный стан,
А он — повелевал как Сулейман.

Орел — от солнца крылья распростер,

Несли всечасно грифы там дозор;

Такую мощь властитель получил,
Что хищников — от зверства отучил!

Овечку больше волк не задирает,

И когти от онагра лев убрал,

И зайца пес не помышлял кусать,
И львицу — газеленок мог сосать!

Теперь куда б ни направлялся он,

Всегда был этой ратью окружен,

Когда ж ложился изредка вздремнуть,
Лиса хвостом спешила пыль смахнуть,

Газель, склонясь (вот диво посмотреть!)

Ему старалась ноги растереть,

Онагр — ложем спину подставлял,
На круп оленя — голову он клал,

Лев застывал, чтоб сон его беречь,

С когтями, обнаженными как меч,

И рыскал волк вокруг в любую тьму,
Чтоб враг не мог приблизиться к нему.

На что уж тигр хищником рожден,

Но позабыл свирепость даже он,

И звери, словно стражники, всегда
Меджнуна окружали в три ряда.

Со всех сторон надежно защищен,
Сидел средь войска падишахом он, —

От ужаса, что звери разорвут,
Никто чужой не появлялся тут.

Случалось страже в клочья раздирать
Докучных, чтобы с глаз его убрать,

Кого же из друзей он призывал,
Того никто когтем не задевал!

Меджнун со стаей преданных зверей

Шел как пастух с отарою своей, —

Мог в хищниках друзей он находить,
Чтоб путь свой от двуногих оградить.

Судачил с изумлением народ

О том, как со зверьми Меджнун живет,

И торопились ротозеи в путь
На диво хоть бы издали взглянуть.

Не проходило дня, чтобы окрест

Не возникал пришлец из дальних мест,

И каждый странник пищу приносил
И разговеться вместе с ним просил.

А тот, сидевший в окруженьи львов

И повергавший в ужас удальцов,

Съедал крупицу подношений сам,
А остальное — отдавал зверям.

Годами он привычек не менял,

И каждый хищник — голову склонял,

И всюду звери бегали вокруг,
И каждый был кормильцу — верный друг.

Благодеенье — преданность родит,

Оно и человека покорит,

А злого пса людская доброта
Способна сделать ласковой кота!

63. Рассказ о чудесном спасении

Рассказ мой — о далеких временах.

Когда-то в Мерве был жестокий шах,

И всякий при дворе его дрожал

При виде псов, которых он держал.

Свирепыми как черти родились,

Как бешеные с привязи рвались-

Любой мог с Дету располосовать

Иль голову верблюду — оторвать!

Кто в шахскую немилость попадал,

Того конец ужасный ожидал:

Разгневанный правитель часто сам

Швырял людей на растерзанье псам.

Достойный некий муж ему служил,

Который славен доблестями был,

И, видя то, как шах друзей сжигал,

Он тоже опасаться гнева стал.

Что, если шах озлобится, кивнет —

И стража на клыки его швырнет?..

Он все предусмотрительно учел

И тайно со псалями дружбу свел.

С опаской приближаясь ко дворцу,

Он ежедневно псам кидал овцу

И постоянно хищников ласкал,

Покуда легким тяжкий труд не стал.

Из рук привыкнув пищу получать,

Бросались ноги псы ему лизать;

Но увидел у шаха гнев в глазах

Тот муж, который был пред ним как прах,

Собакосердным отдан был приказ

Швырнуть его собакам сей же час,

И в миг собакодушные впились

И с жертвою — на псарню понеслись.

Опутали веревками всего,

Втолкнули в клетку с хохотом его,

И поодаль остались наблюдать

Считая, что конца — не долго ждать.

Мотнулись, как всегда, подобья львов,

Оскалив злобно острия клыков,

Но, разглядев кормильца в виде том,

Ласкаться стали и вилять хвостом!

Замкнули благодетеля в кружок,

Спокойно у его уселись ног,

Заботливо, как слуги, берегли, —

И день прошел, и сутки протекли.

Когда же новый день свой лик явил

И черную парчу позолотил,

Вчерашнюю расправу вспомнил шах —

И прозвучала грусть в его словах:

«Был просто слеп я в злополучный час

Как заяц, спящий, не смыкая глаз!

Псам — газеленка бросил своего!

Взгляните, что осталось от него...»

Склонился перед шахом главный псарь:

«На псарне диво нынче, государь!

Нас юный ангел светом озарил, —

Аллах его из чуда сотворил!

Приди — и сам взгляни на этот свет, —

Чудеснее творенья — в мире нет, —

У пасти псов сидит он, жив и здрав,

Клыки своей печатью оковав!

Всех пожирала звери — до куска,
А он не потерял — ни волоска!!!»

Услышав это, шах возликовал
И за чудесно спасшимся послал.

Служители помчались выполнять —
Из клетки в зал ввели его опять,

И был властитель просто поражен,
Что муж достойный псами пощажён.

Встал на ноги, не утирая глаз,
И попросил прощенья сотни раз:

«Век об обиде буду сожалеть!
Но как ты ухитрился уцелеть?!»

«Случалось мне бросать подачку псам,
Покуда не был брошен им я сам, —

Добро бывшее возымело власть,
И псы передо мной сомкнули пасть.

Кольцо раба я десять лет носил,
И вот какой за это плод вкусил!

В неправом гневе был ты скор и крут,
Но даже псы друзей своих не жрут!

Кормил я их — и дружбу заслужил,
Они меня узнали, шах — забыл!

Собака — и за кость тебе верна,
А шаху — жизнь напрасно отдана!»

Был глубоко властитель изумлен
И ко спасенью путь увидел он, —

Проснулась человечность, и тогда
Он бросил псопоклонство навсегда.

Творя добро и милости даря,
Душа людская трудится не зря, —

Меджнун делился пищей и дружил —
И крепость неприступную сложил.

Все хищники, которым был он друг,
Стеной стояли прочною вокруг,

Куда бы он стопы ни направлял,
Отряд зверей его не оставлял.

И если ты поступишь так, как он,
Не будешь кровью плакать принужден, —

Пускай бы сам халиф за стол твой сел
Привязан будет, коли хлеб твой ел!

64. Меджнун любится чертогом Всевышнего

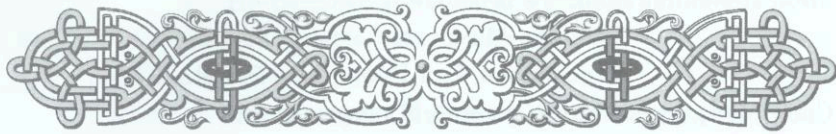
Ночь засияла ярко, словно днем,
Небесный свод стал синим цветником,
 И в перевязи яснозолотой
 Все колесо блистало красотой.
Плясали звезды хороводом дев,
Браслеты счастья на руки надев,
 И повергал все метеоры в страх
 Их талисман: «Могуч один Аллах!»
Полночный воздух мускусом дышал,
От жемчуга Луны весь мир сиял,
 И колесо небес с шестеркой спиц
 Наполнилось красою — без границ.
Менялся с каждым миготом небосвод,
Являясь в новом зареве красот,
 Все новые светила — без конца —
 Пылали украшением венца,
И колесницы всех созвездий ввысь
На полюс в медной крепости неслись.
 Фархад на скакуне в разведку мчал,
 В рукав Большой реки Корабль стал.
Плеяды, невесомые, как дым,
Взмахнули стягом желто-голубым;
 Свой шелк обшила золотом Луна,
 Украшив круг узором из льна,
Как будто на досуге шах стрелял
И в голову ей шариком попал;

 А Утарид, таившийся в углу,
 Похожим был на шахскую стрелу.
Зухра, насечка шахского седла,
Была как лик владыки весела;
 Как шахский меч, сжигающий огнем,
 Скрывалось Солнце, обнажаясь днем.
Маррих, всегда к сражению готов,
Стремился шахских ослепить врагов,
 Бурджис на перстне нес печать того,
 Кто счастье мира охранял всего,
Кейван держал на поясе брусок,
Чтоб государев меч острее сек,
 И всюду было шаха торжество, —
 Пусть полнится земля красой его!
Служа тому, кто блещет над людьми,
Сколь бесконечно славен Низами!
 От множества толпившихся светил
 Весь свод небесный ходуном ходил.
Своей улыбкой юная Луна
Дугу стремилась повторить Овна.
 Как Бык морской, Телец на небесах
 Жемчужины Плеяд держал в зубах.
Связавшись опояскою одной,
Уселись Близнецы на трон двойной.
 Как девы в облаченьях из льна,
 С Хукой сидела рядышком Хуна.
Когтями Зираи зажатый Рак
Уставил когти хищные во мрак.
 Нусра стремилась жемчуг раскидать,
 Турфа спешила золото раздать,
Джабха лучами своего чела
Бессчетные светильники зажгла.
 Львом Сердце Льва сияло в вышине,
 Уд грелся, как алоэ на огне.

Сунбула Деволикая одна
Не раздала без Сурфы ни зерна.
Вот Три Лепешки Щедрый там кладет
Как подаянье в Пиалу Сирот.
Спор мудрых мыслей у Весов возник
Словам их языка внимал Язык.
С Саманом мирным распротаясь едва,
Здесь Волопас собаку гнал на Льва.
Там Сердцу свой венок Венец дарил,
А Луку подать Скорпион платил.
Чтоб Вывозом и Ввозом завладеть,
Мог за игрой Правитель ночь сидеть,
И шею сам себе пилил, как мог,
Наслушавшийся сказок Козерог.
Забих, со страху онемев, дрожал,
Сад за поводья Ахбию держал,
Обжора тщился Господа молить Свой нена-
сытный голод утолить.
Сомкнул уста смущенный Водолей,
Хоть рот был полон влаги для полей.
Двумя строками был написан дар:
Вот — Мукадам, а это — Муаххар.
В роскошном Паланкине, не спеша,
Пасла табун Верблюдиц Альриша.
По Главному планетному пути
Спешили все созвездия пройти.
Вон Треугольник пути нацепил
Овну, который по небу бродил.
Вот, возносясь рывками мощных рук,
Опередил соперников Айук.
Треножник пищу засыпал в Котел
И крылья распахнул один Орел,
И всем известен как Летящий стал,
Стоячий же — крыла не распускал.

Слагательница песен в этот час
Меж Йеменцев пошла в веселый пляс.
Бродила Максута с одной свечой,
И ослеплен был Ворон Макбузой.
Свой Меч, блестящий, словно Млечный путь,
Повесил Меченосец Льву на грудь.
Горела Одинокая звезда
Над Головою Юга, как всегда.
Над подданными высился Престол,
А Третьего (Марс) — Четвертый (Юпитер)
превозмог.
То к Копьеносцу направлял свой шаг,
То влекся к Безоружному Самак,
Алькор, ведя беседу, проплывал
И зоркость глаза Зорких затмевал.
Был Волчий хвост чуть виден в вышине
Как тот Юсуф — в колодезе, на дне.
Вокруг гостей небесного дворца
Кружились плавно Девы Мертвеца,
И мчался Чтец Корана к Мертвецу —
Покинуть можно ль мертвого чтецу!

65. Меджнун взывает к Зухре

Завороженно глядя в небеса,
Меджнун красе дивился колеса.
 В Зухру свой взор молящий он вперил
 И со звездой так заговорил:
«Светило, озаряющее ночь,
Судьбе и счастью властное помочь,
 Судьбы опора, факел удальцов,
 Властительница судеб всех певцов!
В руке твоей — ключи любой мечты,
Вином любую чашу наполнишь ты!
 Печать кольца бесчисленных владык,
 В чертоге счастья — твой прекрасный лик!
Блаженство всех плененных красотой,
Твой нрав благоухает добротой, —
 Как милостыню, милость подари,
 Врата надежды — чуть приотвори!
Позволь вдохнуть Любимой аромат —
От муки отдохнуть я буду рад,
 Яви мне эту милость, будь добра,
 Заждался я — давно уже пора!»

66. Меджнун взывает к Муштари

Тут Муштари стал на небе блистать,
И вот Меджнун заговорил опять:
 «О, благостная светлая звезда,
 Ты слово держишь данное — всегда!
Друзьям своим готовый услужить,
К ногам — любые царства положить,
 Тот, чьих посланий — милостивей нет,
 Творец завоеваний и побед!
Тот, кто порядок дел установил
И мир благополучьем оделил,
 Кто может вознести мою звезду
 И сердцу силу дать, которой жду!
От горестей бесчисленных укрой,
Излей великодушье надо мной, —
 Хоть слово принеси, не будь жесток,
 Из сада роз — хотя бы лепесток!
Услышь меня с небесной высоты,
Взгляни хоть раз всемилостиво ты,
 Замедли на мгновение шаги
 И, если только можешь, — помоги!»

67. Меджнун молится чертогу Господнему

Увидев безразличие планет
У коих и стоянки в небе нет,
Он понял, что пустой мечты игра
К делам его не может быть добра.
И вот вознес он пылкую мольбу
К Тому, кто властен изменить судьбу,
Помочь земным уладиться делам,
Ни в чьей поддержке не нуждаясь Сам.
«Надежда высочайшая моя,
Защита больше не нужна — ничья!
Заглавье Книги сущих и судьбы,
Зухра и Муштари — твои рабы!
Ты ведаешь, чего не знаем мы,
Ты милосердней, чем считаем мы,
Мечтам препоны рушит длань твоя,
Всегда великодушный Судия!
Дела владык улаживаешь Ты,
Невзгоды малых — сглаживаешь Ты,
Ошейник твой всегда на нас надет
И Господа у нас иного — нет!
Могуществом Ты семь небес воздвиг,
Все сущее Ты покоряешь вмиг
Тебе послушны люди и земля,
Все шесть сторон, все горы и поля!
Тебя никто из смертных не видал,
А если видел — зрение терял!

Хоть псом Тебе служивший — чист любовью!

Да станет прахом тот, кто не с Тобой!

О, сделавший мой прах светлей струи,
Взгляни хоть раз на горести мои
И не покинь на свете одного
Без доли милосердья Своего!
По милости великой сделай так,
Чтоб кончился рассветом ночи мрак,
Взошла на волю радости звезда
И дни любви настали навсегда!»
Проговорил он это и вздохнул,
С последним слогом — накрепко уснул,
И взору истомившихся очес
Предстало древо счастья — до небес.
Вдруг ласточка с ветвей его снялась
И напрямик к Меджнуну понеслась,
И жемчуга из клюва своего
Вдруг уронила на венец его!..
Когда от сна глаза он отворил,
Уже рассвет край неба озарил,
И стало на душе его легко,
И смог он улыбнуться широко.
Припомня птицу, что во сне видал,
Он сам как птица окрыленным стал, —
С несбыточной Мечтою мы вполне
Вкушаем встречу в грезах — да во сне...

68. Меджнун получает письмо от Лейли

Прекрасный день в сиянии настал,
И взор у всех, кто видел, заблестал, —
 Казалось, райский сад был не далек
 И животворный веял ветерок.
Припомнив, видно, все свои долги,
Удача с правой поднялась ноги,
 И счастье, от укоров утомясь,
 Вдруг улыбнулось, крепко приподнясь,
Всю муку беспредельную вобрав,
Посеяв сердце — горести пожав,
 Меджнун в то утро на холме своем
 Сидел, привычным окружен зверьем.
Возникло что-то темное вдали
И приближаться начало в пыли,
 Меджнун в пустыню вглядываться стал
 И благородный муж ему предстал.
О, как сиял он! как язык огня!
Вот соскочил он поодаль с коня,
 Меджнун навстречу всаднику шагнул —
 И поднялся вокруг звериный гул
Но, разглядев, что это друг идет,
Чей был весьма высок к тому же род,
 Махнул Меджнун, — рычанье унялось,
 И все зверье спокойно улеглось.
О, йеменская славная звезда,
С добром ли ты пожаловал сюда?

Хоть видеть я тебя сердечно рад,
А все насторожен в пустыне взгляд.
Страшусь веревок, ибо змей видал,
Да что змея, — дракон меня терзал!
 Болтался тут любитель поболтать
 И в грудь мне изловчился шип вогнать,
То острое безжалостно впилося
И сердце рвет, как будто вбитый гвоздь.
 Коль и твоя поклажа такова,
 То не расходуй попусту слова!»
Едва приезжий это услышал,
Как тень, к ногам меджнунным припал.
 «О, слава достославных, — молвил он, —
 Кто из зверей тобой не приручен!
Газели льнут, как ласковый вьюнок,
И лев покорно стелется у ног!
 Особенная выпала мне честь —
 От друга другу весточку принесть.
Прошу, чтоб тайно слух ты отворил
Словам, каких никто не говорил.
 Когда согласен слушать — я скажу,
 А коли нет — обратно поспешу.»
И вот с надеждой, дрогнувшей в груди,
Меджнун воскликнул: «Говори, не жди!»
 И услышал от вестника Меджнун:
 «Судьбы твоей смиряется скакун!
В становище недалеко стороны
Я встретил божество — светлей Луны, —
 Подобно Солнцу лик ее сиял,
 Наряд — золототканый укрывал,
На кипарис похожа — но нежней,
И сад небесный — меркнет перед ней!
 Так речь ее приятна, что когда
 Польется — не колышется вода,

И так чарует взор газельих глаз,
Что лев, как заяц, застывал не раз!

Чернеют волны локонов, как «джим»
Стан — словно «алиф» прям, а ротик — «мим»,
Что значит: «Я по буквам — чаша джам,
Всю землю отражающая вам!»

Глаза — нарциссы, темные от сна,
В них влага родниковая видна,

И свод бровей над ними сросся в «чет»
Хоть «нечет» непреклонно и речет².

Сердца чарует, похищая, взгляд,
Дыханье — источает аромат,

Сравнение в проворстве — кто найдет?
Ресницы взмах! Дыхания полет!

Но долгая разлука и тоска
Всю иссушили — тоньше волоска,

Стрела ее согнулась как дуга,
И льются слезы, словно жемчуга.

Тростинкой стал ореховый росток,
И аргаван — как примула поблек,

Но примула ее — позлащена,
Тростник же — прямо сахарный она!

Душою всей возлюбленного ждет,
Но страх — уйти от мужа не дает...

Поток из-под ресниц на розы лил,
И Солнце это — лунный свет мертвил.

Рыдала так безудержно она,
Что стала грудь от боли мне тесна.

«Скажи мне, кто ты? Плачешь отчего?
И слезы горько льешь — из-за кого?»

Отверзла сахар уст, в улыбке — боль:

«О, бросивший на рану сердца соль,
Та, что Лейли прославленной была,
Безумством сто Меджнунов превзошла!

Стократ безумней стал рассудок мой,
Чем у безумца с черною судьбой, —

Хоть с ног сбивает горестей струя,
Он все-таки не женщина, как я!

В любви своей он волен потому,
Что опасаться некого ему,

Моих мучений ад его не жжет, —
Куда б ни пожелал, туда идет;

А у меня на свете — никого,

С кем хоть словечко молвить про него, —
Заговорить ни с кем я не решусь,
Настолько быть ославленной страшусь!

Сама — бальзам, но пью горчайший яд,
Скрываю в сердце настоящий ад,

И горе Одинокого гнетет,
И стража, что на шаг не отойдет.

Сама с собой мучительно борюсь,

Но — между жерновами нахожусь, —
И на отца не в силах я восстать,
И не решусь от мужа убежать.

Любовь велит мне: «Ужас — отряхни, —
От ворона и коршуна — вспорхни!»

А стыд и имя доброе: «Не смей!
Ты — куропатка, сокол-то — сильнее...»

Бойцов способна женщина сразить,
А все же ей мужчиною не быть,

Пускай как лев отважна и сильна,
Все остается женщиной она...

Раз не уйти от горя никуда,

Сжилась я с ним на долгие года,
Но как любимый без меня живет?
Помыслию — кровью сердце обдает!

Чьи он листы читает без меня?

Чем занят в миг любой любого дня?

И по какой дороге он бредет?

И что его в конце дороги ждет?

Каких людей он избирает круг,
И есть ли у него в скитаньях друг?

Скажи мне, если знаешь, что-нибудь

А после с миром свой продолжишь путь!

Поскольку о тебе давно я знал,
Молчать в ответ, конечно же, не стал, —

Ее дыханье образ твой влечет,

Как под печатью мягкий воск течет!

Ответил я: «Он сам себе не рад, —

Друзей покинул, не взглянув назад,

Лишь воздух — все имение его,

Лишь звери — окружение его.

Из-за любви несчастьем он разбит —

И об отце мучительно скорбит,

Шипы его ежеминутно рвут,

И все его дела не в лад идут.

То о любви к Тебе ведет рассказ

И тысячу потоков льет из глаз,

То горько об отце рыдает он

Так, что из камня исторгает стон!»

Тут из твоих пленительных касид,

Напев которых в памяти звучит,

Прочел я два-три бейта той Луне —

И вопль из сердца был ответом мне!

Поникла побледневшая Луна —

Подумал я, что умерла она,

Но голову со стоном подняла —

И вся слезами сердца изошла.

Рыдала о твоём она отце

И причитала о его конце,

Скорбя о том, что ты от ней далек

И в тяжком этом горе — одинок.

Проплакав долго и попричитав,

Так попросила, клятвою связав:

«О, благородный с чистою душой,

Поддай мне руку, будь спаситель мой!

Когда отъезда подойдет пора,

Замедли шаг вон у того шатра,

Чтоб я письмо могла тебе вручить

О том, как тяжело мне без Кейса жить.

Спеши тайком к возлюбленному с ним,

Да будет помощь спутником твоим!» —

Она простилась, кончив речь на том,

И я своим отправился путем.

Вчера, как обещал, прошелся я

Перед отъездом близ ее жилья, —

Наряд она надела голубой

И мне тайком письмо дала с собой.

Печать тоски послание несет, —

Письму печать величье придает!»

Окончив речь, посланье он достал

И, прежде чем отдать, поцеловал.

Меджнун письмо восторженно схватил,

От счастья все кругом разворотил,

Вертелся вихрем, бешено скакал

И щедрый дар из рук не выпускал!

Затем как пьяный грохнулся во прах,

Бесчувствен, но с письмом ее в руках,

Когда же, наконец, глаза открыл,

Столбы терпенья в сердце укрепил.

69. Письмо Лейли Меджнуну

Но вот посланье распечатал он,
И был зачин к Аллаху обращен:
 «Хвала в начале этого письма
 Отцу живых, прибежищу ума,
Кто мудрецов прославленных мудрей,
Кому понятна даже речь зверей,
 Творцу и тьмы, и света без границ,
 Кормильцу всех бессчетных рыб и птиц
Кто светом звездным залил небосвод,
Земле для украшения дал народ,
 Кто над землей велик и присносущ,
 Предвечно жив, нетленен, всемогущ,
Кто всех людей душою наделил,
Весь мир — имущим душу подарил,
 Кто в души внес сияние ума,
 Украшив мир, где властвовала тьма!»
Жемчужины, рассыпав без числа,
Лейли к речам любовным перешла.
 «От той, что исстрадалась, эта весть
 Тому, чьих тяжких горестей — не счесть,
От той, чья участь — в башне вековать,
Тому, кто смог решетки разломать!

Как ты живешь, о, друг моих тревог,
Как ты живешь, семи небес пророк?
 Бесценной дружбы клад тобой храним,
 Светла любовь сиянием твоим!

Горячей кровью гору обагрил,
Агатом сердце в камне ты сокрыл,
 Ты — как воды бессмертья ручеек,
 Ты — предрассветной свечки мотылек!
Мишень для тяжких ран из-за меня,
Я знаю, что дожждаться надо дня,
 Когда восстанут те, кто недвижим,
 Чтоб стал навек ты спутником моим!
Нисколько не жалеющий себя,
Всей жизни урожай ты сжег, любя,
 Всю душу ты вложил в любовь ко мне
 И повод дал досужей болтовне...
Не нарушал ты верности своей,
И сердце я вручила тоже ей,
 С одним тобою все мои мечты,
 Но ждешь ли ты? Кого там любишь ты?
Со счастьем и с тобой — разлучена,
Твоя чета я, хоть всегда — одна!
 Тюремщик мужем числится моим,
 Но не спала я даже рядом с ним!
Хоть извелась невыносимо я,
Жемчужина не тронута моя,
 Хранит печать сокровищницы дверь,
 Как розовый бутон в саду, — поверь!
И муж, и пышность важная его —
Что для меня без лика твоего!
 Хотя чеснок на лилию похож,
 Для притираний — вовсе он не гож!
Когда совсем завянет огурец,
Лимонно-желтым станет под конец, —
 Конечно, будет кисловатым он,
 Да ароматом — вовсе не лимон!

Мечтала в мире этом и везде
С таким, как ты, я жить в одном гнезде,
 Но если счастьем нашему — запрет,
 То для меня и вовсе — жизни нет!
Пусть все напасти мучают того,
Кто счастья не желает твоего!
 Мне целый мир — один твой волосок,
 Цветущий сад — шипы твоих дорог!
Просторов обитатель голубых,
Со мною слейся током вод живых!
 Ты — блещущее Солнце, я — Луна,
 Любуюсь издалека, век одна!
Не властна я сама к тебе прийти, —
Все знаешь ты — поэтому прости...
 Узнав, что мир покинул твой отец,
 От горя помертвела я вконец,
От слез лицо рассталось с красотой,
Как будто я осталась сиротой.
 В глазах моих — колючки лютых бед,
 Наряд — окрашен скорбью в синий цвет,
С тобою, как родные и друзья,
Ушедшего оплакиваю я.
 Хоть навестить тебя и не смогла,
 Глубокий траур — свято соблюла;
Пускай разлучены мы злой судьбой,
Во всякий миг душа моя — с тобой!
 Я знаю, муки терпишь ты давно,
 Но терпят все — иного не дано.
Явившись на день-два в юдоль сию,
Приемли скорбь безропотно свою...
 Глаза способен, кто умен, прикрыть
 Чтоб видом слез врага не веселить;

Не станет мудрый горе вспоминать,
Чтоб враг его не мог возликовать.
 Зерно бросают — зная наперед,
 Что из посева — колос возрастет!
Стоит в колючках пальма много дней,
Но завтра — будут финики на ней;
 В шипах еще бутон сегодня скрыт,
 Но розу не расцветшую таит!
Оставь печаль о том, что друга нет, —
С тобой везде души моей привет!
 Рыдать и биться одиноким — грех,
 Когда Аллах — друг одиноких всех!
Как молния, от скорби не сгорай,
Как облако, в слезах не утопай,
 Отец ушел — пусть вечно сын царит,
 Рудник обрушен — пусть алмаз горит!»
Расцвел, прочтя письмо Любимой, он,
Как будто роза прорвала бутон, —
 «Хвала Аллаху!!!» — радостно твердил
 И все никак в себя не приходил!
Когда же успокоился опять,
Часы слезами принялся считать,
 Посланцу руки, ноги целовал
 И отлучиться — вовсе не давал.
«Пера, чернил, клочка бумаги нет, —
Как напишу я на письмо ответ?!»
 И вестник из одежд ларец извлек
 Проворно, как собирающий налог.
Набор для письмоводства разложил,
Почтительно Меджнуну предложил, —
 Перо в волненьи плавное он взял
 И тысячи узоров начертал,

Сумел на ожерелье слов любви

Он нанизать все горести свои,

Письмо закончив, бережно сложил

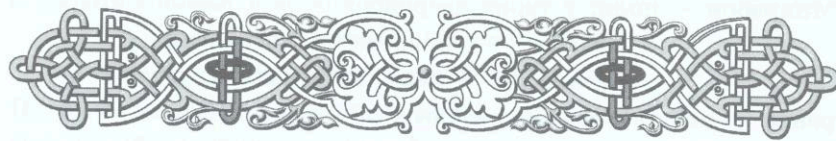
И вестнику с надеждою вручил.

С письмом посланец ветром взмыл — и нет,

Как увозил — тайком вручил ответ,

Взяла Лейли письмо, что он привез,

И залила потоком горьких слез.

70. Ответ Меджнуна на письмо Лейли

«Во Имя Вседержителя планет,

У коего друзей в подмогу нет,

Кто тайное и явное хранит,

Кто создал как жемчужину гранит;

Владыки звезд, кружащихся толпой,

Медведицы и Малой, и Большой,

С любовью создающего сердца,

Творящего рассветы — без конца,

Цветы весны поящего водой,

Помощника измученным нуждой!»

Затем Меджнун о муках говорит

Словами сердца, что огнем горит:

«Лишившийся покоя пишет Той,

В ком — сердца разлученного покой,

Нет, тот, чья кровь пылает и поет,

Той, кто ее небрежно продает, —

Ключи от счастья — в каменном мешке,

Сокровище твое — в чужой руке...

Пусть безрассуден — прах я твой всегда.

А чья же Ты, прозрачная вода?

Душою я — у ног своей Мечты,

Но пояс чей развязываешь Ты?

От горестей своих привык страдать,

А Ты — кого стремишься усладить?

Попону за Тобой ношу, как раб¹,

Но даровала ль взгляд Ты мне хотя б?

Мне служит Каабой свет твоих очей,
Михрабом — полог у твоих дверей!

Бальзам — для сотен тысяч на земле,
В вине Ты — перл, вино Ты в хрустале!

ренец — не для моей Ты головы,
Не мною Ты похищена, увы, —

В руках врагов — неоценимый клад,
И только сторож-змея приполз назад²...

Как сад Ирема недоступна Ты —
Незримый рай небесной красоты,

Ты — ключ к моим жестоким кандалам,
Страстей моих мучительных — бальзам!

Щади росток из леса своего,
Не обломай секиру об него.

Лежу во прахе — сжался и не бей,
С дороги запыленного — пригрей!

За ласки — принесу Тебе весну,
А если ранишь — только пыль одну.

Земле потребны нежность и уход,
Без них — не розы, только пыль встает.

К ногам твоим я голову кладу,
Не отсекай — жестокости не жду, —

Коль милосердье в мире пропадет,
Бесстыжим человечий станет род!

Прославился я, став твоим рабом,
С глаз прогоняя — сделаешь врагом;

Я с ношей рабской³ — на твоем пути, —
Стремись величье госпожи блюсти!

Хоть наземь бросил щит перед Тобой,
В меч превращусь — от резкости любой, —

Свое оружие камнем не разбей
И против рати не воюй своей!

Когда себя поранишь невзначай,
Боль — другу причинишь, не забывай!

Старайся с лаской к людям подходить,
Чтоб и свободных — в рабство обратить!

Когда хозяин мягкости лишен,
С рабами совладать не может он,

А тот, кто обходителен и тих,
Рабов имеет, не платив за них.

Пусть на дирхемы купленный Тобой
Безвинной не туманится слезой.

Я твой, — кольцо мне в ухо продевай
И у себя держи, — не продавай!

Пересекла Ты пастбища черту,
В чужом краю нашла себе чету,

Навеки день мой превратила в тьму, —
Смертельно ранив, стонешь почему?

Ты сердце отняла, вздохнуть не дав,
И вряд ли вспомнишь, душу отобрав,

Подковы в дар не получил мой конь,
Но целых сто — любви моей огонь!

Меня словами острыми язвишь,
Горю — а Ты еще и не кипишь,

Но не всегда длиною языка
Отгородиться можно от клинка,

Подводит длинный лилию язык, —
Играя, нож ее срезает вмиг!

У тех, кто непритворно влюблены,
Все чувства на лице отражены.

Того, что мне любовью суждено,
Не вижу — покажи мне, где оно!

То, что нарушен уговор со мной
И стал твоим избранником — иной?

Язык одних обманов слышу я,
А с тем — любовь согласная твоя!

Внимал я заверениям пустым,
Но где ж дыханье, слитое с моим?

Когда любовь настолько неверна,
То это — власть бездушная одна!

Ты равнодушно сердце унесла —
И мне тоску навеки продала!

Взор обращаю лишь на твой чертог,
Главу склоняю лишь на твой порог,
 Гадая, жду, с какой же стороны
 Ты явишь лик сияющей Луны!
Как счастлив тот, кто на Тебя глядит
И на ветру, понурясь, не сидит!
 Как счастлив, кто любит Тобой,
 Владея драгоценностью такой!
Хоть пеньем соловьиным славен сад,
Инжир созревший — вороны едят;
 Поит водою сердца садовод
 Гранат, когда больному подает.
Такой порядок исстари царит,
Что ты в нужде, а клад — землею скрыт,
 Когда ж рубины цвета лепестков
 Избавятся от каменных тисков!
Луна, очам дарующая свет,
Из лап дракона вырвется иль нет?
 Когда от меда улетит пчела?
 Дождусь ли, чтобы стража вон ушла?
Когда ж казны отверзнется затвор
И прочь хозяин скроется, как вор?
 Пятно когда же с зеркала сойдет,
 А змей, хранитель клада, уползет?
Когда ж из подземелий крепостных
Ты выйдешь, Госпожа всех дум моих?
 Когда же рухнет с башни крепостной
 Тот страж, что разлучил Тебя со мной?
Хоть от меня светильник твой далек,
Пусть вокруг него порхает мотылек, —
 Хотя и горе Ты мне принесла,
 Я не желаю Ибн Саламу зла!
Ты — свет, и Ты ж — мучение мое,
Ты — боль и излечение мое!
 Хоть крепость и железная стоит,
 И жемчуг ясный — в раковине скрыт,

Но если с цепью вьющихся волос
Дракон мое сокровище унес,
 От жгучего любовного огня
 Терзают опасения меня!
Да стоит на Тебя хоть мухе сесть,
Как мне уж муки ревности не снести, —
 Чудовищно влюбленный ослеплен:
 За коршуна — и муху примет он!
Я не устану муравьем сновать,
Чтоб муху эту с сахара согнать;
 Стону с тоски — и можно ль не стонать,
 Как тяжело мне — можешь ли Ты знать!
Я — как юнец, что жаждал барыша,
Для вклада не имея ни гроша,
 О розе, что не сорвана, грустил,
 И жемчуга стерег, хоть не купил...
О, мой жасмин, терплю я всякий час
И в горле сушь, и увлажнение глаз,-
 Мечусь сильнее, чем видала Ты,
 И ум — большее, чем слыхала Ты!
Сам о себе я начисто забыл,
Едва на путь служения ступил,
 Ведь без самозабвения идти
 Немыслимо по этому пути!
Когда любви не отдана душа,
Любовь не стоит вовсе ни гроша!
 Лицо твоей любви — милей всего,
 Пусть личика не вижу твоего!
Ответишь на тоску мою, любя —
И сладки станут раны от Тебя!
 Пускай бальзама нет от этих ран,
 Здорова Ты — и тем покой мне дан!»

71. Медждуна навещает его дядя Селим

Гранильщик слов когда-то рассказал —
Как жемчуга на нитку нанизал:
Средь тех, кто соболезновал певцу,
Был некий старец, — дядя по отцу.
Высокороден, доблестен он был,
Хоть и возвышен, чванства не любил, —
Селим он звался, родом Амирит,
А мудростью — кудесник Самирит!
Тому, кто всех как язва ужасал,
Заботливо что мог он припасал
И доставлял ему из года в год
Еду и все, чем человек живет.
Вот сел на скакуна Селим опять,
Чтоб ехать одичавшего искать,
И по пустыне конь, неударжим,
Помчался вихрем бешеным под ним.
Носил его неистовый скакун,
Пока в горах не найден был Медждуна, —
Людей оставив, доступ им закрыв,
Скитался он средь хищников, как див.
Зверей страшась, лежавших рядом с ним,
Его окликнул издали Селим, —
Приветствие племянник услышал:
«Ты кто такой и как сюда попал?»
«Я — Амирит по имени Селим,
Что временем и согнут, и гоним,

Твой дядя я, но дальше — не шагнуть
И на тебя поближе не взглянуть.
Лицо твое — под черной пеленой, —
Ты словно эфиоп передо мной!»
Узнал его Меджнун и пригласил,
И пред собою нежно усадил.
Расспрашивал о всем и обо всех,
Вернулось и спокойствие, и смех,
Но совершенно голым он сидел —
Ни савана, ни ямы не имел...
С одеждой выюк Селим ему принес,
И долго уговаривать пришлось:
«Дары — от сердца, стыдно их бросать,
Оденься, чтоб меня не огорчать!»
«К чему? Наряды ненавистны мне, —
Горю я в них, как мускус на огне, —
Считай, что я о камни и сучки
Едва надев, порвал их на клочки...»
С трудом сумел Селим уговорить
Меджнуна наготу свою прикрыть;
Халву, печенье сладкое достал
И с угощеньем скатерть разостлал,
Но, как ни уговаривал его,
Ответом был отказ ото всего, —
От пищи он людской совсем отвык
И роздал все зверям в единый миг.
Осталось дяде тягостно вздохнуть:
«О, горе, ешь ли ты когда-нибудь?
Ведь людям, чтобы жить, нужна еда!
Коль человек ты, чем ты жив тогда?»
«Благословенный дядя мой Селим,
Ты чистотою с сердцем схож моим!
Из тела жизнь угасшая ушла,
А с ней — потребность в пище умерла!

Навеки я избавлен от забот, —
Еда меня и в мыслях не влечет,
И горлу — крошки хлеба не вместить,
И больно — попытаться проглотить.
Настолько плоть моя истощена,
Что ей уже и пища не нужна,
Но незачем выбрасывать еду:
Не ем, а едоков всегда найду, —
Глодает лев или жует олень,
А я взгляну — и сыт уже весь день...»
Смекнул Селим, что этот чуть живой,
Про хлеб забыв, питается травой.
И, раз уж накормить — надежды нет,
Промолвил дядя ласково в ответ:
«Да, соблазнившись лакомством, сынок,
Пичуги попадают в силок!
Того, кто жаждет большего всегда,
Подстерегает большая беда,
А кто, как ты, одной травинкой сыт,
Спокойно в мире собственном царит!»

72. Рассказ Селима

Однажды некий достославный шах
Катался на коне в своих краях.

В развалинах жильё заметил он —
И задержался, так был удивлен.

«Кто обитает тут, и отчего
В глуши такой — пристанище его?

Что ест он? и на чем тут можно спать?
Какого сана он — желаю знать!»

Ответили: «Отшельник тут живет,
Который в рот ни крошки не берет,

От мира удалился он сюда
И пребывает в скудости всегда.»

Узнав о благочестии таком,
Шах к мудрецу поехал напрямиком,

И вот слуга направился с пути —
Отшельника к владыке привести.

«Вдали от мира ищущий покой,
В труппе обитающий такой,

Совсем без близких — как же ты живешь-
Совсем без пицци — что же ешь и пьешь-»

А тот сухой травы щепотку взял
И так посланцу шахскому сказал:

«Вот пицца — и не надо мне иной,-
Здесь и припас, и конь летучий мой»-

Промолвил снисходительно слуга:

«К чему себя ты мучишь, как врага?

Служил бы шаху, бросив чепуху,
Тогда б не ел подобную труху!»

А тот в ответ: «Как мало смыслишь ты, —
Ведь это ж — медоносные цветы!

Когда б ты тайну трав моих постиг
Служить бы шаху отказался вмиг!»

Услышав это, шах был изумлен,
В волненьи соскочил на землю он,

К коленам говорившего припал,
Молился за него и целовал!

Довольный малым — истинно богат,
Его владеньям бури не грозят!»

Рассказ Меджнуна так развеселил,
Что оживленно он заговорил

О тех, с кем дружба прервана была,
Выпытывая, как у них дела.

Но вскоре — безутешно зарыдал
И спрашивать о матери он стал:

«А птица с переломленным крылом
Жива ли? не нуждается ли в чем?

Хоть перед нею — черен со стыда,
Рабом ей черным буду я всегда!

Здорова — или, милуй Бог, больна?
Взглянуть бы только, как живет она!»

Селим же, видя тяжкую тоску
Алмаза по родному руднику,

Не стал без рудника алмаз бросать
И из дому к нему доставил мать.

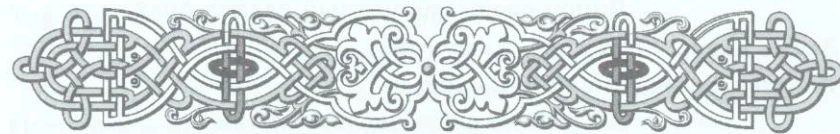

73. Встреча Меджнуна с матерью

Когда она в ущелье добралась,
Расколотым увидела алмаз,
Совсем поблекшей — розы красоту
И зеркала былого черноту.
Разбилось сердце горестно у ней,
И стали ноги тяжелей камней.
Омыла лик его потоком слез
И гребнем расчесала ком волос.
Любовно глядя с головы до ног,
Ощупывала каждый уголок,
Рыдала, видя каждый новый шрам,
И очищала язвы здесь и там.
Отмыла — голова в пыли была,
Из ног его занозы извлекла,
И вот, осыпав ласками всего,
Сказала, нежно глядя на него:
«Разбой твой тюркский¹ прекратить пора¹,
Жизнь — это не любовная игра!
С двумя мечами мчится смерть на нас,
Но опьянен ты в этот самый час!
Ушел отец, измученный тоской,
Уйду за ним я скоро на покой,
Домой вернись, да поскорей решай,-
Родимого гнезда не разрушай!
И зверь, и птица всякая всегда
С рассветом улетает из гнезда,

Когда же загорается закат,
В гнездо вернуться засветло спешат
Доколе всех ты будешь избегать?
Доколе будешь сном пренебрегать?
Пока не утекла по капле жизнь,
В постель спокойно вечером ложись
Покинув безутешную семью,
То муравьев ты топчешь, то змею.
Представь, что вдруг тебя ужалит гад —
И муравьи ничтожные съедят!
Душа — не горсть безжизненных камней,
Зачем ты издеваешься над ней?
И так терзаешь сердце ты давно,
Хоть вовсе не железное оно!»
Едва он причитанья услышал,
Сжигающим огнем заполыхал:
«Венца дороже — то, что ты пришла!
Жемчужину ты — в муках родила.
Пускай беспутным все меня бранят,
Ты знаешь то, что я — не виноват.
Невзгоды эти, выпавшие мне,
Не по моей произошли вине.
Случилось то, что было суждено, —
Переменить судьбу нам не дано,
Ведь не во власти, знаешь ты, людской
Любовь с ее страданьем и тоской...
Из клетки душу хочешь ты добыть,
Чтобы в другую клетку посадить,
Но если это сделаешь со мной,
То я же в клетке окажусь двойной!
Нет, не старайся в доме запереть, —
Боюсь с тоски я дома умереть,
Считай, что, как разбитый саз без струн
Вернулся — и опять ушел Меджнун!

Речь о гнезде не стоит продолжать,
Коль шашки народов в гнездах не сдержатъ
Мне эта боль навеки суждена,
Оставь меня — и воротись одна!..»
Как тень Меджнун к стопам ее припал, —
То ноги ей, рыдая, целовал,
То прах земной у материнских ног,
Жалея, что послушаться не мог!
Простясь, опять направился в пески,
Мать безутешно плакала с тоски,
Скорбя о нем, до дома добралась —
И тягостная жизнь оборвалась...
Все заверенья время сокрушит;
Зерно оно разбрасывать спешит,
Засеет, сколько можно обозреть, —
И скашивает, еле дав созреть!
Светильник каждым вечером зажжет
И в сердце на ночь пыл ему вдохнет,
Но убивает, чуть блеснет рассвет:
Подует ветром — и огня уж нет.
Вдохнувший в нас огонь круговорот
Игру как с тем светильником ведет:
Судьбина ноги спутывает нам,
Влачимся в путах мы по всем путям,
И только тот освобожден от пут,
Кого на четырех конях несут...²
Душой от этих пут освободись,
Как пламя, в их узлы не попадись!
Алоэ отвращает скверный глаз,³
Завязывая узел много раз,
А ты живи — как мускусный пупок,
Чтоб аромат добра сквозь узел тек!

74. Меджнун узнает о кончине матери

Рассветный всадник вырвался вперед,
Отвоевал у всех небесный свод,¹
И не страшась того, что ночь черна,
Поставил чашу яркого вина.
Настало утро, как заведено, —
И расплескало алое вино;
Меджнун касыды петь не прекращал —
И в барабан скитания стучал.
В песках бродить избрав себе удел,
Касыду за касыдой горько пел,
И неоткуда было ему знать,
Что смертный час уже похитил мать.
Поехал вновь заботливый Селим
В пески пустыни повидаться с ним,
Нашел его, прикрыл и накормил
И скорбно о беде заговорил:
«Страдалица отмучилась, сынок, —
Тебя да упасет от смерти Бог!
Вослед отцу пожитки собрала
И, о тебе печалась, умерла...»
Услышав, что ее не воротить,
Себя Меджнун стал по лбу колотить,
Всего его рыданье сотрясло,
И рухнул он на камни тяжело.
С печалью о родителях своих
Пошел, рыдая, на могилу их,

И, к ней припав в мучительных слезах,
Лицом своим священный гладил прах.
Земли могил — то этой, то другой
Касался он заплаканной щекой,
Но тщетно слезы падали во тьму,
Лекарство после смерти ни к чему...
До племени стенанья донеслись, —
К лежащему родные собрались
И увидали, что рыдает он,
Скитаньями и горем изможден.
Склонились над простершимся в пыли,
Кровавых слез потоки потекли,
И все глаза при виде муки той
Его омыли розовой водой.
Когда же безрассудный тот опять
Обрел рассудок, стали обнимать
И на стоянку повлекли свою,
Чтоб удержать в родном его краю.
Рванулся с воплем он, что было сил,
И снова от толпы себя сокрыл;
В пустыне сердце наполнилось тоской,
А печень жгло кровавою рекой.
Зверей одних лишь видел он вокруг
Друзей не зная, никому не друг,
От мира было счастья ждать невмочь,
И вечно он бежал от мира прочь.
Вся жизнь как туча темная текла
И молнию к себе уж не влекла.
Все смерти ждет — сомнений в этом нет,
И жизнь — лишь миг, живи хоть сотню лет...
Не думаешь, что к смерти все идет,
Не ведаешь, когда разлука ждет, —
Самим собой гордишься ты пока,
Считая, что кончина далека!

Но жизнь несет погибели печать,
Так можно ль вечной радости желать?
Умом убогим что-то узнаешь,
Но знать не знаешь, долго ль проживет!
Пускай в земле пылинка чуть видна,
Есть у нее длина и ширина,
Однако же в сравненьи с Каф-горой
Лишь «алиф», еле видимой чертой!
Сам погляди, большой ли ты листок
В посеве, что по всей земле пролет!
Взгляни — и рассуди, до коих пор
Небес пребудет над тобой простор!
Ну, ладно, самомненье — не в упрек, —
Пускай и впрямь высок ты и широк,
Но вся твоя длина и ширина
Пред небосводом — попросту смешна!
Свой срок во всей Вселенной оцени —
Увидишь, как ничтожно кратки дни,
Ничтожный свой размер перешагнешь —
И бросишь хвастать тем, что ты живешь.
Не раздувайся, словно мех пустой,
Свою ничтожность осознай и скрой.
Ты с подлинным блаженством не знаком —
Жить, не нуждаясь на земле ни в ком.
Пока поддержка чья-нибудь нужна,
Все время будет жизнь омрачена,
И лишь тогда величие придет,
Когда нужда в поддержке — отпадет!
За корку псом ничьим не становись,
За крохи — кошкой о сапог не трись, —
В работе ярким факелом пылай,
Душою пламя, как свеча, питай,
И мир-султан рабом склонится вмиг, —
Ведь Низами же этого достиг!

75. Лейли призывает Меджнуна

Как куколка в узилище, Лейли
Изнемогала в крепости, в дали,
 Как хвост змеи, покоя лишена
 И тысячами бед окружена.
В расстройстве, как любимого дела,
Как на погибель, заперта была, —
 Запуталась в узлах своих цепей,
 Хотя оков и не было на ней.
Охраной муж ее одолевал,
Над жемчугом — алмазы проливал,
 Чтоб к идолопоклоннику тому
 Не скрылась опьяненная во тьму.
Старался от нее не отходить,
Заботою и лаской угодить,
 Она же, равнодушна ко всему,
 Не обращала даже взор к нему.
Забыла муха сахар как-то раз,
Оставил башню стражник в этот час,
 И, хоть чернее негра ночь была,
 Лейли искать любимого ушла.
Уселась у скрещения дорог,
Где вражий глаз застать ее не мог,
 Расспрашивать проезжих стала всех
 О друге, уповая на успех.
И довелось ей старца повстречать,
Готового о милом отвечать,

Как странник Хызр доброго, точь-в-точь
Желавшего ей всячески помочь.
И задала невольница вопрос:
«Не ведаешь ли ты велений звезд?
 Кто от людей к зверям одним влеком
 О ком поет искусным языком?»
Ответил старец: «Говорили мне,
В колодце тот Юсуф, на самом дне,
 То море — все бушует, и Луна
 С любимым небом все разлучена.
Он бродит по селениям с тоской
И, будто бы глашатай городской,
 Взывает громогласно он: «Лейли!!!»
 Все ищет ежечасно он Лейли!
Здоров ли, нет — не ведает он сам
И в путь выходит только по ночам...
 Узнав, что друг — в смятении таком,
 Стал кипарис от горя тростником,
Из двух нарциссов на жасмины щек
Струями дождь агатовый потек:
 «Мной сердце сожжено! Из-за меня
 Дошел он нынче до такого дня!
Я с горем, как и он, не расстаюсь,
Но разницу назвать — не побоюсь:
 Хребтов вершины попирает он,
 А мой — в колодце еле слышен стон!»
Она сережки с жемчугом сняла,
Поцеловав их, старцу подала:
 «Прими — и поезжай туда опять,
 Одним дыханьем с милым подышать!
Сюда проси скитальца повернуть,
Чтоб я на светоч тот могла взглянуть,
 Ко мне с путей далеких приведи,
 И — где уговоримся — усади,

А уж тогда — за мною напрямиком,
Чтоб на него взглянула я тайком,
 По-прежнему ль он любит, поняла
 И взвесить верность милого могла!
Из песен, что слагает и поет,
Пускай он два-три бейта мне прочтет, -
 Тогда узлы всех горестей моих
 Распутает его звучащий стих!»
В свой пояс старец жемчуг завязал,
«Исполню все!» — Жемчужине сказал,
 И с новою одеждой узелок
 Повез тому, кто прежней — не сберег.
Носился он как ветер по горам,
То по камням, то по жилым местам,
 Искал Меджнуна день, и три, и пять,
 Но было ни следа не отыскать.
И все-таки в безжизненных горах
Нашел его простертым на камнях,
 И этого лежащего в пыли
 Как драгоценность, звери стерегли.
Меджнун, едва завидя, к старику
Рванулся, как ребенок к молоку,
 И сторожам сердито пригрозил,
 Чтобы того никто не укусил.
Когда зверье, затихнув, отошло,
Покинул старец конское седло,
 К земле склонясь, мгновенье помолчал
 И в двери славословья постучал:
«Опора мира светлого любви,
Пока живет любовь — и ты живи!
 Как Хызр, источник солнечный найди,
 И все края, как Искандер, пройди!
Лейли, краса земли, прислала весть,
В любви — тверда, пока душа в ней есть, —

 Расспрашивает, молит за тебя
 И шлет привет свой, искренне любя.
Давно лица не видя твоего,
Не слыша слов твоих — ни одного,
 Стремится на тебя хоть поглядеть
 И рядышком с тобою посидеть.
Да ты и сам обрадуешься ей,
Из пут разлуки вырвавшись своей, —
 Споешь газели, как давно хотел,
 И оживишь базар, что опустел.
Я заметил рожицу-красу,
Где пальмы стали густо, как в лесу,
 Взметнулись кроны их под небосвод,
 Ковер зеленый по низу цветет.
С Весной твоею место встречи — там,
Ключи от счастья недалече — там!»
 Слова посланец клятвой подкрепил
 И голого — одеться умолил.
Надел Меджнун согласия кушак,
Этавил непокорство и обмяк,
 Последовав за старцем, так спешил,
 Как будто впрямь живой воды испил!
Ну, как покинет жаждущий — Евфрат,
Как ветр осилит амбры аромат?!
 Бежали звери верные за ним, —
 Как шах, он был их воинством храним;
Своим послушным счастьем окрылен,
К становищу Лейли примчался он.
 Под пальмою уселся поскорей
 Поодаль от пришедших с ним зверей,
А старец к заключенной поспешил
И доложил кумиру, что свершил...
 Воспряла периликая.: пора!
 Как пери, упорхнула из шатра,

Шагов не добежала десяти —

И дух ей стало не перевести!

Шепнула, задыхаясь, старику:

«Пошевелиться больше не могу!

На светоч мои — так радостно смотреть,

Что, ближе подойдя, могу сгореть!

Еще ступлю — и сразу же умру, —

Ничем ошибки в вере не сотру;

Пускай листы, где жизнь отражена,

Дурные не пятнают письма, —

Чтоб на Суде, в исходе бытия

Своих деяний не стыдилась я!

Возлюбленный затмил влюбленных всех,

Но ближе и ему быть — тоже грех.

Пускай устами, сладкими как мед,

Он строки нам сладчайшие прочтет,

Пускай стихи читает — я пойму,

Пусть чашу наливает — я приму!»

Расставшись с этой свежешей весной,

Старик к весне приблизился иной,

Но чуть дышал Меджнун, ничком упав,

Рассудок от волнения потеряв.

И дунул вздохом жалости старик,

И влагой слез его обрызгал вмиг,

И в мозг Меджнуну разум возвратил,

И тот, со старцем сев, заговорил.

Когда же успокоился — запел

Газель, что счинить уже успел.

76. Меджнун изливает душу Лейли

Горишь ты в небе, ясная Звезда,

А я — к земле прикован навсегда,

Господня ты ярчайшая Звезда,

Мне — рабский путь дарован навсегда!

Творца восславлю, если снизойдешь

Побывать со мной чрез долгие года!

Я обнищал — и душу продаю,

Моя дерюга грубая — худа.

Я не подвластен суете забот, —

Я свыкся с горем, — нету мне вреда.

В воде тону, а сердце — влаги ждет;

Полетом —мышь летучая горда.

С дороги сбившись, корчу знатока,

Хоть привести не в силах никуда.

Деревней изгнан — старостой зовусь,

Хоть пол-Луны пропало без следа.

Я — фокусник без зрителей совсем;

Без ног и без коня — к чему узда...

Живу с тоскою вечной по Тебе,

И горших бед не встречу никогда!

На свете мы медлительны во всем,

И вдруг пожитки быстро унесем.

Ты говоришь: «В тоске по мне умри!»

Я при смерти — приди и посмотри!

Бей в барабан отъезда моего,
Иного не желаю — ничего.

Страшится волк метели круглый год,
Но шерсть его от стужи не спасет.

«Спокойной ночи!» — мне не говори,
Раз я один блуждаю до зари.

Не уходи, едва успев придти,
Не жни, едва засеяв, — дай взойти!

Благословенным будет твой приход,
Но он покоя мне не принесет, —

Пока душа не отлетела прочь,
Печали мне вовек не превозмочь.

Сто тысяч вьюков душу мне гнетут, —
Сними с нее тяжелый этот труд,

Даруй мне душу лучше, чем моя,
Коснись губами, как мечтаю я!

Душа без грез о ротике твоём
Да будет уничтожена огнем,

А та душа, что светит с милых уст,
Пускай цветет, как розы майский куст!

Рабам твоим утратила Ты счет,
Я — всех верней, пока мой век течет,

Мне б только слышать, что здорова Ты,
Чтоб быть спокойным до своей черты.

Посмеет сердце о Тебе забыть —
Врагу я дам стрелой его пробить!

С Тобою нераздельны мы давно —
Пускай же сердце бьется в нас одно.

В твое войдет весь пламень двух сердец,
Мое ж — тоской разрушено вконец.

Возможно ль с восходящим Солнцем жить, —
Его и в двести душ не уместить!

На нить свою Тебя я нанижу —
Как два ядра миндальные сложу.

С любимой слился б, если б только мог
А мир — лишь обувь, сброшенная с ног!

Душа с тобою в дальней стороне,
Все, что не Ты — навеки чуждо мне.

Благословив свой жребий — не сокру
Ведь радо тело твоему тавру!

Ни дум твоих не стою, ни забот.
Под тяжестью печали и невзгод,

Душа моя — как высохший листок
Простерта у твоих навеки ног.

В становище заветном — стаи псов,
Я стал подобен пыли их следов,

Последним псом с собаками живу, —
Глядишь, псарем Любимой прослыву!

Я на пути безрадостном своем
Гоним одним озлобленным зверьем, —

Оно меня преследует всегда,
В какие б ни входил я города!

Примчится ветер с милой стороны —
Вернет мне душу и навеет сны,

И вострепнется сердце, чтоб опять
О Ненаглядной петь и тосковать!

Милы диржемы родинок твоих,
Лодыжки — в украшеньях золотых,

Едва на эти родинки взглянул,
Души диржем — к ногам твоим швырнул!

Слезами год приветствует весну,
Слезами и Меджнун — Тебя одну!
Украшен лунным ликом небосвод,
Твой лик — Меджнуна за душу берет!

Как стражники-индусы — пара кос,
Как страж — Меджнун навеки в землю врос.
Поет над розой пылкой соловей,
В разлуке лью я слезы из очей.

Рубины ищут, роя рудники,
А я изрыл всю душу от тоски,
Какое счастье было бы узнать,
Что Ты меня решила повидать!
Светло бы ночью стало, словно днем,
И в райский сад вошли бы мы вдвоем,
Сидел бы я с Тобой ушко в ушко,
И чаши сблизить было бы легко.

Тебя как чанг я к сердцу бы прижал
И как скала — рубин родной — держал,
В нарциссы глядя, захмелел бы вмиг,
И к гиацинтам вьющимся приник!

Развил бы завитки твоих кудрей,
В два лука целься в сердце мне скорей!
В гранатах щечек видел бы огонь,
Взял подбородка яблочко в ладонь, —

То гладил бы гранат и напевал,
То яблочко волшебное жевал,
То локоны ласкала бы рука,
То серьги вынимала из ушка.

Слезой кропил бы шелковый наряд
И пел, как губки-финики горят,
То возле роз фиалки бы сажал,
То средь фиалок розу обнажал,

То заключал в объятья без стыда,
То вел рассказ про горькие года...
О, Господи, как стало бы светло,
Когда бы это все произошло!

Какие песни прозвучать могли б,
Когда бы слез поток меня не сшиб!
Не жги мен я жестокою тоской,
Измученное сердце — успокой!

Любимая, приди в блаженный час,
Ведь мы — живые, значит, жизнь — за нас!
К чему, как Солнце, издали блистать,
Пора не миражом уже предстать!

В тоске за вздохом испуская вздох,
В крупинку с твою родинку иссох;
Крупинки мне малейшей не дала,
Зато харвары крови пролила!

Пью без Тебя я лишь печаль одну,
С Тобой же — прикоснулся б и к вину.
О райском пире грежу я давно,
Где праведникам — пить разрешено!

Закончив петь, сбежал в пустыню он,
Мозг от тоски был желчью омрачен,
Лейли же, украшение тех лугов,
К шатру в слезах направилась без слов.

77. Салам из Багдада знакомится с Меджнун

Знарок словес свидетельствует так:

В Багдаде, средь достойных и зевак,

Красавец юный душу подарил
Любви, хоть бороды еще не брил.

Невзгод — потоки он переносил,

Удары невнимания вкусил,

Любовью был отравлен и страдал,
Грустил — и безутешно счастья ждал.

Саламом звался с отроческих лет,

Когда встречал он счастья привет,

Но мир любовный юношу увлек,
И слушать он одни газели мог.

Жемчужной нитью, коей краше нет,

О Кейсе повесть облетела свет, —

Певца-скитальца вдохновенный дар
Вливал в газели несравненный жар.

Любой, кто был любовью обделен,

От сладостного чтения хмелен,

К нему верблюда тотчас направлял
И выразить почтение желал.

По городам молва о нем неслась,

Когда же по Багдаду растеклась,

Собрался и Салам в далекий путь —
На страстного певца любви взглянуть.

Вьюк на верблюда быстро уместил

И повод скорохода отпустил,

И по пескам скитался много дней,

И поиск тот казался все трудней.

Но все ж найти злосчастного он смог:

Лежал тот, голый с головы до ног,

Кольцом зверей был тесно окружен,

Как будто прочным обручем стеснен.

Он так любил и тяжело тосковал,

Что рабское кольцо себе сковал —

Кругом стояла грозная орда,

И не было исхода — никуда.

Заметив, что с далекого пути

Муж благородный хочет подойти,

Прикрикнул он на хищников своих —

И поворчав, дозор его утих,

Салам, увидев, что отшельник встал,

Приветствовать его сердечно стал.

Понравилось приветствие тому —

И вот Меджнун приблизился к нему,

Приветливо ответил на привет,

Спросил, откуда едет, а в ответ:

«Стрелы моей высокая мишень

И странствия в песках счастливый день,

Я из Багдада — с пылкой мольбой:

Побыть и побеседовать с тобой!

Твои газели чудные слышал,

И мне Аллах блаженство ниспослал —

Преодолев пески, не умереть,

Чтоб землю озаривший лик узреть!

Служить я рад, у ног целуя прах,

Исполню все — повелевай как шах,

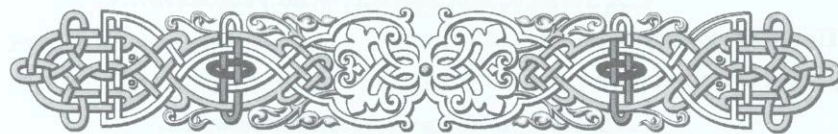
Без твоего дыханья — не вздохну,

Считая вдохом — преданность одну!

Все до строки, что сложится при мне,

Я сберегу в сердечной глубине, —

Запомню столько слов, едва дыша,
Что ими переполнится душа!
Коль надоем — досадливо махни,
Но душу предо мною — распахни
И песни слушать — разреши скорей,
Приняв меня в число своих зверей!
То, что рабом я стану навсегда,
Поверь, не причинит тебе вреда:
Любовную скалу и я долбил
И без надежд — мучительно любил...»

78. Ответ Меджнуна Саламу из Багдада

Лицо дугой улыбки осветив,
Сказал Меджнун: «Пускай ты несчастлив,
Но в неге довелось тебе расти, —
Вернись домой с опасного пути!
Хоть ты и муж, но не соратник мне, —
Несчастий не изведаль ты вполне;
Несносны все мне, кроме лишь зверья,
Себя — и то терпеть не в силах я!
Когда я со своим- то нравом бьюсь,
То как с твоим, подумай, уживусь?
Какой ты пользы от общенья ждешь,
Коль от меня бросает дива в дрожь?
Я — зверь, и дружен — только со зверьем,
Наставника ищи — в роду своем!
Будь как железо ты несокрушим —
Сгниешь от стонов, другом став моим...
Будь хоть водой ласкающей точь-в-точь, —
Сожжет тебя мой пламень в ту же ночь!
Нет, оболочка двум — тесна моя:
Ты — самолюб, самоубийца — я...
Оставь меня в развалинах блуждать,
Нам все равно друг друга не понять.
Ты зря провел в скитаньях столько дней,
Да буду жертвой я зао твоей!
Я одинок — тоска в моей груди,
Скажи: «Аллах с тобой!» — и уходи,

Ступай, чтобы уцерб избежать,
А то ведь мне зверей — не удержать...»
Не внял совету страждущий Салам,
Души не преклонил к его словам:
«Молю, не будь безжалостно-горяч,
Я жаждой истомлен — родник не прячь!
Сегодня я желаний не таю:
Позволь молиться в сторону твою,¹
А если я ошибку совершу —
Прощения покорно попрошу!»
Когда Меджнун противиться устал
И, наконец, свое согласие дал,
Салам проворно скатерть разложил,
Халву, печенье, сласти предложил.
«Лицо свое, пожалуйста, открой,
Вкуси великодушно хлеб со мной!
От пицци понимаю я отказ,
Но перекусим малость в этот раз!
Когда не призрак, а мужчина ты,
То в теле силы — только от еды!»
«Меня такой не трогает расчет, —
Кто ел во мне, тот больше не живет...
От хлеба и халвы сильнее те,
Что о своем пекутся животе,
Но в бытии не вижу я нужды,
Так будет ли мне худо без еды?..»
Смекнул Салам, что от людей бежит,
Кто днем не ест и по ночам не спит,
Не посещает дома ничьего
И рядом не выносит — никого.
Меджнуна стал Салам увещевать:
«Не стоит бесконечно горевать!

Пускай не изнывает сердце, друг, —
Не вечен сей однообразный круг!
Вращается поспешно небосвод,
Все новым листьям вырасти дает,
Порою не успеешь и моргнуть —
Все двери счастья может распахнуть!
Довольно это горе бередить,
Пока способен по свету бродить, —
Ты исцелишься, как бы ни страдал,
Смеяться будешь — больше, чем рыдал!
Я собственного горя не забыл:
Я в сердце ранен был, и связан был,
Но милостью господнею спасен —
Помог Аллах развеять этот сон!
Дарован будет и тебе покой, —
Забудешь ты о горести такой,
Любви испепеляющий пожар —
Не более, чем молодости жар,
Но молодость уйдет — не устеречь,
И охладится огненная печь...»
Меджнун, сердито волос теребя,
Не сдвинулся, но вышел из себя.
«Я что — рехнулся?! — гневно крикнул он, —
С чего решил ты, будто я хмелен?!
Да я в любви — превыше всех владык,
И пламени стыдиться — не привык!
Я знаю о грехе страстей земных,
Но уж давно очистился от них,
И, чтоб меня не оскверняла плоть,
Базар страстей сумел я побороть.
Мечта любви — вот смысл жизни всей,
Любовь — огонь, а я — алоэ в ней,

Пришла любовь — и дом мой запылал
И я свои пожитки прочь убрал.
Не важно, существую или нет, —
Любимая — затмила целый свет!
Любовь потянет меньше на весах,
Когда убудет звезд на небесах!
Из сердца моего любовь сотрешь,
Когда песчинки на земле сочтешь,
И раз уж ты ко мне сюда проник,
Сдержи свой порицающий язык.
В себя взглядись, слова соизмеряй,
И в чем не смыслишь, тем не укоряй!»
Вот отповедь Меджнун какую дал
Тому, кто невпопад при нем болтал!
Когда узнал соперника Салам,
Конец настал не взвешенным словам.
Развязным никогда не надо быть,
Чтобы потом прощенья не просить!
Слаба ль, туга ли тетива — всегда
От резкости избыточной — беда:
Легко поддастся — промах огорчит,
А не поддастся — на людях смутит...
Певец Меджнун и слушатель Салам
Дорогой дружбы шествовали там,
Газели же — услада всей земли —
Из сердца, как жемчужины, текли!
Стихами, что скиталец сочинял,
Муж благородный память наполнял,
И эти драгоценные дары
Все множились — но только до поры.
Меджнун, беды не видевший в нужде,
Не знал забот о сне и о еде,

Салам же, век не ведавший нужды,
Прожить не мог без сна и без еды.
Когда в котомке кончился запас,
Настал разлуки неизбежный час, —
С Меджнуном гость простился поскорей,
И одного оставил меж зверей.
Оттуда он отправился в Багдад,
Неся касыд неоценимый клад,
И, где бы те касыды ни читал,
Всех слушателей ими восхищал!

79. Кончина Ибн Салама, мужа Лейли

Все неизбежно в мире всякий миг,
Пусть хода дел никто и не постиг, —
 На месте мирозданье не стоит
 И Провиденья в нем ларец сокрыт.
Две стороны у всякого листка,
И обе — лишь мишени для стрелка, —
 Тут — люди пишут все свои счета,
 Там — предопределенье: все — тцета!
Добьется очень редко письмовод,
Чтоб согласован был со счетом счет:
 Не соизмерят Божий рабы
 Желаний с повелением судьбы...
Напрасно к розам руку не тyani,
Исколешься — поймешь: шипы одни!
 Напротив, зелен с виду виноград,
 Но сладок, и таким его едят!
Хоть голод ослабление несет,
Лишь он от несварения спасет;
 Уж лучше, сдавшись, к милости взывать,
 Чем со стихией споры затевать,
И раз уж так вся наша жизнь идет,
Смирясь, признай, что уксус — это мед!
Звезда средь похитительниц сердец,
Ошейник — для себя, для всех — венец,
 Томилась тяжело в крепости своей,
 Которую стерег¹, обвивши, змей.

Жемчужина земная, как Луна,
В драконью пасть была заключена,
 И мук таких не ведал ни один
 Сокрытый в толще каменной рубин.
Она старалась горести скрывать,
Чтобы ничем себя не выдавать, —
 Муж отравлял охраной день за днем,
 Она ж была почтительна при нем.
Бледнела периликая в слезах,
Как пери — в заколдованных цепях,
 Рыдала, чуть останется одна,
 При нем — переставать принуждена.
Стонала, видя чистое вино,
О том, чего вкусить не суждено,
 Когда ж осадок приходилось пить —
 Проглатывала горе, чтобы скрывать.
Когда при всех хотелось зарыдать,
Старалась даже вида не подать;
 Сокрытым горем — жизнь укоротишь,
 Кого ж такую горечью прельстишь...
Стыдясь супруга и родни страшась,
Лейли как локон по ветру вилась, —
 Лишь удалялся звук его шагов,
 Вставала и стремилась прочь без слов.
Рыдала бесконечно за шатром,
В изнеможеньи падала потом,
 Но, услышав шаги его опять,
 Не смела, мучась, громко застонать.
Войдя в шатер, садилась у кола —
И на устах улыбка вновь была!
 Жестокое потешался рок над ней,
 Терзая печень горем все сильней...
Но вот круговорот небесных сил
Предначертанье давнее свершил:

Муж, ото взора удаленный прочь,
Не в силах был досаду превозмочь,
От горести и грусти ослабел
И уберечь здоровье не сумел, —
Болезнь по телу быстро разлилась,
И лихорадка к мозгу поднялась.
Лишился он спокойствия — и тут
Разбился равновесия сосуд.
Явился врач — осматривал, лечил
И боли постепенно облегчил.
Старательно он снадобья месил
И помогал восстановленью сил,
Прошла, казалось, гибель стороной,
И начал выздоравливать больной.
Но только лишь окреп немного он
И уж не так казался изможден,
Беречься перестал (опасный шаг!),
А если и берегся — кое-как.
Как снадобье, воздержанность нужна,
В болезни и во здравии важна —
Она здоровым крепость придает,
Больным же — исцеление несет.
Воздержанность несдержанный забыл,
Хоть после жара не набрался сил, —
Жар у него возобновился вдруг,
И воротился прерванный недуг.
Не первый приступ справился с больным,
Так вызван ветер гибели вторым,
Смочила глину первая вода,
Вторая же — размыла без следа.
Когда землетрясение началось,
Потрескалась стена и стала вкось,
Вторым толчком разрушена она
И пылью по земле разнесена...

Дня три еще сопротивлялся он,
Дыша с трудом как все, кто обречен,
Но, наконец, померк весь мир вокруг,
Разбился кубок, выпавший из рук...
Как ветер, он махнул на все рукой,
Освободясь от тягости мирской;
Ушел он, и любой из нас уйдет, —
Все взыщет мир, что в долг он нам дает...
Пускай с травинку будет твой должок,
Узнаешь на себе, как мир жесток, —
Старайся все, что взято, возвратить,
Чтоб должником зависимым не быть!
Для жизни тех, кто в этот мир пришел,
Безделье — гвоздь, и даже целый кол.
Жемчужину души освободи
И с башни, словно голуби, взлети!
Коль семь дерев на четырех корнях
И тьма гвоздей на девяти щитах²
Посмеют с войском смерти воевать,
То рухнут — и вовеки им не встать!
Когда поутру темное гумно
Горящим диском все озарено,
А ввечеру скрывает мир земной
Кувшин небес завесой дымовой,
Ты в мире ясно различаешь сам
Огня невзгод и дыма жалоб храм...
Лейли, платя оплакиванья дань,
Воспрянула, как из ловушки — лань,
Хоть мужа был ей выгоден уход,
Взгрустнула, что уже он не живет.
Рыдала вслух о том, кто в землю лег,
В душе — о том, кто подойти не мог,
Оплакивая, волосы рвала,
Но лишь о милом скорбь ее была.

Роняла из-за друга капли слез,
Как будто муж покой ее унес,
 Над мужем причитала, чуть жива,
 Но о любимом были все слова.

Муж для нее был просто шелухой,
Ядром же — милый, и никто другой!..

 По смерти мужа добрая жена
 Показываться людям не должна,

Два года ей положено сидеть,
Лицо скрывать и в лица не глядеть,

 О том, кто не вернется, горевать
 И горестные песни напевать.

По этому обычаю Лейли
Велела всем, чтоб из шатра ушли,

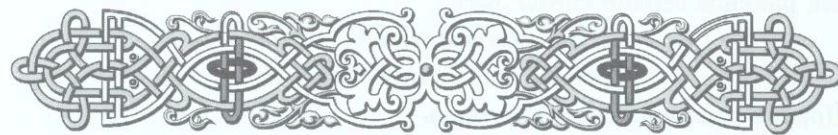
 И села с горем там лицом к лицу,
 Как будто впрямь скорбя по мертвецу.

Предлог для скорби был теперь в дому,
Скрывать рыдания было ни к чему,

 И этого оплакиванья крик
 Вознесся — и семи небес достиг.

Она себя терзала, не таясь,
И бушевала, больше не боясь, —

 Убрался, кто дышать ей не давал,
 И с той угрозой — ужас миновал!

80. Приближение осени и кончина Лейли

Когда в сады приходит листопад,
Кровавых капель выпадает град, —
 Сочится кровь из каждого ростка,
 Когда пора печальная близка.

Прохладнее теперь кувшин воды,
Лицом — желтее пышные сады,
 И всюду ищут золота листы,
 Но опадают наземь с высоты.

Откочевать готовится нарцисс,
Свергается самшит с престола вниз,
 В морщинах лик жасмина предстает,
 А роза — книгу горестей берет,
 И над землей взвевается их прах,
 Как змеи у Заххака в волосах...

Когда подуют хладные ветра,
Листве с деревьев опадать пора, —
 Ведь кто от затопления бежит,
 Все в ужасе бросает — и спешит!

Сад одряхлевший спит и видит сны,
А гроздья — соком сахарным пьяны,
 И этих негрятят лозы своей
 Развесил уж индус на много дней.¹

Созревших гроздьев виноградных тьма
Гирляндами украсила дома,
 И яблоко в румянце пухлых щек
 Смеется над гранатом: «Что, дружок!»

Из печени растрескавшейся тот
На раненое сердце слезы льет.²

На поле битвы осени Сад роз³
Урон от ран мучительных понес.

Дороги разлученных разошлись —
И стал былинкой сохнуть кипарис,

Коль прежде тосковала всякий час,
То страсть сильнее стала — в сотни раз!

Увидела того, кто всех родней,
Вконец истосковавшимся по ней, —

Разлукой переполнилась душа,
И вот слегла Лейли, едва дыша.

С престола, изливающего свет,
Обрушилась она в колодец бед, —

На сад весенний порчу, враг наслал
Светильник нежный ветер исхлестал.

Нет на челе повязки золотой, —
Повязано, да только уж не той,

И стан, который нежный лен облек,
Ослаб, как тростниковый стебелек.

В чуть видный серп осунулась Луна,
Стал кипарис бесплотной тенью сна,

До головы взметнулась сердца страсть,
Из головы же в сердце — жара власть.

Ушла роса в горячие пески,
И смерч унес тюльпана лепестки,

Напал озноб, немилосердно губ,
И съела лихорадка сахар губ.

Поник печально стройный кипарис —
И бодрости фазан сорвался вниз;

Упала, как на борозду зерно,
Прикрыв лицо, что было смятено.

Шепнула тайну матери своей,
Желанья распахнула перед ней:

«Ах, матушка, боюсь тебе сказать, —
Твой газеленок яд успел всосать!
Вьюк кочевой давно увязан в путь,⁴
Слаба я, так жестокою не будь!
Я кровь глотаю, — сладко ли мне тут!
Вся извелась я, — разве так живут!
Я столько горя тайно испила,
Что сердца мука на уста пришла, —
Когда душе невмочь уже дышать,
Чем может мне огласка помешать!
Но, если тайна мной обнажена,
Уйду, — мне жизнь больше не нужна,
Скорей руками шею мне обвей —
И не винись в погибели моей!
Когда тоска дыхания лишит
И дни мои разлука завершит,
Пыль из-под ног любимого найди, —
Накрась меня — и очи обведи!
Пусть слезы друга прах мой оросят,
Пускай овеет сердца аромат,
Пусть розы на прощание подаст
И камфарой дыхания обдаст!
Окрась мой саван кровью, чтоб пылал,
Как будто день мой праздничный настал,
Счастливой новобрачной наряди,
И на постель — под землю проводи...
Скиталец, услышав о том, что я
Откочевала в дальние края,
Проститься хоть с носилками придет
И со слезами к праху припадет.
Присядет над могилою с тоской,
Ища Луну, лишь прах отыщет мой, —
Мучительно расплачется над ним
И горестно застынет, недвижим...

В любимом — радость высшая моя,
Тебе его препоручаю я, —
Аллаха ради, мягче подойди
И с грубым отчуждением — не гляди!
Лишившегося сердца — обласкай
И все, что я сказала, передай.
Мне был он драгоценнее всего,
Когда умру, — цени, как я, его!
Скажи ему: «Когда Лейли ушла
И заточенья цепи порвала,
С любовью обратилась снова в прах,
Неся твоё лишь имя на устах!
Любил ты, — и верна была она,
Душа — любви к тебе лишь отдана;
Ты знать желаешь, как она ушла?
К тебе любовь навек ее сожгла!
Покуда с миром сохраняла связь,
К тебе всегда душа ее рвалась,
А уходя с мучительной тоской,
Лишь думу о тебе взяла с собой.
Хоть из земли вовеки ей не встать,
Не перестала встречи этой ждать,
Как те, кто жив надеждой, с давних пор
Вперяла и она в дорогу взор.
Все ждет, что ты пойдешь за нею вслед,
Глядит назад, идешь ты или нет, —
Избавь от ожиданья — и не жди, —
В сокровищницу ласки приходи!»
Сквозь слезы это все произнесла —
И в мир иной неслышно отошла.
Раскрыла тайну, больше не боясь,
И умерла, к любимому стремясь.
Что может быть для матери страшней, —
Как будто небо рухнуло над ней, —

Платок с волос жасминовых сняла
И ветру их со скорбью предала.
О личике скорбя и волосах
Невесты, что угасла на глазах,
Рвала лицо, распухшее от слез,
И космы растрепавшихся волос.
Над телом, причитая все сильней,
Рвала седые пряди — до корней, —
Живой родник — ужасно потерять,
И бесконечно убивалась мать.
То ноги омывала слез рекой,
То лба касалась мокрою щекой, —
Потоком крови, пролитой навзрыд,
Живой воды источник был омыт.
Стонала и роняла слезы вновь,
Едва не превращая камни в кровь,
Рыдала так, от горя став черней,
Что разрыдалось небо вместе с ней.
Все орошала розовой водой
Агат волос невесты молодой, —
Как звезды, слезы тяжкие текли,
И ожерельем на Луну легли...
Чему несчастье матери равно!
Все сердце было горести полно,
Украсила угаснувшую дочь
И умастила, провожая в ночь,
Земле ее доверила в слезах, —
Во прахе лишь покой находит прах...
Навеки в крепость пленница ушла,
А горе на хранение — не взяла.

81. Плач Меджнуна над могилой Лейли

Кто славной книги сей тугру связал,
Так повести развязку рассказал:
Кейс о кончине той Луны узнал,
С разбитым сердцем тяжело застонал,
В слезах жестоких горе излилось,
Да есть ли в мире, кто не знал бы слез?
Примчался бурей он издалека
И разрыдался, словно облака, —
Пылала над могилой кровь его...
Не спрашивайте лучше ничего!
Из глаз потоки крови извергал,
Людей своими воплями пугал,
И извивался, горя не тая,
Как будто вокруг сокровища — змея.
Тюльпаноцветных пролил столько слез,
Что там цветник тюльпановый возрос, —
Из сердца слезы алые текли,
И горько причитал он над Лейли:
«Осенний ветер унес Тебя стремглав, —
Ушла из мира, мира не видав!
Ужели Ты засыпана землей?
Ужели навсегда сокрыта тьмой?
Где мускусная родинка твоя?
Газелий взор — ужель не встречу я?»

Ужель угас агатов сочных цвет?
Ужели кос прекрасных больше нет?
Зачем твой образ от меня сокрыт?
Свеча — в каком подсвечнике горит?
Чьи очи нынче услаждаешь Ты?
И в сердце чьем благоухаешь Ты?
Твой кипарис — на чьем же берегу?
Твой пир устроен — на каком лугу?
Как терпишь Ты мученье от шипов?
Как терпишь заточение — без слов?
В земле Ты кладом стала навсегда,
Но для чего Ты спряталась туда!
Лишь гады в подземелье жить должны,
Неужто это — место для Луны?!
У каждого сокровища — своя
На страже неусыпная змея,
И вот я над могилой, как могу,
Сокровище родное стерегу!
Как пыль дорог, была Ты взметена,
Теперь — водой в колодце — не слышна...
Быть одинокой Ты осуждена,
Но диво ль, что Луна — всегда одна!
Хоть кажется, что скрылась Ты уже,
Сокрыта навсегда в моей душе,
От глаз моих страдающих — ушла,
От сердца удалиться — не смогла!
Пусть ото взора образ твой исчез,
Мысль о Тебе — навек светлей небес!»
Несчастный руки на груди сложил
И в пляс пустился из последних сил.
Побрел он в край возлюбленной своей,
С собою взяв лишь нескольких зверей,
В слезах походкой пляшущей шагал
И песни о прощании слагал.

82. Кончина Меджуна у могилы Лейли

Славнейший из всех, кто пел до нас,
Так завершает горестный рассказ:
 Сгорела эта житница дотла,
 Лишь зерна слез остались — без числа.
Неимоверно изможденным стал,
До крайности иссох и исхудал,
 Размолот был он мельницей небес
 И в ней, совсем измолотый, исчез.
Ослаб он, как блуждающая тень,
И в ночь от горя превратился день.
 Неся мученья тяжкого печать,
 К невесте воротился он опять.
Попал он с кораблем в водоворот
И вырваться не мог из мутных вод;
 Лежал в пыли как муравей больной
 И извивался раненой змеей.
Едва прочел навзрыд две-три строки,
Упали слезы, — горестно-горьки,
 Воздел он руки, очи затворил
 И в тягостной тоске заговорил:
«Творец всего, до малости любой!
Во имя всех, кто избран был Тобой,
 От мук моих меня освободи
 Навеки к Ненаглядной проводи!
От жизни этой горестной избавь —
Скорее в наилучший мир отправь!»

Промолвив, лег на землю головой
И обнял этот холмик, как живой.
Обняв могилу Той, что так любил,
Шепнул: «Лейли!» — и душу испустил.
 Прошел печальный перекресток тот, ~
 Да разве ж мимо кто-нибудь пройдет?..
Все сущее идет к небытию,
Все до конца стезю пройдут свою.
 Любую в мире рану горе жжет
 Или когтями раздирает гнет...
Все тело стало ранюю сплошной,
И все лицо покрылось желтизной;
 Огромных жерновов — поберегись:
 Попавшимся — вовеки не спасись!
Дом омывает бешеный поток, —
Беги, пока с собой не уволок!
 Не рухнул мост — минуту улочи
 И на верблюде быстром — проскочи!

83. Племя Меджнуна узнает о его кончине

Когда пожитки прочь Меджнун убрал
И укоризны слышать перестал,
 У паланкина той Луны уснул,
 И вечный сон глаза ему сомкнул,
Когда, от суеты уйдя людской,
Обрел уже навеки он покой,
 Труп у могилы Милой, я слышал.
 Едва не год нетронутый лежал.
Сурово звери сгрудились кольцом
Как стражники над этим мертвецом,
 Лежал на катафалке он, как шах,
 А звери — все стояли на часах.
У своего святилища теснясь,
Хранили с ним незыблемую связь,
 И, опасаясь хищников задеть,
 Никто не смел поближе поглядеть,
А, видя только издали порой
Их мельтешенье, как пчелиный рой,
 Все полагали, что страдалец тот
 Средь них сидит и, как всегда, поет,
И звери вокруг него за рядом ряд
Как пахлаваны шахские стоят.
 Никто не знал, что встретил шах конец
 И ветер — подхватил его венец.
Излилась кровь остывшею струей
И сделалась жемчужина землей;

Трясением кружащихся небес
Рассыпан был он и почти исчез;
От тела неподвижного его
Остались кости — больше ничего,
 Но тех волков страшился, кто и смел,
 И к тем костям — приблизиться не смел.
Пока стояли звери начеку,
Никто не приближался к бедняку
 Мы бережем сообщество свое,
 Но мыслимо ли, чтобы и зверье?!
Зима, весна и лето пронеслись,
И лишь тогда все звери разбрелись.
 Сокровищницы запертой замок
 Сдержатъ вращенье времени — не смог...
Смелчак — из тех, кто мимо проходил, —
К святилищу тропинку проложил,
 И люди кости голые нашли,
 Давно уже лежащие в пыли.
Вгляделись повнимательнее в них —
И догадались, кто в песках затих, —
 Повсюду весть об этом разнеслась
 И до кочевий дальних донеслась.
Узнав, где приключилась беда,
Собрались правоверные туда,
 Семья с друзьями принялась рыдать
 И в горести — одежды раздирать.
Утративший жемчужину скелет
Как раковина, был уже раздет, —
 Омыли как жемчужину его
 И умастили амброю всего.
Сам прах, как амбра, мускус источал
И аромат любви распространял.
 Собравшиеся плакали навзрыд,
 И целым ливнем слез он был омыт.

Когда ж иссякла влага в их очах,
Был праху предан бренный этот прах,
С могилой рядом пядь ему нашли —
И положили навсегда с Лейли.

Уснули нежно рядышком они,
Забыв укоры злобной болтовни,
В сем мире жили в сговоре одном,
И в общей колыбели — в мире том...

Как долг поминовения велит,
Цветник вокруг могилы был разбит,
И вызывал он зависть всех садов,
И влек влюбленных изо всех краев.

Кто б ни пришел из страждущих туда,
От горя — исцелялся навсегда,
И не ушел никто оттуда прочь,
Чтоб не сумел цветник ему помочь...

О, Господи, сказателю внимли!
Из мира непорочными ушли
Два созданных Тобою существа,
И только память чистая — жива.

Своим благословеньем одари
И милостью покой их озари!
Мы тоже ведь не вечно будем жить, —
Лишь Ты решай, как с нами поступить...

84. Заключение книги с именем ширванского шаха

Властитель наш, ты подлинно велик, —
Не просто шах, а властелин владык,
Джамшид по покорению корон,
Второе в мире Солнце всех времен!

Стать Кейкубада получил ты в дар,
Хакан великий Абу-л-Музаффар!¹
Шах не Ширвана — всех на свете стран,
Второй ты Кейхосров, шах Ахситан!

О, перстень счастья шахского всего,
Да сгинет мир без перстня твоего!
В тот день, когда, обласканный судьбой,
Над небосводом высясь головой,

Увлечшись яркой повестью моей
И поминутно восторгаясь ей,
В невесте дивной встретишь ты стократ
То свежий слог, то мудрой мысли клад, —

Да будет так, чтоб захотел облечь
В шелк восклицаний «Славно!» эту речь!
Твое великодушие знаю я,
На милость эту — уповаю я!

Хоть прямота и воинский успех —
Советники твои вернее всех,
И этого советчика хоть раз
Послушай ты, как утренний намаз.

Вон скольких мир хоронит горемык
И сколько гордых пережил владык!

Ты, зоркий шах, родившийся блистать,
Попробуй прозорливым тюрком стать!
Пусть ни один безвинный пред тобой
На плахе не простится с головой;
Дай миру жить, как он желает жить, —
Продли свой век, умея с ним дружить!
Расцвет всего владенья твоего —
В премудрости правленья твоего,
Хоть беспредельна доброта твоя,
Умножь ее — вреда не вижу я!
Полезное стране — осуществляй
И повода в трудах — не ослабляй,
Отринь, что славы омрачит хоть миг, —
С казной подвал, алмазный ли рудник!
Не расслабляйся ни на волосок —
Шах процветаньем подданных высок!
Запустит враг язык для болтовни —
Остерегись — и со двора гони!
Могучим будь — и сердцем сдержан будь,
И пей вино, но не повержен будь!
Могущественно всем повелевай —
И все же на Аллаха уповай!
Пускай твой разум бдителен стократ,
Выслушивай, что люди говорят.
Не отправляйся с двоедушным в бой,
Чтоб был отчетлив твой чекан любой.
Кто льстит — и может тут же обругать,
Того всегда старайся избегать,
Никто он — и не стоит ни гроша,
Раз у него двуличная душа.
Куда б ногой ты ни решил ступить,
Обдумай прежде способ отступить;
Что можно в девяти шагах достать,
На то десятка попусту — не трать.

Шли весть о правосудии своем
Через людей с правдивым языком;
Что обещаешь — помни средь забот,
Чтоб не страшился, кто пощады ждет.
Не допускай, чтоб слишком близко стал,
Чьей преданности ты не испытал;
Не доверяй настойчивым словам, —
В душе решай, что надо, только сам!
Пусть враг и мал, — ничтожной не сочти
Колочкой, что убрать легко с пути.
Остерегись словами обижать,
Чтобы обид ответных избежать.
Кого ударишь — с корнем вырывай,
Кого возвысишь — тех уж не свергай.
В сокровищнице сущего всего
Нет выше доброй славы — ничего!
Беспомощных разить — поспешный шаг,
Пусть это даже твой смертельный враг.
Желанья цель — вдали, но твердо верь:
Ее доставит счастье прямо в дверь!
Советы все — и этот, и любой —
Предлог, чтоб побеседовать с тобой,
Хотя, властитель, сердцем мудрым ты
Не знаешь в назиданиях нужды!
Коль путь тебе указывать дано,
Все мудро, что тобой возглашено,
И пусть молитвы праведных мужей
Кольчугой станут прочною твоей!
Как талисман дней счастья, прими
Все добрые советы Низами!
Аллах, от повелителя сокрой
Любые смуты и ущерб любой!
Отверзни дверь, куда б он ни стучал,
Веди, куда бы путь он ни держал,

Поддерживай хранителей его,
Повергни всех хулителей его!

Пусть имя шаха с повестью живет,
Пускай с улыбкой шах ее прочтет, —

Был благороден замысла венец,
И будь увенчан славою конец!

ОТ ПЕРЕПИСЧИКА

В ком сердце жаркопламенное есть,
В ком стойкость твердокаменная есть,
Кто мудрость почерпнул из многих книг,
Лишь тот предела высшего достиг.

Сказания текут — издалека,
В стихах живут народы и века;

Я вслушивался в голос Низами,
И труд мой — с благосклонностью прими
Пусть век его от нас уже далек,

Переписал поэму я, как мог,
Все силы отдал — не для похвалы, —
Не упрекай же, что они малы!

Бессонно я склонялся над листом,
Чтоб, дочитав сегодня этот том,

Опять увидел юности восход
Любой, кому тепла недостает.

_____ Ленинградец

9 марта 1986г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэма Низами Гянджеви «Лейли и Меджнун» в переводе на русский язык в отрывках и полным текстом была издана пятнадцать раз, из них в виде отдельной книги пять раз.

Первый перевод поэмы на русский язык был осуществлен Андреем Глобой (1888—1964) и был издан в 1935 году в Москве в издательстве «Художественная литература». Поэма была переведена во фрагментах, стихотворные переводы соединялись краткими прозаическими изложениями пропущенных мест. Объем стихотворных переводов не превышал 800 бейтов, т. е. примерно одной пятой части поэмы. Перевод был выполнен по подстрочникам, подготовленным Е. А. Фрейтагом. По оценке критики того времени, перевод А. Глобы, хотя и отличался ясностью формы, был лишен точного соответствия оригиналу.

В тридцатых годах прошлого века над переводом поэмы «Лейли и Меджнун» начал работать поэт Павел Антокольский (1896—1978). Отрывки его переводов печатались в различных сборниках и антологиях азербайджанской поэзии с 1939 года по 1985 год. Переводы П. Антокольского в виде отдельной книги были изданы дважды: в 1948 году в издательстве «Молодая гвардия» и в 1957 году в издательстве «Художественная литература». Последнее издание было существенно дополнено и переработано. Однако и это дополненное издание тоже представляло собой сокращенный вариант поэмы. По цензурным нормам того времени были изъяты разделы, посвященные славословию Аллаха, пророка Мухаммеда, хвале ширваншаху Ахситану. В перевод не вошли и некоторые разделы, не связанные с сюжетом поэмы, носящие характер поэтических отступлений.

Впервые полный текст поэмы на русском языке был издан в Баку в 1962 году в издательстве «Язычы». Перевод был выполнен поэтом Анатолием Старостиным. Следующее издание полного текста поэмы было осуществлено издательством «Художественная литература» в переводе Татьяны Стрешневой в 1968 году.

Книга, которую держит в руках читатель, представляет собой новый перевод полного текста поэмы «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви.

Усложненность многих образов, метафор, широкое использование в поэме восточных литературных аналогий, с одной стороны, мусульманская мифологическая и астрологическая тематика — с другой, в определенной степени затрудняют для читателя понимание текста поэмы. В этой связи в помощь читателю предлагаются примечания и словарь имен, географических названий, а также терминов и слов, употребленных в поэме без перевода.

При составлении примечаний и словаря использованы комментарии, составленные профессором Р. М. Алиевым к подстрочному переводу на русский язык поэмы Низами Гянджеви «Лейли и Меджнун» (Баку, «Элм», 1981).

1. Во имя Аллаха, милостивого и милосердного

1. *Девять небес* — по мусульманской мифологии небо состоит из девяти сфер, семь из них соответствуют семи планетам, выше — звездное небо, еще выше высшее небо.
2. *Сурьма* — природный минерал, употреблялся в косметике, а также как средство для лечения глаз.
3. «*Каф*» и «*нун*» — названия букв арабского письма, которые составляют повелительное наклонение арабского глагола «быть» — будь! («кана!»).
4. *Бисутун* — величественная скала в Иране, на которой высечены надписи и барельефы в честь побед ахеменидского царя Дария I (522—486 гг. до н. э.).

2. Славословие пророку

1. *Пророков Божьих завершивший ряд...* — По учению мусульманской теософии, Мухаммед является последним пророком.
2. *Тутия* — бальзам для глаз (цинковая мазь).

3. *Абу-л-Касым Мухаммед* — имя пророка Мухаммеда. Абу — по-арабски «отец»; Касым — имя сына Мухаммеда, которое по традиции включается в состав имени отца наряду с его собственным именем.

4. *... всех семи шатров* — Семь планет.

5. *У врат твоих свершается пять раз!* — Речь идет о молитве-намазе, которую мусульманин совершает пять раз в день.

6. *Воздвигнув на пяти опорах храм...* — Имеются в виду пять важнейших условий исламского вероучения: 1) Исповедование единобожия и признание миссии Мухаммеда; 2) Ежедневное совершение молитвы; 3) соблюдение поста; 4) Оплата налога в пользу бедных; 5) Совершение паломничества в Мекку.

7. *Ты четырех халифов утвердил.* — Четыре так называемых правоверных халифа, правивших Халифатом после смерти Мухаммеда (632 г.) — Абу Бекр (632-634), Омар (634-644), Осман (644-656) и Али (656-661).

8. *Преданнейший, провидец, праведный старик, лев Аллаха* — эпитеты четырех правоверных халифов (см. прим.7).

9. *Когда в сей мир все четверо пришли* — В этом и следующих бейтах поэт говорит о четырех правоверных халифах (см. прим..7), их преемственности в служении исламу.

3. Мирадж

1. *Твой славный путь на небо воспою* — По мусульманскому поверью, пророк Мухаммед на сказочном Бураке (см. Словарь) совершил путешествие в Иерусалим, а оттуда на небо для беседы с Аллахом.

2. *Семь сокровищниц* — семь планет. *Четыре жемчуга* — четыре стихии: огонь, воздух, вода, земля.

3. *Звездный Матери чертог* — Млечный путь.

4. *Покорно Джабраил склоняет стяг...* — Джабраил — архангел Гавриил — один из главных ангелов.

5. *Надело небо пояс — рабства знак!* — Речь идет о покорности небожителей перед Мухаммедом.

6. *Голубой сад* — рай.

7. *Кто ж пояс преклонения надел...* — т.е. принял ислам.

8. *До коих пор завесы не поднять...* — в этом и следующих бейтах поэт призывает Мухаммеда восстать из мертвых и свергнуть деспотичных правителей, как смахивают с шахматной доски битые фигуры, создать гармоничный мир на земле, т. е. смирить четыре стихии (см. прим.2).

9. *Двух тяжущихся вечно в час зари...* — Смена дня ночи.

6. Причина сочинения книги

1. *Мы не желаем слышать тюрок речь...* — Правитель Ширвана Ахситан (1145—1203), будучи тюрком, вел свой род от иранской династии Сасанидов и при дворе проводил иранофильскую политику. И, естественно, заказывая Низами поэму, предупреждает его, что поэму следует писать не на тюркском языке, а на персидском.

2. *Сказал тюльпан моих последних лет. Сын Радости, которой больше нет.* — Поэт говорит о своей любимой жене Аппак, которой больше нет, и о сыне Мухаммеде.

7. Восхваление ширваншаха Ахситана, сына Манучихра

1. *Семь достойнейших мужей* — семь избранных мусульманских святых.

2. *Двенадцать башен крепостных* — двенадцать знаков Зодиака, равных числу месяцев в году.

3. *Семь щитов небесных* — семь планет.

4. *Их глаз! Четверка рук и девять спин, Чтоб вечно к властителю быть лицом, Висят покорно на двери кольцом!* — Их глаз — солнце; четверка рук — четыре стихии: земля, вода, огонь, воздух; девять спин — семь планет, солнце и луна. Все, повернувшись к власти — лину, покорно служат ему.

5. *Во гневе ж — солнцем поражает льва* — Т. е. как солнце заслоняет собой созвездие Льва.

6. *Звучат шесть букв — и поражает он Весь этот мир со всех шести сторон...* — Имя ширваншаха Ахситана в арабской графике состоит из шести букв. Шесть сторон — это север, юг, восток, запад, зенит и надир.

7. ... как *Махмудов слон*. — Махмуд — один из могущественных правителей династии Газневидов, совершил походы в Индию и вывез оттуда в Среднюю Азию и Иран боевых слонов.

8. Приветствие ширванскому шаху

1. *Весь небосклон — исправный конюх твой, Овсом он ясли полнит и травой, И знаки их на своде, что высок, Весь Млечный луг и Дева-колосок*. — Здесь в персидском тексте поэт использует излюбленный поэтический прием джинас, т. е. обыгрываются созвучные слова (омонимы и омофоны): сено (трава) по-персидски — кьях, Млечный путь — кьях-кашан; колос — сюнбюль, созвездие Девы — Сюнбюль

2. *С последним утром мира* — т.е. в день воскресения мертвых.

3. *Хумай* (гумаюн) — языческое божество в образе птицы. По преданию, если тень ее падет на голову человека, ему суждено стать правителем процветающей страны.

9. О поручении своего сына сыну ширванского шаха

1. *Он прикоснулся к новому перу, А я уроки первые беру*. — Поэт приводит слова своего сына о том, что сын ширваншаха Ахситана приобщается к управлению страной, а он берет первые уроки жизни.

2. *Слияния двух царств дивный плод*. — Дивный плод — сын ширваншаха Ахситана. Жена Ахситана, мать его сына, Тамар была дочерью грузинского царя Давида IV.

3. *Невеста же из этого ларца*. Невестой поэт называет

поэму, которую он сочинил.

4. *Не награжден отец ее — пускай, Но брата — непременно обласкай*. — Поэт, породивший поэму, называет своего сына ее братом и просит правителя обласкать его.

10. Жалоба на завистников и ненавистников

1. *Пускай хранит сокровище — замок, Здоровье — руты жертвенный дымок*. — Рута — ядовитое растение, содержащее эфирное масло. По мусульманскому поверью, дым от руты защищает человека от дурного глаза.

2. *Коль вникнуть в буквы «Низами» дано, Увидишь и мя тысячу одно*. — Сумма цифровых значений арабских букв, составляющих псевдоним поэта («Низами»), представляет собой магическое число — 1001.

3. *Сочтешь «Ильяс», откинув три черты, Увидишь девяносто девять ты!* — Цифровое значение арабских букв имени Ильяс составляет число 102. Если, как сказано во втором полустишии бейта, из этого числа отбросить три черты, т. е. число «три», то останется 99. Число 99 — это число эпитетов Аллаха, так называемые прекрасные имена.

4. *Юсуф луну красою превзошел, От братьев же спасенья не нашел*. — Полный диск луны в поэзии — символ красоты, (см. Словарь).

5. *Тому, кто всех арабов затмевал...* — Всех арабов затмил пророк Мухаммед.

6. ... *Житья отей, геенны не давал...* — «Отцом геенны» Мухаммед назвал своего дядю (в персидском тексте Абу Лахаб) за то, что он преследовал его в начальный период пророческой миссии.

11. Просьба о прощении за свои жалобы

1. *Мой товар*, т.е. мои стихи.

12. Назидание своему сыну Мухаммеду

1. *Чем лучше стих, тем мы хитрее лжем!* — «Самые лучшие стихи — самые лживые» — афоризм, приписываемый пророку Мухаммеду.

2. *Таблицы длани Божией любя. Познай в извилах линий сам себя...* — Этот бейт перекликается с афоризмом, приписываемым пророку Мухаммеду — руководствуясь предписаниями Божиими, глубже познаешь сам себя.

15. Поминование отца

1. *Заки ибн Муайяд* — Заки — дед поэта, Муайяд — прадед

19. О предании своего бытия забвению

1. *От потери крови вдруг спасет.* — В старину паутиной пользовались для остановки кровотечения из раны.

20. Об отказе от тщеславия

1. Спокойней пыль трех прочих жемчугов. — Пыль — земля. Три жемчуга — стихии: вода, воздух, огонь, в сравнении с которыми земля (пыль) устойчива, т. е. спокойней.

21. О забвении прошедшей жизни

1. *Пускай Коран на семь ладов прочтешь...* — Арабская графика регистрирует в письме только долгие гласные, это допускало неоднозначное понимание и чтение текста Корана. Чтобы исключить этот недостаток, уже в конце IX века в письме были введены дополнительные значки, существенно исключающие разночтения, но и это окончательно проблему не решило. Поэтому в X веке богослов Ибн Муджахид предложил семь способов чтения Корана, которые были признаны одинаково правомерными. Об этих семи способах идет речь в приведенном бейте.

24. О том, что нельзя терпеть гнет

1. *А сделаешься лилией, смирясь, И пищею твоею станет грязь* — Т.е. если станешь всем угождать, то, подобно лилии, будешь питаться грязным илом.

31. Начало повести

1. *И имя «ночь» — Лейли* — Имя героини поэмы образовано от арабского слова «лейл» — ночь.

32. О том, как Лейли и Кейс полюбили друг друга

1. *Воспламеняла юношей Лейли, — Пылая, все порезаться могли.* — Красота Лейли была настолько удивительной, что гости, чистящие фрукты, при ее появлении от потрясения порезали себе руки. Здесь поэт использует сцену из легенды о Юсуфе. Жена вельможи Зулейха приглашает Юсуфа в свои покои, где сидят ее подружки, угощаясь фруктами. Увидев Юсуфа, они были до такой степени поражены его красотой, что от растерянности порезали себе руки фруктовыми ножами.

33. О любви Меджнуна

1. *Ночь наступала среди дня не раз...* — Имеется в виду затмение солнца.

36. Плач Меджнуна от любви к Лейли

1. *Как по Азре тоскующий Вамик...* — Азра и Вамик, преданные влюбленные, герои одноименной поэмы персидского поэта XI века Унсури. Имена героев поэмы стали нарицательными.

2. *В «л» ноги подгибаются мои, Боль изломала руки, словно «и».* —

Поэты, писавшие арабской графикой, часто пользовались начертанием букв или их изгибами для передачи состояния человеческого тела.

Например, «л» — вертикальная линия с крючком внизу, «и» — извилистая линия и т.д.

48. Меджнун упрекает Науфала

1. *Пока ослов я с крыши не спущу!* — Намек на пословицу «Нести ослов на крышу», т. е. оказывать почести людям,

которые этого не заслуживают. Науфал обещает Меджнуну «спустить ослов с крыши», т.е. наказать людей племени Лейли, которым незаслуженно сопутствовал успех.

50. Меджнун освобождает газелей

1. *Забыв и палец изо рта извлечь.* — Прикусить (указательный) палец — распространенный жест у народов Ближнего Востока, выражающий удивление, замешательство. Забыть вытащить палец изо рта — значит остолбенеть от недоумения.

54. Отец выдает Лейли за Ибн Салама

1. *Как сыплют на пол во дворце песок, чтоб головы врагам палац отсек!* — Когда во дворце совершалась казнь, на место, где приговоренному отсекали голову, обильно сыпали песок, чтобы не испачкать пол.

Ибн Салам горстями сыпал золотом, как сыплют песок перед казнью.

2. *Так много дал за молоко добра!* — Здесь имеются в виду щедрые подарки от жениха матери невесты, вскормившей ее своим молоком.

56. Меджнун узнает о замужестве Лейли

1. *Благословен багдадский тот мудрец, Что тайну слов поведал, как певец...* — Возможно, кроме устного варианта арабской легенды о Лейли и Меджнуне, Низами располагал и письменным изложением этой легенды неким «багдадским мудрецом». Кроме того, известно, что Абу-Бакр ал-Валиби составил в XI в. полный сборник стихов, приписываемых Меджнуну и Лейли.

57. Сетования Меджнуна, обращенные к Лейли

1. *Ты — шах, перед которым два слона* — Здесь проводится аналогия с шахматной игрой — перед шахом у противника два слона.

2. *Султан в шатре душистом взор вперил — Рассвет и тьму навеки покорил!* — Под султаном в шатре душистом имеется в виду прекрасное лицо Лейли, которая своей красотой покорила весь мир, т.е. рассвет и тьму.

58. Отец навещает Меджнуна

1. *Сказитель, что рожден среди персов был, Так о делах арабов говорил...* — Здесь Низами говорит еще об одном письменном источнике легенды (см. прим. 1 к гл.56). В связи с тем, что Низами говорит о персе по рождению, писавшем об арабах, профессор Р. М. Алиев отождествляет его с Абу-л-Фараджем ал-Исфахани (897—967), родившимся в Иране, автором знаменитого сочинения «Книга песен».

2. *Старик любимца-сына был лишен. Как встарь Якуб — с Юсуфом разлучен...* — см. Словарь (Юсуф).

59. Ответ Меджнуна отцу

1. *Сломался разумения калам* — т.е. я лишился разума по предписанию божественной воли. Калам — см. Словарь.

64. Меджнун любит чертогом Всевышнего

1. *Фархад на скакуне в разведку мчал, В рукав Большой реки Корабль стал.* — Фархад — звезда Бета. Корабль — звезда в созвездии Большой реки. В этом бейте и далее — в разделе поэмы о том, как Меджнун любит чертогом Всевышнего, — Низами поэтизирует яркую картину южного ночного неба, сияния звезд на темном фоне, луну, игру и перемещение планет и скопления звезд по небосклону. Низами перечисляет десятки названий звезд, в образных выражениях описывает их красоту.

67. Меджнун молится чертогу Господнему

1. *Все шесть сторон, все горы и поля!* См. прим. 6 к гл.7.

68. Меджнун получает письмо от Лейли

1. *Чернеют волны локонов как «джим», Стан словно «алиф» прям, и ротик — «мим...»* — Здесь Низами употребил излюбленный прием восточных поэтов, использующих начертания арабских букв для передачи различных образов: завиток в конце буквы «джим» как кудри красавицы, вертикальная линия буквы «алиф» как стройный стан возлюбленной, а кружочек буквы «мим» — как маленький ее ротик.

2. *И свод бровей над ними сросся в «чет, хоть «нечет» непреклонно и речет.* — «Чет и нечет» — название игры. Здесь обыгрывается противопоставление «да» и «нет» — взлет бровей манили Меджну-на, а нормы этики останавливали его.

70. Ответ Меджнуна на письмо Лейли

1. *Попону за тобой ношу, как раб...* — Чтобы выказать значимость, брали с собой вереницу слуг с седлами и попонами.

2. *И только сторож-змея приполз назад...* — По мусульманским поверьям, драгоценные клады охраняются змеями.

73. Встреча Меджнуна с матерью

1. *Разбой твой тюркский прекратить пора...* Т. е. то, как ты истязал себя, походит на набег кочевников-тюрков.

2. *И только тот освобожден от пут, Кого на четырех конях несут...* — Четыре коня — это четыре ручки погребальных носилок, на которых умершего несут на кладбище.

3. *Алоэ отвращает скверный глаз...* — По преданию, дым от сжигаемого сушеного алоэ оберегает человека от дурного глаза.

74. Меджнун узнает о кончине матери

1. *Рассветный всадник вырвался вперед, Отвоевал у всех, небесный свод...* — Т. е. взошло солнце и отвоевало у звезд и планет небесный свод.

76. Меджнун изливает душу Лейли

1. *В два лука целься — прямо вот сюда!* — Два лука — образ бровей, т. е. целься в переносицу (между двух бровей).

78. Ответ Меджнуна Саламу из Багдада

1. *Позволь молиться в сторону твою...* — Мусульмане молятся, обращаясь лицом в сторону Мекки, а Салам, в знак уважения к великому мученику и поэту, просит разрешения во время молитвы обращаться лицом к нему.

79. Кончина Ибн Салама, мужа Лейли

1. *Жемчужина земная, как луна, В драконью пасть была заключена...* — Кончина мужа Лейли сравнивается с мифологическим объяснением затмения луны.

2. *Коль семь дерев на четырех корнях, И тьма гвоздей на девяти щитах.* — По средневековым географическим понятиям — семь обитаемых частей света, которые держатся на четырех стихиях (см. прим 2, гл.3). Тьма гвоздей — бесчисленные звезды, девять щитов — семь планет, солнце и луна.

80. Приближение осени и кончина Лейли

1. *И этих негрят лозы своей Развесил уж индус на много дней.*

Образное изображение сцены, когда осенью садовник (индус) развешивает черные гроздья винограда для длительного хранения.

2. *Из печени растрескавшейся тот На раненое сердце слезы льет.* — Поэтическая картина: растрескавшаяся кожура спелого граната, из которого капая, словно слезы, капли густого сока.

3. *Сад роз* — имеется в виду Лейли.

4. *Вьюк кочевой давно увязан в путь...* — Лейли говорит о своей готовности к завершению земного существования.

81. Плач Меджнуна над могилой Лейли

1. *Кто славной книги сей тугру связал, Так повести развязку рассказал ...* — Тугру связать — т. е. украсить титульный лист книги своим витиевато начертанным вензелем. По всей вероятности, Низами опять говорит об Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (см. прим.1 к гл.58).

84. Заключение книги с именем ширванского шаха

1. *Хакан великий Абу-л-Музаффар!* — *Хакан* — титул правителя монарха. *Абу-л-Музаффар* — форма собственного имени по сыну — отец Музаффара. Музаффар — имя сына ширваншаха Ахситана (см. Словарь).

СЛОВАРЬ

Алиф — первая буква арабского алфавита, пишется в виде вертикальной линии. В поэзии — символ изящности и стройности стана возлюбленной.

Амириты — европеизированное название племени Амири, к которому принадлежал Меджнун.

Ариш — легендарный лучник, один из персонажей «Шах-наме» Фирдоуси.

Афрасияб — иранский (персидский) вариант имени мифического героя древнетюркского эпоса, правителя Турана (страны тюрков) Алп Эр Тонги. Один из персонажей поэмы «Шах-наме» Фирдоуси.

Ахситан — правитель Ширвана (1149—1203), сын Манучхра II (??-1149).

Барбад — имя легендарного музыканта, героя иранского эпоса.

Бейт — стих, поэтическая строка; состоит из двух полустиший, связанных между собой единой законченной мыслью.

Близнецы — зодиакальное созвездие.

Бунчук — древко с привязанным к нему конским хвостом и другими украшениями, служившее знаком власти.

Бурак — сказочное существо, на котором пророк Мухаммед совершил восхождение на небо для встречи с Аллахом.

Бурджис — планета Юпитер.

Вяхирь — голубь

Газель — монорифмическое стихотворение любовно-лирического или философского характера, содержащее от пяти до пятнадцати бейтов (см.) В газели рифмуются оба полустушия первого бейта и последнее полустушие каждого последующего бейта. Гяз — мера длины, около 1 метра.

Джамшид или **Джам** — легендарный правитель, герой иранских эпических преданий. Владел несметными богатствами, а также волшебной чашей (джамом), на дне которой отражались события, происходящие в мире Персонаж поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

Джейхун — арабское название Амударьи. В поэзии встречается как нарицательное название бушующей, стремительной реки.

Див — фантастическое чудовище, злой дух.

Диван — 1) канцелярия при правителе страны, совет высокопоставленных государственных деятелей; 2) сборник произведений какого-либо поэта, составленного в определенной последовательности жанров и в алфавитном порядке последней буквы рифм.

Дирхем — арабская серебряная монета, единица арабской монетной системы.

Заххак — мифический персонаж иранских эпических преданий, шах-тиран. Из плеч его росли две змеи, которых он кормил человеческим мозгом.

Земзем — священный источник у святилища Каабы.

Зерцало тайн — зеркало на дне чаши см. Джамшид.

Зухра — планета Венера.

Ирем — мифический райский сад.

Иса — особо почитаемый мусульманский пророк, последний перед Мухаммедом. Упоминается в Коране как приближенный Аллаха. Обладал даром исцеления людей. Библейский Иисус Христос.

Исмаил — коранический персонаж, сын Ибрахима, библейского Авраама. Отец должен был принести его в жертву, но Аллах ниспослал ему барана для жертвоприношения и этим спас Исмаила.

Исмаилиты — шиитская секта в исламе, распространена в странах мусульманского Востока. При сектах создавались тайно действующие группы, которые совершали политические убийства, провоцировали антифеодальные восстания. Часто служили орудием в руках соперничающих правителей. Тайные действия и терроризм исмаилитов вызывали страх и смятение у феодалов и состоятельных горожан. Этим объясняется неприязненное отношение к ним у Низами.

Исрафил — по мусульманской мифологии — ангел, который трубным звуком возвестит о приходе Судного дня.

Исфендиар — легендарный богатырь древнеиранского эпоса.

Кааба — главное святилище ислама, кубообразное сооружение, находится в центре просторного двора главной мечети в Мекке.

Калам — тростниковое перо, оттачивается перочинным ножом.

Камча — плеть.

Канун — струнный музыкальный инструмент.

Карун — коранический и библейский персонаж, легендарный владелец несметных богатств.

Касыда — хвалебное монорифмическое стихотворение, ода. Чаще всего посвящается конкретной личности или знаменательному событию, красоте природы. Относится к ряду малых поэтических форм, но может насчитывать до двухсот бейтов. Получила широкое распространение в придворной поэзии.

Каф — мифические горы. Каф и Кад — горы, находящиеся на противоположных краях земли.

Кебаб — мясо, изжаренное на вертеле.

Кевсер — по коранической легенде — река в раю.

Кейван — планета Сатурн.

Кейсар — обобщенное название византийских императоров.

Кейкубад — имя легендарного царя Древнего Ирана.

Кейхосров — имя легендарного царя Древнего Ирана.

Кипарис — в поэзии символ стройности.

Коран — главная священная книга мусульман, которая содержит записи проповедей, произнесённых Мухаммедом в городах Мекке и Медине между 610 и 632 годами. Состоит из 114 сур (глав).

Лотос, Лотос Предела — по мусульманским верованиям — местопребывание Аллаха.

Манучихр — см. Ахситан.

Маррих — планета Марс.

Медресе — мусульманская духовная школа.

Мекка — город на Аравийском полуострове, религиозный центр ислама, место паломничества мусульман.

Мере — древний город в Средней Азии. Во времена Низами переживал свой расцвет. В 1222 году разрушен монголами.

Мирадж — вознесение пророка Мухаммеда на небо для встречи с Аллахом.

Микаил — архангел Михаил.

Михраб — ниша в мечети, указывающая направление в сторону **Мекки** (см.) куда обращаются лицом при молитве).

Мускус — ароматическое вещество, которое добывают из желез газелей и джейранов

Муштари — планета Юпитер.

Намаз — обряд молитвы у мусульман, совершаемый пять раз в день.

Нарды — популярная игра, где шашки передвигаются в зависимости от числа очков, выпавших на игральном костяке. Наиболее удачным является число шесть.

Нежд — горы в центральной части Аравийского полуострова.

Новруз — праздник первого дня весны.

Овен — зодиакальное созвездие.

Онагр — дикий осел.

Парвиз Хосров — царь династии Сасанидов, герой поэмы Низами «Хосров и Ширин».

Пери — в мусульманской мифологии волшебное существо в образе крылатой женщины, охраняющей людей от злых духов.

Плеяды — звездное скопление в созвездии Тельца.

Рак — зодиакальное созвездие.

Рафраф — мифическое существо, которое помогло Мухаммеду добраться до Порога Лотоса, местопребывания Аллаха. Руд — струнный музыкальный инструмент.

Рустам — богатырь, герой древнеиранского эпоса, один из главных персонажей поэмы «Шах-наме» Фирдоуси.

Саз — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Салих — пророк, один из предшественников Мухаммеда, упомянут в Коране

Самирит — легендарный мудрец.

Самум — название сухого, горячего ветра в пустынях, иногда переходящего в песчаные бури.

Самшит — южное вечнозеленое дерево с очень твердой древесиной, идущей на различные поделки.

Семь сфер — сферы небесного свода, по мусульманской астрологии соответствуют семи планетам.

Сулейман — коранический персонаж, библейский царь Соломон. Согласно Корану был мудр, знал тайное и скрытое, понимал язык животных и птиц.

Телец — зодиакальное созвездие.

Тугра — вензель, знак правителя, в котором в стилизованной форме арабской вязью начертано его имя.

Увайс — один из сподвижников пророка Мухаммеда, страстный последователь его учения.

Утарид — планета Меркурий. Астрологи олицетворяли эту планету как небесного писца.

Фагфур — обобщенное название китайских императоров.

Факих — знаток исламской доктрины о правилах поведения мусульман.

Фарсанг, фарсах — единица измерения пути, соответствует примерно 6—7 км.

Хаджж — паломничество в Мекку (см.).

Хаджи — почетный титул, присваиваемый мусульманам, совершившим паломничество в Мекку.

Халиф — титул главы мусульманского государства, в руках которого находилась светская и религиозная власть.

Харвар — мера веса, груз одного осла, т. е. около 100 кг.

Харут — одно из мифических существ, так называемых парных ангелов (**Харут и Марут**), заточённых за грехи в темницу. Упоминаются в Коране как знатоки магии. **Харут** — синоним чародея.

Хутба — проповедь в мечети по пятницам, праздникам или по особому поводу. В ней воздаётся хвала Аллаху, пророку Мухаммеду, упоминается имя здравствующего правителя. Это упо-

минание имело важное значение — признание независимости правителя.

Хызр — легендарный мусульманский святой. По преданию много путешествовал, отыскал источник живой воды и, испив из него, стал бессмертным. Он умел чудесным образом перемещаться в пространстве и приходил на помощь путникам.

Чанг — струнный музыкальный инструмент, изогнутая трапецевидная арфа

Шейх — титул почтенного по летам благочестивого наставника мусульман, знатока исламского богословия.

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный. В исламе — пророк и провидец. В 12-й суре Корана изложена легенда о его жизни. Краткое содержание легенды: у Якуба (Иакова) было двенадцать сыновей. Он особенно любил младшего сына Юсуфа. Братья завидовали ему и однажды, взяв его с собой пасти скот, бросили в колодец. Отцу они сообщили, что Юсуфа загрызли волки. Случайные путники помогли Юсуфу выбраться из колодца и увезли его в Египет. Там Юсуфа как раба продали вельможе Кетфиру (Пентефрию). Жена Кетфира — Зулейха влюбилась в Юсуфа, но Юсуф отверг ее домогательства. Сюжет легенды привлекал внимание многих поэтов мусульманского мира, — появились различные варианты поэмы «Юсуф и Зулейха». Образами и эпизодами этой поэмы пользовались поэты в своих произведениях. Особой популярностью пользовался Юсуф как символ благородства, красоты.

Оглавление

Низами Гянджеви	3
1. Во Имя Аллаха, милостивого и милосердного	11
2. Славословие Пророку, да благословит его Аллах и приветствует!	17
3. Мирадж (Восхождение Пророка на небо)	20
4. Доказательство сотворенности всего сущего на свете	24
5. Начало доказательства	25
6. Причина сочинения книги	30
7. Восхваление Ширваншаха Ахситана, сына Манучихра	35
8. Приветствие Ширванскому шаху	40
9. О поручении своего сына сыну Ширванского шаха	43
10. Жалоба на завистников ненавистников	45
11. Просьба о прощении за свои жалобы	48
12. Назидание своему сыну Мухаммеду	49
13. О пользе немногословья	51
14. Поминовение некоторых усопших близких	52
15. Поминовение отца	53
16. Поминовение матери	54

17. Поминовение дяди, хаджи Умара	55
18. Поминовение усопших друзей и о дружбе с другими	56
19. О предании своего бытия забвению	57
20. Об отказе от тщеславия	58
21. О забвении прошедшей жизни.....	59
22. Об отказе от служения	60
23. Притча о курде, потерявшем осла	61
24. О том, что нельзя терпеть гнет	62
25. Об отказе от служения властителям.....	63
26. О том, что не следует лишать людей хлеба насущного.....	64
27. О радости довольства малым	65
28. О радости служения народу	66
29. О скромности, которая ведет к величию.....	67
30. О сложении стихов в уединении.....	68
31. Начало повести.....	69
32. О том, как Лейли и Кейс полюбили друг друга.....	73
33. О любви Меджнуна.....	77
34. Меджнун отправляется на встречу с Лейли	80
35. Отец Меджнуна отправляется на встречу с Лейли	82
36. Плач Меджнуна от любви к Лейли.....	86

37. Отец увозит Меджнуна к Каабе.....	91
38. Отец Меджнуна узнает о замысле племени Лейли.....	94
39. Отцовские наставления	98
40. Ответ Меджнуна отцу.....	101
41. Рассказ Меджнуна о муравье и куропатке.....	103
42. О состоянии Лейли	105
43. Лейли выходит в сад	110
44. Сватовство Ибн Салама к Лейли	115
45. Меджнун встречается с Науфалом	117
46. Сетования Меджнуна.....	122
47. Битва Науфала с племенем Лейли	123
48. Меджнун упрекает Науфала.....	128
49. Второй бой Науфала	130
50. Муджнун освобождает газелей.....	137
51. Меджнун освобождает оленя.....	141
52. Меджнун разговаривает с вороном	145
53. Старуха ведет Меджнуна к шатру Лейли	148
54. Отец выдает Лейли за Ибн-Слама.....	153
55. Ибн-Салам увозит Лейли в свой дом	158
56. Меджнун узнает о замужестве Лейли	161

57. Сетования Меджнуна, обращенные к Лейли	165
58. Отец навещает Меджнуна	170
59. Ответ Меджнуна отцу.....	177
60. Отец прощается с Меджнуном	180
61. Меджнун узнает о кончине отца.....	183
62. Дружба Меджнуна со зверями	188
63. Рассказ о чудесном спасении	192
64. Меджнун любит чертогом Всевышнего	196
65. Меджнун взывает к Зухре	200
66. Меджнун взывает к Муштари.....	201
67. Меджнун молится чертогу Господнему.....	202
68. Меджнун получает письмо от Лейли	204
69. Письмо Лейли Меджнуну	210
70. Ответ Меджнуна на письмо Лейли	215
71. Меджнуна навещает его дядя Селим	220
72. Рассказ Селима	224
73. Встреча Меджнуна с матерью.....	226
74. Меджнун узнает о кончине матери	229
75. Лейли призывает Меджнуна	232
76. Меджнун изливает душу Лейли	237

77. Салам из Багдада знакомится с Меджнуном	242
78. Ответ Меджнуна Саламу из Багдада	245
79. Кончина Ибн-Салама, мужа Лейли	250
80. Приближение осени и кончина Лейли	255
81. Плач Меджнуна над могилой Лейли	261
82. Кончина Меджнуна у могилы Лейли	264
83. Племя Меджнуна узнает о его кончине	266
84. Заключение книги с именем ширванского шаха	269
85. От переписчика	273
86. Примечания	274
87. Словарь	287

Низами Гянджеви

Лейли и Меджнун

Технический редактор

Фарид Керимов

Художник

Рамиль Алиев

Дизайнер

Заур Мамедов

Корректор

Севда Ашурбекова

Подписано в печать 16.07.2009.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Ф.п.л. 18,75. Тираж 1000 экз.

Типография «Чашыюглу»,
г. Баку, ул. М.Мушфига, 2Е.

